

А. П. Ястребицкая

Западная Европа XI-XIII веков

Москва
„Искусство“
1978

Эта книга—о классическом периоде европейского средневековья.

Уже само название „средние века" содержит в себе элемент пренебрежительности. Оно подразумевает, что в истории Европы были два „светлых" периода — античность и новое время, между которыми лежит провал, „ненастоящее" или „темное" время, средние века. Давным-давно укоренилось представление, что средние века — период застоя, и термин „средневековье" стал синонимом мрачного и реакционного. Но справедливо ли такое суждение?

Под средними веками современная историческая наука понимает большую историческую эпоху. Она не установилась в один день и не окончилась в один день, и нет ничего удивительного, что ее хронологические грани представляются размытыми, неопределенными. Ее начинают обычно с условной даты — с падения Западной Римской империи в 476 году, хотя это событие, смещение последнего западноримского императора Ромула-Августула и отсылка его императорских инсигний в столицу Восточной империи, в Константинополь, не было воспринято современниками как факт первостепенной важности, да и на самом деле не было таковым. Может быть, более правильным было бы проводить хронологическую границу между античностью и средневековьем где-то в конце VI или в начале VII столетия, после вторжения лангобардов в Италию и окончательного упадка последних очагов римской городской жизни. Концом средних веков принято считать английскую буржуазную революцию середины XVII века, но уже последние века перед ней, окрашенные печатью Возрождения и великих географических открытий, носят совер-

шенно особые, далеко не средневековые черты.

Средневековье — время господства феодального способа производства. Античный город пришел в упадок, и средневековье исходило из деревни. В раннее средневековье аграрная стихия господствует повсеместно и лишь кое-где существуют скудные, полуразрушенные подобия городских центров. Поместье, где господин с помощью труда зависимых людей удовлетворяет большую часть своих материальных потребностей; монастырь, отличающийся от обычного поместья лишь тем, что его хозяин — „коллективный сеньор" и что здесь время от времени встречаются грамотные люди, способные переписать книгу и имеющие для этого достаточный досуг; королевский двор, который переезжает с места на место и который организует свою жизнь и управление опять же по образцу обычного поместья, — таковы основные общественные формы существования раннесредневекового общества. С X—XI веков в этот аграрный мир вторгается новый элемент — город. На первых порах город остается в административном и политическом подчинении у деревни-поместья, в идеологическом — у монастыря; хозяйственная и социальная жизнь раннесредневекового города пронизана феодальными принципами, и господствующая верхушка горожан стремится подражать сеньорам. И все-таки город постепенно подтачивает основы средневековья, сам мало-помалу преобразуясь и преобразуя своих „противников" — феодальных сеньоров. В ожесточенной борьбе между крестьянами и феодалами, между городами и сеньорами, между различными группировками внутри феодаль-

ной знати, между носителями централизации и сепаратизма надвигался конец средневековья.

Это была эпоха со своими особыми социальными отношениями и особой культурой. Она оставила нам огромное политико-культурное наследие: именно в средние века рамки Европы были раздвинуты и началась полоса географических открытий; было создано понятие сословной чести и рыцарского служения даме; появились представительные учреждения.

Благодаря успехам отечественной медиэвистики, мы теперь хорошо представляем себе социальную и хозяйственную историю западноевропейского средневековья. Знаем и об организации хозяйства в феодальном поместье и об устройстве городских ремесленных корпораций, о формах эксплуатации крестьянства и о формах его классово-борьбы. Многочисленные специальные исследования воссоздают картины крупнейших общественных и социальных движений средневековья и события политической истории.

И в то же время наш читатель очень мало знает о быте и повседневной жизни людей той эпохи. А вместе с тем „темному“ средневековью мы обязаны не меньшим количеством изобретений, чем „просвещенной“ античности. Именно к классическому средневековью восходит изобретение пуговицы и очков, основных элементов современного костюма (брюк, юбки); именно в эту эпоху научились ходить под парусом против ветра и надели хомут на вола (что коренным образом изменило систему упряжи), освоили стойловое содержание скота и стали применять удобрения; научились играть в футбол и изготавливать спирт.

В этой книге речь пойдет о повседневной жизни средневекового человека, окружающем его быте: о жилище, городском и сельском, о мебели, утвари, пище, одежде; о том, как все это добывалось, изготовлялось, перевозилось по суше и по морю; о сельском хозяйстве, ремесленной технике, транспорте; о санитарии и гигиене, болезнях и эпидемиях, представлениях об устройстве человеческого организма и медицинской помощи.

Но предметы быта не существовали сами по себе — окружающая общественная среда накладывала на них отпечаток, определяя их специфику. Взаимообусловленность общества и его быта находила выражение в особенностях жизненного уклада крестьян, горожан, феодалов и духовенства. Именно с социальных позиций рассматривается в книге облик средневекового города, феодального замка и феодальной деревни, средневекового монастыря.

Предметы быта — от жилища до костюма — несли тогда на себе не только печать их социальной принадлежности, но и идеологических и социально-психологических представлений эпохи. В деталях повседневного существования отражались подчас самые высокие идеи и образы, относящиеся к сфере времени и пространства, к космогонии и исторической мысли, к изобразительному искусству и поэзии.

Вот почему не будет ни странным, ни противоречивым, если мы начнем свой рассказ с высот отвлеченных идей, с времени и пространства, и постепенно спустимся к самым будничным феноменам быта.

Анализ предметного мира поможет глубже понять культуру и изобразительное искусство европейского средневековья.

Мир, в котором жили

Человеческое общество находится в постоянном движении, изменении и развитии, и каждой эпохе всемирной истории присуща своя исторически обусловленная картина мира. Как же осознавали и воспринимали мир люди средневековья? Одной из черт, наиболее полно отражающих мироощущение эпохи, является представление о времени. Казалось бы, что может быть неизменнее и однозначнее этого понятия. В современном его восприятии время бесконечно и необратимо, оно мыслится как абстракция, как априорное понятие, скрывающее за собой объективную реальность, существующую в природе вне и помимо людей и их деятельности. Мы четко разграничиваем прошедшее, настоящее и будущее. Умеем хорошо измерять время с помощью совершенных технических устройств. Современному общественному сознанию, наконец, в высшей степени присуще ощущение ценности времени, стремительности его течения. Но подобные представления о времени — достояние общества технически высокоразвитого, они имеют мало общего с тем, как переживалось и восприни-

малось время людьми других исторических эпох, людьми так называемого аграрного общества, а ведь именно таким и являлось средневековье наряду с первобытным миром и античностью.

Современному человеку, привыкшему жить „не сводя глаз с часов“, трудно представить себе ту далекую эпоху, когда часы (солнечные, водяные, песочные или механические) были редкостью, когда о движении дня и ночи человеку напоминали жаворонок и соловей, звезды и заря, цвет неба и ветер с гор, раскрывающиеся и смыкающиеся чашечки цветов — напоминали, конечно, довольно неопределенно, как мы бы теперь сказали, с большим приближением.

В период раннего средневековья античное искусство строить солнечные и водяные (клепсидры) часы сохранилось только в Византии и в арабском мире. На Западе они были крайней редкостью, и хроники специально отмечают, что арабский халиф Харун ар-Рашид прислал императору Карлу Великому (728—814) в Аахен водяные часы, устроенные довольно сложно. Когда появились механические часы, сказать затруднительно: в XIII веке они, во всяком случае, уже существовали, и Данте упоминает колесные часы с боем. Известно, что в 1288 году башенные часы были установлены в Вестминстере. Первые механические часы были башенные с одной стрелкой, отмечавшей только часы (минуты не измеряли). Маятника в них не было (его изобрел Галилей, а применение к часовому механизму произошло уже в конце средневековья), ход часов не отличался точностью. Как и их предшественники — солнечные часы и клепсид-

ры, — башенные колесные часы были не только измерителем времени, но подчас представляли собой подлинно художественное произведение, настоящий механический театр. Так, страсбургские часы, созданные около 1354 года, показывали солнце, луну, часы и части суток, отмечали праздники церковного календаря, пасху и зависящие от нее дни. В полдень перед фигуркой богородицы склонялись трое волхвов, а петух кукарекал и бил крыльями; специальный механизм приводил в движение маленькие цимбалы, отбивавшие время. К настоящему времени от страсбургских часов уцелел только петух.

Уже в древности создалось представление о том, что сутки разделялись на двадцать четыре часа, но так как считалось, что двенадцать часов принадлежало ночи и двенадцать — дню, длина ночных и дневных часов оказывалась различной и зависела от времени года. Сложность измерения времени в средние века и немногочисленность часов, которые к тому же служили в очень большой степени общественно-эстетическим задачам, приводили к тому, что на практике точного отсчета времени не было. Время дня разделялось на ориентировочные периоды — утро, полдень, вечер — с нечеткими гранями между ними. Характерно, что французский король Людовик IX (1214—1270) измерял ночами протекшее время по длине неизменно укорачивавшейся свечи.

Не было не только точного отсчета времени, но и само представление о нем средневековья было иным. Природное, „естественное" время, время еще не оторванное от солнечного круговорота и связанных с ним явлений, господствовало в представлениях этой эпохи.

Человек средневековья, по выражению французского историка М. Блока, „в общем и целом индифферентен ко времени". Рутинное средневековое образа жизни, постоянное воспроизведение вчерашнего опыта, тесная взаимосвязанность каждого человека с при-

родным ритмом — все это приводило к тому, что время не ощущалось (в той степени, в какой это свойственно современному обществу сознанию) как ценность, оно не было дорогим, и принцип „время — деньги" был бы в средние века попросту непонятен. Время не было ценностью, и его, естественно, не берегли. Его „не считали" в том и в другом смысле слова: не считали за редкостью измерительных инструментов и не считали потому, что создание товаров, которое предполагает рационально осмысленную затрату времени, еще не было выявлено, как при капитализме, смыслом жизни. Время растекалось, безжалостно расходовалось с точки зрения пуританина XVII века на церемонии и празднества, на медленные „хождения" в дальние страны, на утомительные молитвы. Время утекало часто в ущерб человеку, но это была другая эпоха, которая не столько измеряла время, сколько жила в „естественном" времени, в органическом ощущении смены утра, полдня и вечера. Разумеется, не надо абсолютизировать. Феодал мерил время крестьянина на барщине, но мерил не в часах, а скажем, от зари до зари.

Единственным учреждением раннего средневековья, которое пыталось организовать время, была церковь. Церковное время, казалось бы, отличалось от „естественного" времени, противостояло ему. Церковь разделяла сутки не по природным явлениям, а в соответствии с задачами богослужения, ежедневно повторяющего свой круг. Она начинала отсчет с заутрени (к концу ночи), а затем, с рассветом, отмечала первый час и дальше последовательно третий час (утром), шестой (в полдень), девятый (послеполуденный), вечерню и так называемую „kompleta hora" — „завершающий час", знаменовавший конец суточного богослужения. Однако названия служб (первый, третий, шестой, девятый часы) не должны вводить нас в заблуждение — они отмечали отнюдь не точные интервалы, не строго соизмери-

мые отрезки суток, но начало определенных этапов суточного богослужения, которые в соответствии со временем природного цикла по-разному фиксировались зимой, весной или летом. Но церковь сумела материализовать свой счет времени — она „отбивала“ время, „вызывала“ его на звонницах. Канонические (церковные) часы при всем их внутреннем произволе оказывались внешней рамкой, подчинявшей себе природное время. Они приобретали иллюзию объективности, поднимаясь над субъективным опытом отдельного человека. Провозглашенная с колоколен время уже не принадлежало органически крестьянину или ремесленнику — это было навязанное ему извне время господствующего класса.

Изобретение механических часов, использованное прежде всего церковью для уточнения и унификации времени богослужения, обернулось затем против церкви и привело к уничтожению церковной монополии на время дня. Но это произошло не сразу, а только в XIV веке, когда распространяются башенные часы с боем и когда эти часы воздвигают уже не на церковных, а на городских зданиях. Для новых тенденций весьма показательно то разрешение, которое в 1355 году королевский наместник в Артуа (Франция) дал жителям городка Эр-сюр-ля-Лис. Он разрешил воздвигнуть городскую колокольню, чтобы ее колокола отбивали не церковные часы, а время коммерческих сделок и работы суконщиков. Здесь бюргеры еще сохраняют церковную форму отсчета времени, они водружают колокольню с колоколами, но содержание времени становится иным: это время не общения с богом, а время торговли и производства. В средневековом понимании времени образуется серьезная брешь.

С XIV века время начинают усиленно считать. С распространением механических часов с боем в сознание прочно входит представление, которое до того оставалось неопределенным и абстрактным, — о разделе-

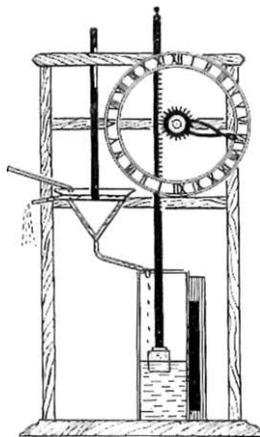
нии суток на двадцать четыре равных между собой часа. Позднее, видимо уже в XV веке, вводится и новое понятие — минута.

Средневековые исходило из принципа, что время принадлежит богу и потому не может быть продано; на основании этого церковь выступала против взимания процентов: кредитор (утверждали церковные писатели), требуя проценты, продавал то, что не было его собственностью, — время. Но в XIV веке купцы и ремесленники осознали время как принадлежащую им ценность. Кредитные операции широко распространились, и „продажа времени“, вопреки церковным постановлениям, сделалась будничным явлением. Вместе с тем возникла тенденция к удлинению рабочего дня. Старые цеховые статуты строго ограничивали продолжительность рабочего дня. Он лимитировался природными рамками — работали от зари до зари. Работа при свечах категорически воспрещалась, за исключением самых темных зимних месяцев. Подобные ограничения диктовались, с одной стороны, заботой о качестве продукции, с другой — самосохранением средневекового ремесла с его узким, локальным рынком, стремлением предотвратить конкуренцию. В XIV веке впервые раздаются требования выйти за пределы рамок природного времени, работать после заката, используя искусственное освещение. Показательно, что эти требования выдвигали не мастера, а подмастерья, рассчитывавшие таким путем увеличить свою заработную плату. Время дня оказывается социально окрашенным: упрочение бюргерства в XIV веке меняет представления о времени, ломает церковные принципы его исчисления. Церковная звонница и городская башня с колесными часами, механически отбивающими время, противостоят друг другу как два феномена разных социальных систем.

Но вернемся назад, к времяисчислению средневековья. Как измеряли люди большие отрезки времени, чем час и день?

Как и в делении времени дня, в измерении года средневековые пользовались двумя взаимосвязанными и вместе с тем противоположными системами, уже знакомыми нам, — природным и церковным временем. В основе природного времени года лежала античная традиция двенадцати месяцев, каждый из которых сопрягался с каким-нибудь особым видом деятельности; разделение это, следовательно, также не воспринималось как астрономическая абстракция, а как органическое явление, как своеобразное сочетание человека с окружающей его природной средой.

Символика двенадцати месяцев — одна из любимых тем средневековых художников и скульпторов. В иллюстрациях рукописных книг и в орнаментальных украшениях храмов сохранились изображения человеческих трудов (целые циклы), где каждая сцена передает специфику того или иного месяца. На портале церкви св. Зенона в Вероне (XII в.) — один из лучших образцов таких циклов. Изображения очень четки и названия месяцев подписаны под каждым из них. Январь самый холодный месяц, и люди средневековья, плохо одетые, плохо питавшиеся, жившие в плохо отапливаемых домах, трудно переносили зиму. Не удивительно, что январь представлен закутавшимся человеком, греющим руки надогнем. Февраль в Италии — пора пробуждения природы, и его символизирует крестьянин, подрезающий лозу. Март иллюстрирован странной фигурой, вероятнее всего, олицетворяющей ветры: мужчина в плаще, дующий в два рога, находящиеся один в левом, другой в правом уголке рта. Апрель — человек с цветами, аллегория весны. Май представлен всадником в доспехах: это месяц военных экспедиций, походов, вооруженных нападений. Июнь вновь возвращает нас к крестьянским трудам, его символ — человек, забравшийся на дерево и собирающий плоды. Июль — крестьянин в остроконечной шапке, серпом убирающий хлеб. Ав-

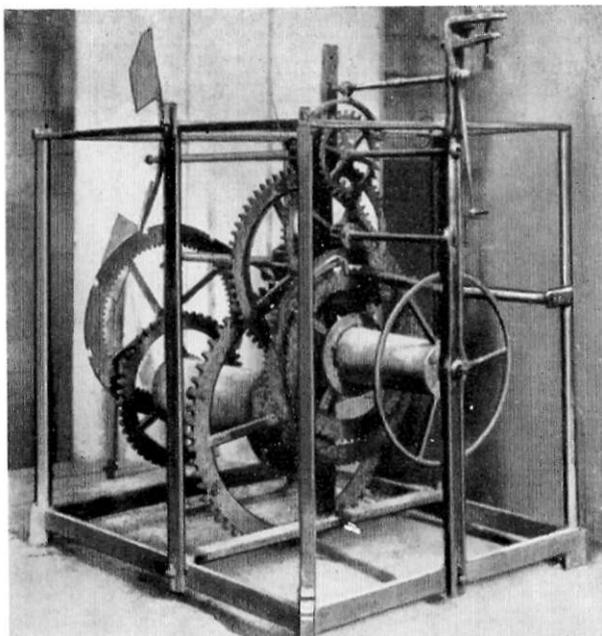
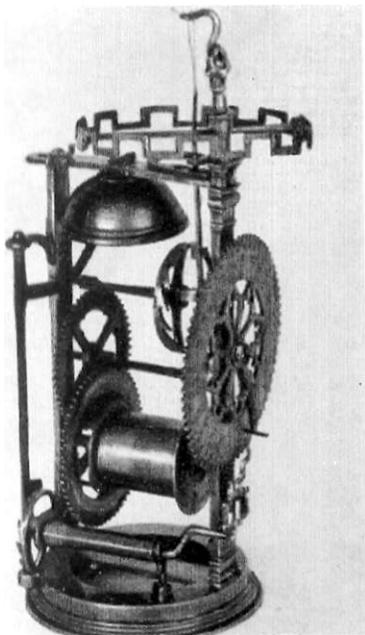
1
Устройство водяных часов (клепсидра)

2
Механизм часов с боем (наиболее ранний из известных). XIV о. Италия

3
Наиболее ранний башенный часовой механизм. 1386. Солсбрийский собор. Англия

густ — это бондарь; приближается пора сбора винограда, и крестьянин, все в той же шапке, подготавливает бочку. Сложное изображение сентября тем не менее очень точно: крестьянин срывает гроздь, несет на плечах корзину с виноградом и одновременно давит ногами вино; предельно насыщенная деятельность полно передает сентябрьскую страду итальянского земледельца. Октябрь — время откорма свиней: крестьянин палкой сбивает желуди с дуба, под которым кормится пара животных. Только недолго им кормиться — ноябрь символизирует крестьянин, закалывающий боров; другой боров уже висит под потолком и, видимо, коптится. И, наконец, декабрь опять возвращает нас к теме холодов — крестьянин собирает топливо.

Природному календарю противостоял церковный, складывавшийся из двух независимых организующих рядов: передвижных и непереходящих праздников. Непере-

ходящие праздники были точно фиксированы в природном (солнечном) календаре: Пасха, например, празднество рождества Христова, справлявшееся 25 декабря и, может быть, не случайно приуроченное к моменту солнцеворота, к началу возрастания дня, то есть к существенному моменту природной жизни. Другие непереходящие праздники отмечали те или иные моменты земной жизни Христа и близких ему лиц (богородицы, Иоанна Крестителя, апостолов), а также память святых христианской церкви.

Но в отчетливой противоположности к ряду непереходящих праздников стоял другой ряд, в основе которого лежал праздник Пасхи, отмечавшийся как день воскресения распятого Христа. Здесь не место говорить о его сложном генезисе, важно лишь то, что первоначально он отмечался по древнееврейскому лунному (а не солнечному) календарю, и эта традиция удержалась после того, когда христианство отреклось от своего ев-

рейского прошлого. Вычисляемый в соответствии со специальными принципами праздник пасхи приходится на различные дни солнечного года и поэтому является передвижным, переходящим. А так как определенные события церковного календаря (великий пост, пятидесятница — день сошествия св. духа на апостолов и др.) исчисляются в соотношении с пасхой, то создается особый ряд переходящих праздников, отмечаемых в разные дни.

Как ни противоречива была система церковного календаря, она, в отличие от природного времяисчисления, по своему своему характеру неопределенного, нестойкого, создавала жесткую систему членения года, закрепленную особыми формами богослужения, обрядами и церемониями, свойственными каждому праздничному дню. Рождество, пасха, обычное еженедельное воскресенье — все это имело свой ритуал, по своему закреплялось в общественной памяти.

Символика календарных месяцев: февраль, май (слияние рыцарской и крестьянской темы), июль, август. Скульптура. 1196. Баптистерий. Парма

5 —
Апрель. Панно. XII в.

„время — вечность“. Вечность лежала в начале и в конце бытия, вернее, до начала и после конца; время мыслилось промежуток (в этическом смысле ничтожным, малозначимым) между сотворением земного мира и его концом — Страшным судом и воздаянием людям по их делам и заслугам.

Поучению средневекового философа и богослова Фомы Аквинского (1225—1274), каждая субстанция, будучи сотворенной, существовала и во времени, и вне времени.

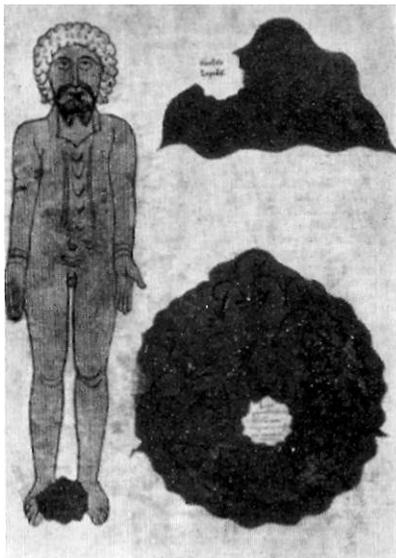
Всякий движущийся (находящийся вне вечности) объект может быть рассмотрен и как субстанция и как движущееся тело; как субстанция он не подлежит измерению временем, он принадлежит вечности, но как движущееся тело он измеряется временем. При этом, в отличие от вечности, время не имеет объективной реальности: прошлое уже не существует, будущее еще не существует, а настоящее не имеет протяженности. Время оказывается только психологической категорией: оно существует в нашей душе, в нашей памяти. Оппозиция вечности и времени господствовала над представлениями средневекового человека, заставляла его глядеть на земное бытие как на преходящее и устремляться мыслью к нетленной вечности, жить в отрицании времени (земного) и в постоянном предуготовлении своей загробной судьбы. Конечно, это было идеалом поведения, расхившимся с

Следовательно, церковь господствовала не только над временем дня, отсчитывая его колокольным звоном, но и над временем года, ею организованным и систематизированным.

Как природный, так и церковный счет времени отличался одной особенностью — цикличностью. Повторение феноменов было в этой системе счета нормальным и обязательным; и как весна обязательно сменяла зиму, как сентябрь-виноградарь приходил вслед за августом-бондарем, так с жесткой обязательностью ежегодно повторяли себя все важнейшие события священной истории — христианского мифа, закрепленного литургией: рождение Христа, его крещение, его вступление в Иерусалим, воскрешение им Лазаря, его распятие и воскресение, его явление ученикам. Средневековое время постоянно повторялось, оно было тем же самым, что и в прошлом году, — во всяком случае, в своей мифологически-литургической сущности.

И эта концепция постоянно повторяющегося времени закреплялась типичным для средневековья противопоставлением

практикой, но идеалом, который не мог не влиять на практику.

К тому же концепция циклического времени наталкивалась на противоречие всамо христианском учении. Согласно учению церкви время повторяло себя, настоящее было тождественно прошлому, но вместе с тем время оказывалось линейным, оно было направлено вперед, ибо христианство мыслило историю телеологически, оно рисовало путь человечества от грехопадения Адама через воплощение Христа, сына божьего, к Страшному суду.

Циклическое и линейное — таково было церковное время средневековья, наложенное поверх природного времени, совпадающее и вместе с тем не совпадающее с ним, — единственная организованная форма исчисления времени вплоть до XIV века, когда вместе с механическими часами внедряется новая система осмысления времени, по сути дела порожденная бюргерством. Ей присущи, правда, пока еще в тенденции, специфические компоненты современного пред-

6
Антропоморфное
изображение горы:
ее возникновение и рост.
Миниатюра. XI в.

7
Разрушение города —
иллюстрация одной из сцен
Апокалипсиса.
Миниатюра. XI в.

8
Страшный суд. Воздаяние лю-
дям по их заслугам.
Миниатюра. XI в.

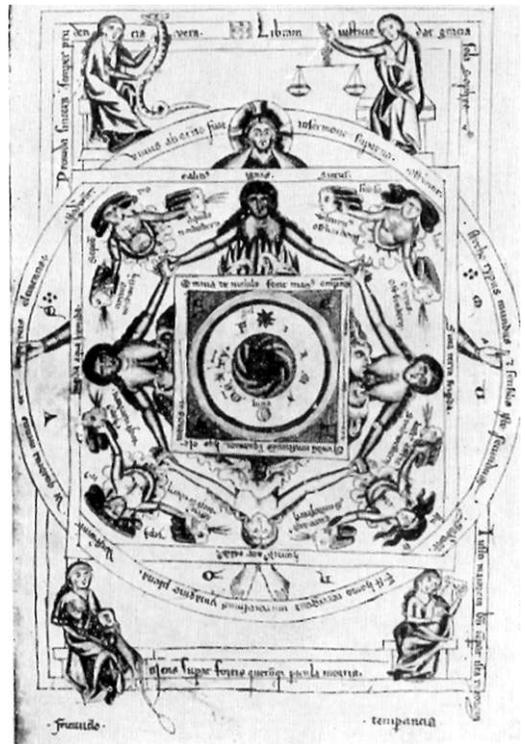
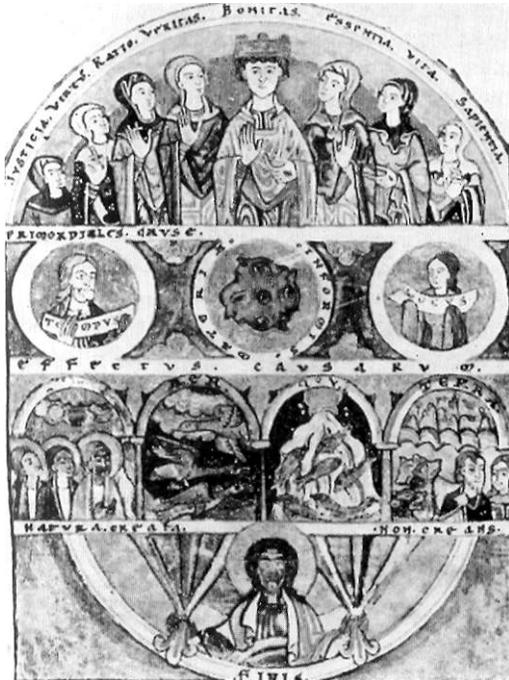
9, 10
Богословские представления о
мироздании. Миниатюры. XII в.

< и явления о времени как о некой субстанции, независимой от природных явлений, сознание его значимости, непрерывности и необратимости.

Окружавший средневекового человека мир, как и время, воспринимался в противоречивом двуединстве. С одной стороны, это был органический мир, неразрывно связанный с человеком, — близкий, родной и понятный, а с другой — сотворенный и устроенный богом космос, подчиняющийся воле, принципиально не доступной человеческому пониманию. Крестьянин, который постоянно жил в деревне и лишь изредка или случайно оказывался за ее пределами, воспринимал землю как что-то свое, как кровно с ним связанное. Крестьянский надел не был простым количеством пашни, луга, виноградника, сада, но чем-то сопричастным семье и

человеку, и предания рисовали длинную нить поколений, владевших и трудившихся на одной и той же земле. Земля измерялась через человека — числом шагов или же временем труда, затраченного на ее обработку, тем, сколько можно было вспахать в течение дня. Средневековые описи дают подчас детальнейшее описание границ надела с указанием всевозможных примет (камней, ручьев, больших деревьев, дорог и тропок, крестов и кустов), но указанные в них земельные меры неточны и не общезначимы — как и средневековые меры времени.

Тесная связь человека со своим наделом и через него — с природой, ощущение органического единства человека с природой, присущее еще первобытному сознанию, находит отображение в фантастическом образе „гротескного тела“, когда люди пред-

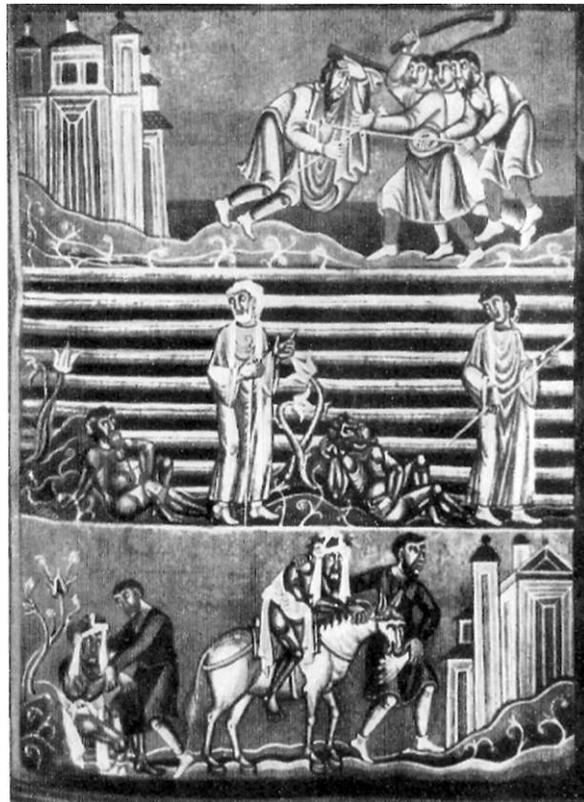

ставлены неотчлененными от природы: то как люди-звери, то как люди-растения, то как антропоморфные горы. Этой первобытной концепции органической связи человека с природой противостоит церковное учение о мире как отрицании неба, как месте временного и скорбного пребывания человечества. Как вечность противостоит времени, так небо находится в оппозиции к земле, и задачей человека, согласно христианскому учению, становится отрыв от земли или, иначе говоря, преодоление своей органической связи с природой. Правда, и в этом случае церковное учение о мире непоследовательно противоречиво: мирское противостоит небесному (божественному) и вместе с тем мир — творение бога, и потому каждое создание божье по-своему божественно и совершенно. И как бы возвращаясь (на другом уровне) к отвергнутой сопричастности человека и природы, христианское богословие строит концепцию человека как микрокосма, как подобие макрокосму вселенной. Человек, как и вселенная, рисовался состоящим из четырех элементов: его плоть — из земли, кровь — из воды, дыхание — из воздуха и, наконец, его теплота — это огонь. По словам Гонория Августодунского (богослова XII в.), совокупность творений разделяется на пять категорий: обладающие телесностью (камни), наделенные жизнью (растения), чувствующие (животные), разумные (люди) и интеллектуальные, или духовные (ангелы). Хотя человек занимает определенное место в этой иерархии тварей, он, согласно Гонорию, располагает всеми пятью качествами и, будучи телесным, соприкасается с небесными существами благодаря своей духовности и своей памяти.

Человек — подобие божие, и один только бог выше него. Он обладает большим, нежели ангелы, ибо ангелы лишены тела и чувств.

11
Семья пилигримов.
Миниатюра. XIII в.

Миниатюра на рукописи сочинения Гонория „Ключ к природе“ знакомит нас с учено-богословскими представлениями XII века о мироздании. Миниатюра состоит из четырех ярусов, верхний из которых перекрыт аркой, символически напоминающей о церковном своде: мы словно присутствуем на космическом богослужении, на вселенской литургии. Верхний ярус заполняют восемь фигур — в центре безбородый мужчина в царском одеянии, его окружают семь дев. Надписи по своду раскрывают символику изображения: бог, непознаваемый, не доступный человеческому взору в своей сущности, открывается ему в теофании — через свои качества как высшее добро (Bonitas), и „семь божественных имен“, перечисленных еще Псевдо-Дионисием Ареопагитом (писавшим около 500 г.): Справедливость, Добродетель, Разум, Истина, Сущность, Жизнь, Мудрость, которые названы в своей совокупности изначальными причинами. В центре второго яруса, в медальоне, плавает странное чудовище, обозначенное словами „materia informis“ — „бесформенная материя“. Это еще несозданная земля, хаос, который не знает ни чувств, ни формы; ему еще предстоит обрести форму и цвет. По обе стороны несозданной материи, также в медальоне, помещены изображения благообразного старца и юной девушки. Это две категории, организующие действительность, — время и место (пространство). Гонорий определяет время как точную меру „движущихся“ вещей, а место — как естественное ограничение каждой вещи, как меру ее бытия, как предел ограниченной природы. Время и пространство — бестелесные и как таковые они изначальны предсуществуют у бога, прежде чем реализоваться в конкретном времени и месте. Третий ярус это организованная материя — „сотворенная и не творящая природа“, как гласит надпись. В соответствии с платоновскими представлениями (а не в духе Библии) художник представил четыре разряда созданных де-

12
Опасности, поддерживающие
путешественника.
Миниатюра. XIII в.

миургом существ: небесное племя (платоновские звезды, превращенные здесь в ангелов), крылатые существа — обитатели воздуха, живущие в воде твари и, наконец, население суши. Смысл нижнего яруса передан одним словом: Finis (конец). Весь космос как бы сходит к изображению второго лица троицы, сына божьего, воплотившегося в Иисусе Христе, которого Библия называет альфой и омегой, началом и концом всего. Церковная концепция мироздания определяется и трактат Гонория и образы, воспроизведенные миниатюристом: их мир движется в рамках основных богословских понятий — от

сотворения к воплощению Христа. Но эта модель принадлежит к сфере мифологии. Практически же люди средневековья живут не в космосе Гонория, а в замкнутом мире, с которым они непосредственно соприкасаются.

Реальный мир средневекового человека пронизан двойственностью: „своему“ миру противостоит мир „чужой“, „дальний“. Образно эта двойственность воплощается в противопоставлении возделанной земли и пса. Мир средневекового человека ограничен бескрайними лесными массивами, которые лишь кое-где пересечены освоенными, го есть вырванными у леса пространствами, и хозяйственный прогресс средневековья долгое время сводился к выкорчевыванию деревьев и распахке пустошей, к освоению леса. Деревни были отделены друг от друга глухим бором, крестьянские дворы подчас терялись в наступавших на них чащобах, и „ничья земля“ решительно разделяла территории, уже вовлеченные в сферу собственности крестьянских общин или феодальных сеньоров. Лес вбирает в себя все опасности, все страхи, присущие замкнуто живущему человеку; в лесу живут волки и другие хищные звери, кабаны, угрожающие стадам и посевам; там скрываются разбойники, нападающие на путников; в глухих чащах обитают волшебники, чудовища, ведьмы. Пес — отрицание цивилизации и отрицание мирского вообще, поэтому отшельники, отвергающие мир с его цивилизацией, ищут пристанище в лесу. Победа святого над волком, укрощение дикого зверя отшельником — типичный агиографический сюжет, знаменующий торжество (в человеческом воображении) сверхъестественной святости над сверхъестественной дикостью. Но вместе с тем лес — место, где охотятся, собирают мед, жгут древесный уголь, пасут скот.

Люди средневековья, казалось бы, прежде всего домоседы. *Stabilitas loci* (постоянство в пространстве) — монашеский идеал, распространившийся далеко за пределы монашеской этики. Бродяги и кочевники воспринимались как антисоциальный элемент. Человек должен был жить там, где он произошел на свет. А на самом деле средневековье было и „подвижным“ и „неподвижным“. Наемники и купцы, ремесленники и пилигримы, монахи, крестьяне, уходящие из-за голода или бегущие от безжалостного сеньора, — все это множество людей постоянно нарушало *stabilitas loci* и преодолевало пространство и вместе с этим свой страх перед пространством. Очень показателен для интеллектуалов этой эпохи жизненный путь одного из крупнейших ученых средневековья — Ансельма (1033—1109). Он родился и вырос в североитальянском городе Аосте, затем, переправившись через Альпы, прибыл в Нормандию, учился там и кончил жизнь в Англии архиепископом Кентерберийским. Единый язык средневекового богослужения и средневековой науки — латынь — облегчал перемещение богословов и священнослужителей, так же как единство обычаев господствующего класса способствовало передвижению рыцарей от одного феодального двора к другому.

Но передвигались в ту пору неторопливо. За сутки удавалось покрыть всего лишь несколько десятков километров, так что путь из Флоренции в Неаполь, например, занимал одиннадцать-двенадцать дней. Путешествовали медленно — и не только потому, что средневековье не слишком „берегло“ время, но и потому, что транспортные средства были плохи.

Кое-где еще сохранялись проложенные римлянами дороги — мощные, предназначенные прежде всего для пешеходов, но трудно сказать, в каком состоянии они находились. Подчас окрестные земледельцы выламывали камни из них для строительства своих жилищ. Еще Карл Великий

время от времени отдавал распоряжения расчистить и вымостить дороги, но, видимо, эти приказы порождались предполагавшимися поездками императора. Обычные дороги были настолько узки, что две повозки, как правило, не могли разъехаться: специальные предписания XIII века указывали, что пустая повозка должна была уступать путь грузеной. Только так называемые „королевские дороги“ во Франции достигали ширины двух повозок. Идеальной считалась дорога, по которой три лошади могли идти рядом или же, как тогда говорили, „где могла проехать невеста, не зацепив воз с покойником“. Эти дороги представляли собой, вернее говоря, тропы, протоптанные через поля и луга или проложенные в лесу. Пользоваться ими можно было только в хорошую погоду — зимой и в дождливое время они становились непроезжими. В наиболее хорошем состоянии находились дороги во Франции, благодаря введению королевской властью и монастырями специальных повинностей по их строительству и поддержанию. Часть из них была вымощена уже в конце XI века.

Римские мосты через большие реки в средние века были разрушены, новые едва начинали строить. При Карле Великом через Дунай был наведен понтонный мост, которым, однако, практически не пользовались. У Майнца сохранились каменные быки построенного римлянами моста, которые были использованы при сооружении деревянного моста. В 813 году он был сожжен. Любопытны те причины поджога, которые приводят средневековые хронисты. Один из них пишет, что жители города сожгли мост в целях безопасности, чтобы воспрепятствовать переправе грабителей с другого берега; по другой версии мост подожгли перевозчики в расчете увеличить плату за перевоз. Во всяком случае, мост не восстанавливался долгие годы. Некоторое оживление в строительстве мостов приходится на XII столетие. В 1135—1146 годах был воздвигнут ка-

менный мост через Дунай близ Регенсбурга, он состоял из шестнадцати пролетов; мост через Рейн у Базеля, выстроенный в 1225 году, был еще деревянным. Чаще строили мосты через небольшие реки, они были, как правило, деревянными и подчас настолько непрочными, что повозка не могла по ним проехать. В несколько лучшем положении было строительство каменных мостов в Северной Италии, где, видимо, сохранялись римские традиции.

Римская система упряжи оставалась крайне неразвитой: быков запрягали непосредственно за рога, а лошадям надевали ремни на шею; рассчитано, что при такой упряжке каждое животное могло тащить не более шестидесяти двух кг (в четыре раза меньше, чем в настоящее время). Такая система упряжи препятствовала использованию как тяжелого плуга, так и тяжело груженных возов. Именно на раннее средневековье приходится ряд важных усовершенствований в оснащении транспортных животных. Прежде всего распространяется железная подкова: римляне лишь в исключительных случаях подвязывали лошадям и верблюдам подковы из металла, кожи или соломы. Настоящие подковы, прибываемые гвоздями к копытам лошадей, появились уже в северных провинциях Римского государства, но бытовым явлением они становятся, видимо, лишь к X веку. Подкова не только сберегала копыта от повреждения и сноса, но и позволяла лошади быть устойчивей и тащить (или везти) большой груз.

Шпоры — античное изобретение, но стремена появились в Западной Европе лишь к началу VIII века, по-видимому, под влиянием восточных кочевых народов. Применение стремян имело немаловажное значение для перестройки военного дела и создания тяжело вооруженной рыцарской кавалерии, но оно способствовало также и улучшению транспортных средств.

К началу IX века относится изобретение хомута и распространение дышла, которое

и
Дорожные работы,
починка моста.
С миниатюры XV в.
15
Строительство
каменного моста.
С миниатюры XV в.

было известно римлянам, но не получило у них достойного применения. Использование этих усовершенствований (ставшее массовым с XII века) позволило перевозить более тяжелые грузы, что, по-видимому, стимулировало начавшееся как раз в XII веке усиление мощение дорог.

Средневековые повозки были двухколесными или четырехколесными. Колеса имели спицы, обод колеса составлялся из нескольких частей, каждая из которых обычно соответствовала одной спице. Сверху колесо подчас сбивалось железной шиной, впрочем, в некоторых городах применение металлических шин воспрещалось, так как они портили городские мостовые. Базу телеги составляли две длинные оси, скрепленные поперечными перекладинами, к осям жестко крепились дышла, передние

концы которых подвешивались к хомуту. Жесткое крепление дышла затрудняло повороты повозки. Лошади впрягались цугом, что было связано с узостью дорог; передние лошади подвязывались гибким гужом — ремнями или веревкой. Борты телеги сплетали из ивняка или сбивали из досок, а для дальних путешествий использовались крытые возки.

Не только плохие дороги и редкие мосты препятствовали развитию торговых связей или, вернее, были показателем слабости средневековых коммуникаций — социальные условия средневековья, порожденные в какой-то мере отсутствием налаженного обмена, со своей стороны препятствовали его упорядочиванию. Дело не только в том, что леса кишели разбойниками, — препоны коммуникациям носили также организованный, предписанный феодалами характер. Прежде всего многочисленные таможенные заставы не только удорожали провоз товаров, но и замедляли сообщение.

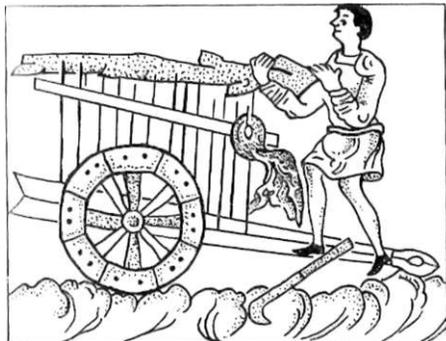

Особенно велико было количество таможен в Германии. На Рейне, между Базелем и Роттердамом, таможни размещались в среднем через каждые десять км, на Эльбе, между Прагой и Гамбургом, — через каждые четырнадцать км, на Дунае, между Ульмом и Пассау, — через каждые пятнадцать км. Сеньоры предписывали купцам обязательные пути для проезда на ярмарку: эти пути диктовались отнюдь не удобством или скоростью передвижения, но корыстными интересами феодалов и получателей таможенных пошлин. Обязательная дорога могла быть вдвое и втрое длиннее разумного пути, но она была закреплена обычным правом, и заменять ее лучшей и прямой стройнейшим образом воспрещалось. Высокие башни феодалов, господствовавшие над округой, давали возможность следить за передвижением купеческих караванов. Сеньоры получали плату за конвой, то есть за выделение вооруженных всадников для охраны путников, впрочем, этот конвой часто сводился к взиманию конвойных денег и к выдаче грамоты о беспрепятственном проезде, которая далеко не всегда реально обеспечивала безопасность в пути (во всяком случае, от грабителей или от отрядов, направлявшихся на войну).

Феодальное право диктовало путнику, где он должен был ехать и где останавливаться — в какой харчевне, у какого кузнеца или седельника. Подчас такие останов-

ки объявлялись обязательными, и обычай регламентировал количество припасов, какое следовало там закупать проезжающим. Особое право устанавливало, что в случае поломки телеги или падения животного вещи, выпавшие на землю, становились собственностью территориального сеньора, — принцип, сохраненный нашей поговоркой: „Что с воза упало, то пропало“.

Отправимся же в дорогу со средневековым путешественником, с монахом Ришером, который в 991 году проехал из Реймса в Шартр и оставил описание своих путевых приключений. Он ехал не сторговыми целями, его поездка имела, если так можно сказать, научный характер — Ришера привлекала рукопись Гиппократа, хранившаяся в Шартре. Ехал он налегке, не взяв с собой, по его собственным словам, ни денег, ни перемены одежды. Его сопровождало двое спутников. По пути Ришер остановился в монастыре Орбэ, известном своим гостеприимством. В эту пору, когда грань между корчмарем и разбойником была довольно условной, монастырский приют оказывался наиболее надежным. Особенно большую роль сыграли альпийские монастыри, обеспечивавшие движение через горные переходы, соединявшие Италию с Центральной Европой. Переночевав в Орбэ, Ришер двинулся к Мо, но на лесной дороге он и его спутники сбились с пути и сделали лишних шесть лье — ошибка, довольно обычная в тог-

te

Способы мп[м] >ни : апчршп* /слг<<) и цопни.

С миниатюр XI « и XII н.

17

Саксонская плшчкл: копек со спицами и составным ободом.

С миниатюры XI о.

18

Экипаж для путешествий.

С миниатюры начала XIV в.

дашних условиях. Все устали, к тому же начался дождь. Лошадь, которая везла поклажу и поначалу казалась Буцефалом, пошла не быстрее осла, а затем внезапно пала. Ехавший на ней слуга, не привыкший к трудностям странствий, был так разбит усталостью, что уснул прямо на земле. Ришер дал слуге указания, что отвечать прохожим, и оставил его выспаться, а сам в сопровождении другого спутника, шартрского рыцаря, добрался до Мо. Впрочем, проехать через мост, казалось, невозможно — такие были дыры в настиле, — но лодку не удалось разыскать, и оба путника кое-как перебрались по мосту и перевели коней; им приходилось подкладывать под ноги лошадям то доски, а то и рыцарский щит. Уже затемно путешественники добрались до церкви св. Фарона, где нашли приют („Они приняли меня словно брата“, — говорит Ришер). Затем шартрский рыцарь, взяв лошадь, отправился на розыски слуги; вместе они вернулись в город и заночевали в какой-то хижине, хотя целый день ничего не ели. Оставив слугу на попечение аббата (ибо слугалишился лошади), Ришер двинулся в Шартр.

Таково красочное восприятие человеком конца X века трудностей на его коротком и сравнительно несложном пути. Всего две ночевки были у Ришера, и обе он провел в гостеприимных обителях, никаких экстраординарных опасностей путникам не пришлось пережить — только заблудились, по-

теряли коня, вымокли под дождем и с трудом перебрались через мост. Но что особенно ценно в рассказе Ришера — это свидетельство о пустынности на дорогах: нет встречных, нет лодки на реке, пустует обветшалый мост.

Трудность и медлительность сухопутного сообщения делали особенно важными водные артерии. В средние века такие реки, как Дунай, Рейн, были первостепенными линиями связи, и моря позволяли перевозить товары и информацию быстрее, дешевле и надежнее, чем сухопутные дороги.

Конечно, и морские коммуникации были опасными. Как леса скрывали в себе разбойников, так моря были полны пиратами, а подчас купеческие или тем более военные суда сами становились грабителями. Портовые пошлины были высокими. Береговое право устанавливало, что выброшенные в результате кораблекрушения вещи должны принадлежать собственнику прибрежной территории (правда, итальянцы в XII веке, а ганзейцы в XIII веке ведут успешную борьбу против „берегового разбоя“, как купцы называли береговое право). Погода служила серьезнейшим препятствием — в зимнее время, опасаясь сильных бурь, корабли вообще не выходили в море.

О том, что представляли собой ранне-средневековые суда, мы можем судить не только по редким и неточным изображениям на миниатюрах или печатях, но и по наход-

кам кораблей викингов, сохранившихся в болотах: они уцелели благодаря обычаю норвежцев хоронить своих вождей вместе с их боевыми судами. Хорошо сохранившиеся корабли из Гокстада и Усеберга датируются примерно IX—X веками. Это большие лодки (длиной в 21—24 м), не имеющие палубы, а лишь настил, который мог убираться. Остойчивость им придавал киль, сделанный из единого куска дерева. Построенные из дуба, эти суда были прочны, а обшивка внакрой (из отдельных досок, проконопаченных мехом) делала их легкими. Суда шли на веслах (девятнадцать пар на корабле из Гокстада), но в центре судна имелось отверстие для съемной мачты. Рулевое весло находилось не сзади, за кормой, а недалеко от кормы, по борту. Нос и корма на кораблях ви-

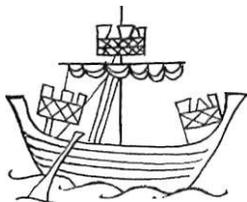
кингов украшались обычно деревянными фигурами животных. На таких утлых лодочках норманны смело выходили в Атлантический океан и достигали берегов Гренландии и Северной Америки. На этих кораблях викинги совершали набеги на Францию и проникали в Средиземноморье.

Кораблестроители классического средневековья использовали как норманнские, так и античные традиции. Постепенно корпус судна несколько округлился, появилась палуба и постоянная мачта, начали возводить башни на носу и на корме, служившие платформами для воинов при стычках с вражескими кораблями. Такие башни становятся обязательными в XIII веке. Очень важным нововведением была замена рулевого весла рулем, навешивавшимся на ахтерштевень. Наконец, по-видимому, из Византии пришел на Запад косой парус, сменивший прямоугольное полотнище. Новая форма паруса позволяла судам лавировать и идти против ветра.

Если исключить загадочные плавания в Гренландию и Северную Америку, люди средневековья продвигались преимущественно вдоль берегов. Карт не было, так называемые Пейтингеровы таблицы — по сути дела, не карта, а дорожная номенклатура, списки населенных пунктов. Впервые морская карта упоминается в связи с морским походом французского короля Людовика IX (1226—1270) в 1270 году. В XIV веке моряки уже регулярно пользовались картами, вернее, указателями фарватеров. Астролябия известна уже в раннее средневековье, но она использовалась лишь для астрономических наблюдений — в навигации она нашла применение лишь много позднее, в XVI столетии. Компас пришел в Европу с Востока, видимо, через арабов. Его знали здесь уже в конце XII века, но широкое распространение он находит только в XIV веке. Маяки были унаследованы средневековьем от римской эпохи, впрочем, раннее средневековье перестраивало их, придавая

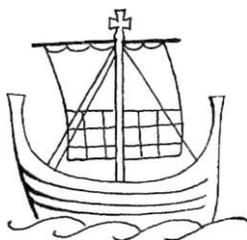
19

Северный корабль с рулевым веслом на борту, временным шатром и башней. С печати юреда Дунеиха. 1199 г.

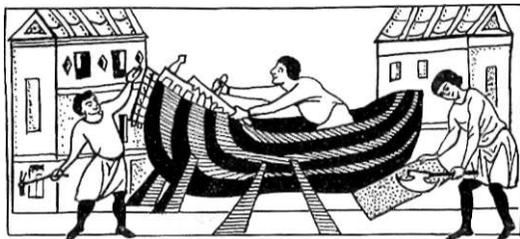
20

Северный корабль с постоянной мачтой и зарифленным парусом. С печати города Па Рошель XIII в.

21

Кораблестроители. С миниатюры XIII в.

22
Первое изображение навесного руля за кормой.
Печать города Эльбинга.
1242

23
Прогонка обшивки корабля.
Барельеф. 1246—1248.
Сен-Шапель. Париж

маякам иные функции; так, римский маяк в Дувре был превращен в колокольню. Но развитие судоходства стимулировало и создание башен для подачи световых сигналов — в XII и особенно в XIII веке их возводят в различных портах. Однако значение средневековых маяков было довольно ограниченным, они скорее указывали местонахождение гавани, нежели путь в нее. Моряки предпочитали дожидаться рассвета, чтобы входить в порт.

Транспортные средства средневековой Европы были плохи, и соответственно медленной и неточной была информация. Наложенная почтовая связь Римской империи исчезла вместе с империей. Конечно, раннесредневековые государи направляли время от времени послания своим поддан-

ным или соседям, и для этой цели повсюду имелись канцелярии. И частная переписка исчезла не совсем: известно, например, что Карл Великий специальным постановлением запретил монахиням отправлять любовные письма.

Но регулярной почты не было — письма и новости доставляли послы, гонцы, а чаще случайные люди. В 960 году венецианский дож Пьетро IV Кандиано запретил всем венецианцам перевозить письма из Ломбардии, Баварии, Саксонии и других областей в Константинополь, исключение делалось только для официальных лиц, направлявшихся туда с посольством. Из постановления Пьетро IV Кандиано явствует, что обычно корреспонденция шла через частных лиц, а не через официальные каналы.

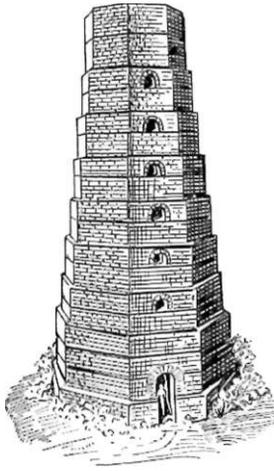

На доставку информации (даже о важнейших событиях) уходили месяцы. В июне 1189 года император Фридрих Барбаросса (1152—1190) двинулся в 3-й Крестовый поход, оставив своим преемником сына Генриха. Первое письмо сыну он написал только в Адрианополе 19 ноября, а получено Генрихом оно было лишь в марте следующего года. Известие о гибели Фридриха, утонувшего 10 июня 1190 года в горной реке Салефа в Киликии, достигло Германии лишь четыре или пять месяцев спустя.

Препятствием для развития почтовой связи была и общая неграмотность. Эйнгард, биограф Карла Великого, рассказывает, что император только в конце жизни принялся изучать искусство письма и чтения и во время бессонных ночей упорно и стара-

тельно вырисовывал буквы, — так, впрочем, и не научившись писать. А историк германского императора Генриха IV, жившего уже во второй половине XI века, с уважением отмечает, что император был настолько грамотен, что мог сам читать и понимать адресованные ему письма. Еще более удивительно то, что Вольфрам фон Эшенбах, автор средневекового эпоса „Парсиваль“, был неграмотным, а Хартман фон Ауэ начинает поэму „Бедный Генрих“ такими показательными словами: „Жил однажды рыцарь, который был так учен, что мог читать книги“.

Римляне писали свои письма преимущественно на церах — табличках, покрытых воском (вощечках), которые соединялись по два (диптих) или по три (триптих). Употребление вощечек сохранилось и в средние

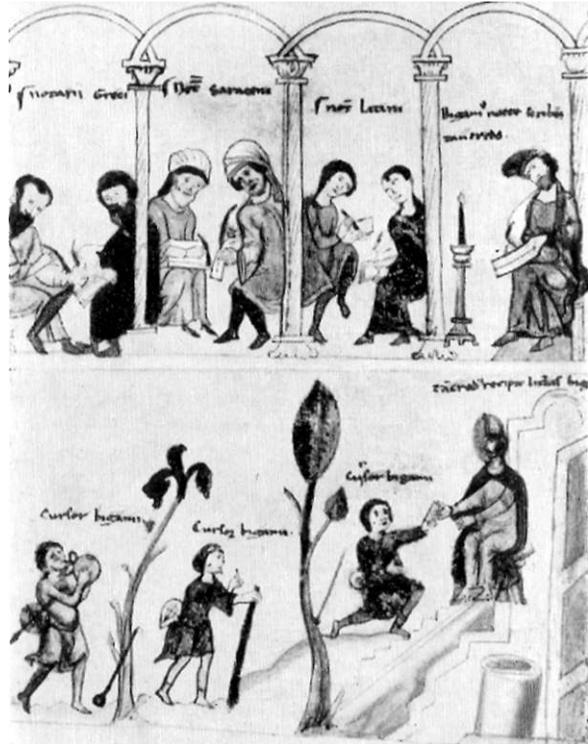
Гилский маяк в Дувре,
//конструкция

века. Они использовались преимущественно для деловых записей, и до нашего времени сохранились оригиналы вощечек с записями французских королей. Что церы служили материалом главным образом для черновых заметок, свидетельствуют миниатюры с изображением писательницы XII века Хильдегарды Бингенской, которая представлена записывающей свои видения на восковой табличке, а неподалеку на треногом табурете сидит монах, переписывающий начисто ее заметки на лист пергамента. Автор жития св. Ансельма рассказывает, как черт, вздумав однажды подшутить над епископом, ночью разбросал его церы и высыпал из них воск, но, наставительно замечает агиограф, Дьявол был посрамлен и по воле божьей воск сам собой собрался обратно в деревянные рамки цер. В XIII веке в Париже существовал цех мастеров, изготовлявших таблички для письма.

На церях помимо черновых записей писали и письма. О письмах „на воске" упоминается, в частности, в „Романе о Флоре и Бланшфлёр". Но вощечки не были единственным материалом для писем — в средние

века их писали, как правило, на пергамене. И воск и пергамен были дороги, и это обстоятельство также не способствовало интенсификации корреспонденции.

По-видимому, в XII веке писание писем становится более интенсивным. По всей Европе их писали по-латыни (первое известное письмо на немецком языке датировано 1305 годом), и наличие общего языка для богослужения и для культурного обмена содействовало сплочению если не всей Западной Европы, то, во всяком случае, ее господствующего класса. При всей своей экономической раздробленности средневековая Европа поддерживала иллюзию единства, вопреки неразвитости коммуникаций и

Изготовление пергамента. Мастер специальным ножом скоблит шкуру, натянутую на раму для просушивания (в центре).

С миниатюры XII в. Полировка уже готового листа пемзой (справа), формирование листа (слева). С миниатюры XIII о.

23

Процесс производства рукописной книги от зоточки пера и приготовления пергамента до переплетения манускрипта.

Миниатюра. XII в.

замкнутости человека в собственном крохотном мире.

Письма XII века — по преимуществу любовные и религиозные. Особенно много писали мистики, стремясь поведать миру об откровении, о видениях, которые якобы на них нисходили или им являлись. Случайно или нет, но мистика охотно пользуется эротическим языком и в образах любовных посланий представляет взаимоотношения между Христом и мечтающим слиться с ним визионером или, что чаще, визионеркой.

С XIII века распространяется деловая купеческая переписка: частное письмо из средства самовыражения (эротического или религиозного) становится орудием деловой информации.

Средневековое письмо нужно было писать в соответствии со строгими нормами. Составленный Лудольфом из Гильдесхайма (начало XIII века) письмовник устанавливает, что послание должно состоять из пяти элементов: приветствия, введения, изложения, просьбы и заключения. В соответствии с иерархизированностью средневекового мира Лудольф строго определяет характер приветствий, с которыми надлежало обращаться к людям разного общественного положения. Разделяя всех на мирян и духовенство, он выделяет внутри каждой группы три разряда лиц: высший, средний и низший. Так, высший разряд духовенства соста-

вляли епископы, средний — аббаты, низший — простые каноники и священники; к высшему разряду светских лиц Лудольф относит королей, герцогов, маркграфов, к среднему — графов и баронов, к низшему — рыцарей, горожан, купцов. И если маркграф, обращаясь к рыцарю, желал „верному своему рыцарю здоровья и всего доброго“, то рыцарь в обращении к равному должен был выразить „могущественному рыцарю и другу“ свое полное расположение.

Письмо предполагало информацию злободневную, книга же передавала накопленные человечеством знания, служа как бы общественной, коллективной памятью. Средневековая книга — рукописная. Книгопечатание появилось только в середине XV века. По своему облику и материалу средневековая книга резко отличается от античной: в древности книга представляла собой папирусный свиток, в средние века преобладающей формой рукописи становится пергаменный кодекс. Падение античного общества сопровождается изменением формы „общественной памяти“. Производство и употребление папируса исчезло не сразу после падения Римской империи —

29
Античный прием переписки книг. Инструмент писца: двойная чернильница для красных и черных чернил, перья, перочинный нож, циркуль, серповидный нож. С миниатюры XII в.

30
Эволюция приемов переписки книг. Миниатюра. Конец XIII

папирус продолжали некоторое время привозить из арабского Египта, а не позднее X века его производство было налажено в Сицилии. Однако в раннее средневековье папирус применялся главным образом для изготовления документов, а не книг: канцелярия франкских королей пользовалась папирусом вплоть до второй половины VII века, а папская курия еще на протяжении XI столетия. С VIII века в областях к северу от Альп пергамен вытесняет папирус как в книжном деле, так и в канцеляриях, и вплоть до XIII века остается господствующим в Европе материалом для письма. Только со второй половины XIII века входит в обиход бумага, да и то преимущественно в Южной Европе (христианская Испания, Италия, Южная Франция).

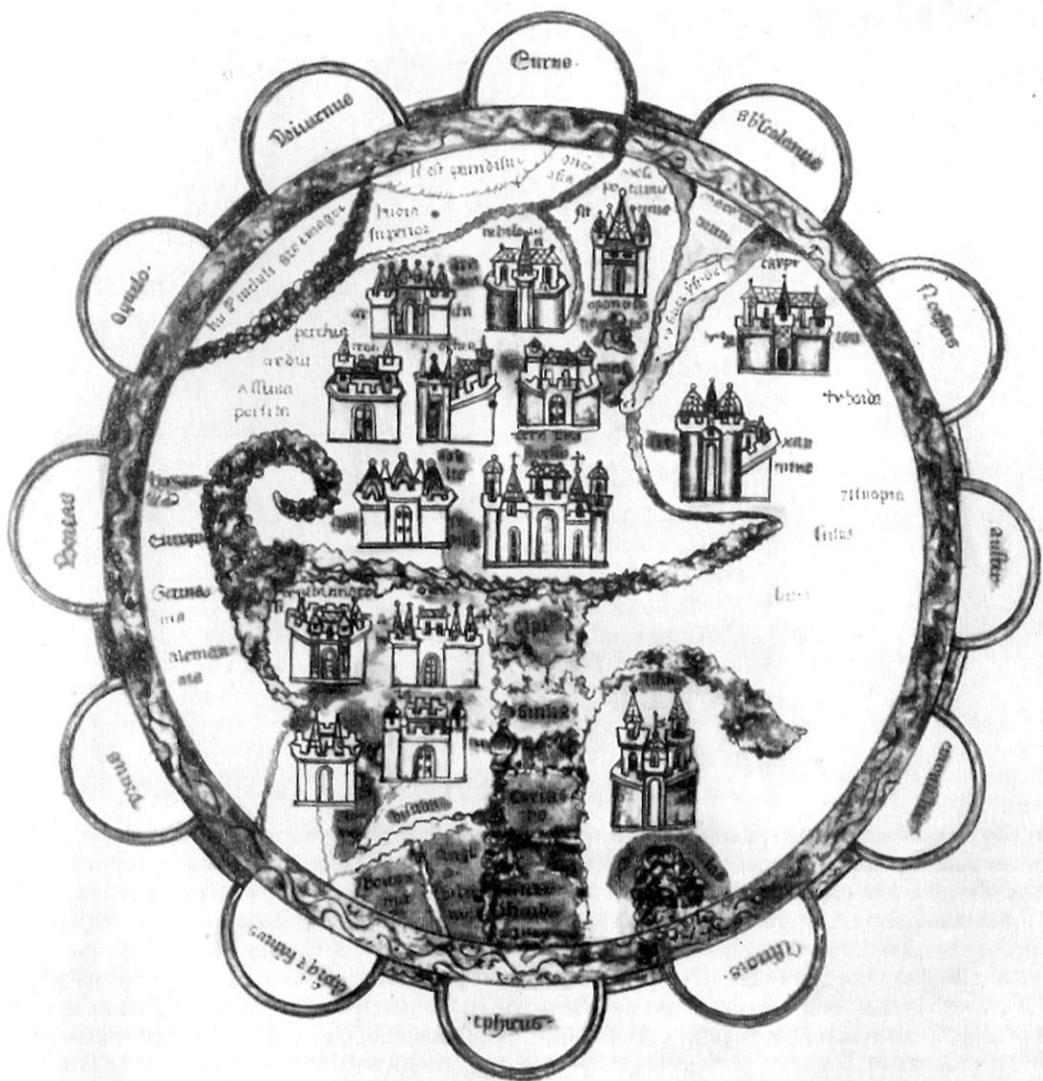
Пергамен приготавливали из козьей, бараньей или свиной кожи, а с IX века также из телячьей. Пергамен из телячьей кожи преобладал в северных областях. Производство пергамен-

на складывалось из следующих стадий: промывание шкуры, золенье, просушка, втирание мела (он должен был впитать жир), шелушение с помощью острого ножа и выглаживание пемзой. Северный и южный пергамены отличались обработкой кожи. На юге тщательной отделке подвергалась лишь внутренняя, так называемая мясная сторона шкуры, на лицевой или волосяной оставались следы щетины. Поэтому если во французских и немецких мастерских удавалось изготовить писчий материал, у которого волосяная сторона не уступала мясной ни белизной, ни гладкостью, то итальянский и испанский пергамены были на волосяной стороне не белыми, а серо-желтыми. По сравнению с папирусом пергамен обладал немалыми преимуществами: он был прочнее и долговечнее, поддавался фальцеванию, то есть мог быть согнут, не давая перелома на сгибе; будучи непрозрачным, мог быть использован с обеих сторон, тогда как на папирусе заполняли обычно только одну сторону листа. Но зато пергамен был очень дорог, что объясняется и дороговизной сырья и сложностью производства. Первоначально пергамен изготовляли в монастырях на собственную потребу переписывающих книги монахов. С XII века возникает пергаменное производство в городах. С переходом от папирусного свитка к пергаменному кодексу совпадает (во всяком случае, хронологически) и изменение приемов работы писца. В древности переписчики книг не пользовались столами, они писали, положив папирус на колени, а чтобы им было удобнее, ставили под ноги скамеечку. Не позднее V века появляются первые изображения каллиграфов, сидящих за столом, в VIII—IX веках такие изображения становятся нормой, хотя и позднее еще писцов подчас представляли работающими по-старому, держа рукопись на коленях. Изменение приемов работы писца, по-видимому, связано с тем, что в древности книгу обычно переписывали под диктовку. Наоборот, средневе-

ковый книжник работал, как правило, в одиночестве, и потому остро нуждался в столе, на котором он мог бы разместить и чистый пергамен и оригинал. Таким образом, в самом процессе изготовления античной книги была заключена известная публичность, а в средние века одинокое переписывание книг в монастырской келье расценивается как весьма благочестивое занятие. И соответственно изменяется и манера чтения книг: в древности книгу читали только вслух, даже в библиотеке, обычно в кругу друзей или учеников, — средневековые же создают индивидуализированную манеру чтения про себя, хотя и теперь книгу нередко читали вслух во время богослужения, в монастырских трапезных, при дворах.

Средневековый писец не получал готовых листов „кожаной бумаги“, ему приходилось самому из обработанных шкур выкраивать по линейке листы необходимого размера. Для этой цели служил ему кривой нож с длинным лезвием. Затем писец должен был залатать пергамен там, где на нем остались отверстия (от ножек) и подклеить порвавшиеся места. Писец очень часто изображается с маленьким ножом в руках. Этот нож — его необходимейший инструмент: он нужен, чтобы отточить затупившееся перо (отсюда наше: „перочинный ножик“) и чтобы соскрести ошибочно написанное, ножом подравнивали поверхность пергамена, если она оказывалась недостаточно ровной, гладкой.

Писали в средние века по линейкам, которые намечали пункторием (циркулем) и проводили острой палочкой, от которой оставался бесцветный след. Только с середины XI века иногда применяют цветные линейки (след от свинцовой пластинки), а с XIII века линейки подчас проводят чернилами. Листы сгибались пополам и складывались в тетради, состоявшие обычно из четырех сложенных листов, что получило название кватернион (от латинского *quatuor* — четыре). Впрочем, в дальнейшем так

31
 Карта мира.
 Миниатюра. XIII в.

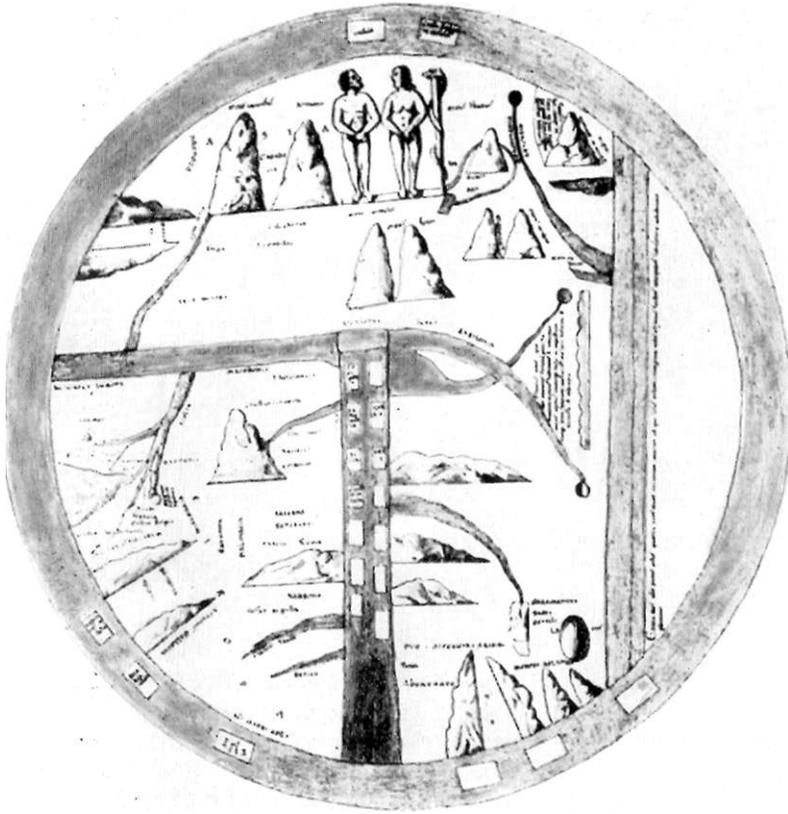
Детсья карты мира, изображающая течение Нила, Красное море и сбитакюих на их берегах экзотических людей и зверей. Миниатора. XIII в.

обозначалась всякая тетрадь, независимо от числа листов в ней. Тетради в рукописи нумеровались, но обычай нумеровать листы или страницы появляется на Западе сравнительно поздно, не ранее XIII века, да и тогда он остается спорадичным. Только после 1300 года писцы, библиотекари и книговладельцы стали последовательно ставить номера листов.

Писали чернилами, которые отличались от античных. Античные чернила легко смывались губкой, тогда как средневековые, изготовленные из сока дубовых орешков, отличались большой прочностью. Их нельзя было смыть, а лишь соскоблить ножом или пемзой или вывести специальной

смесью. Так как пергамен был дорог, в средние века нередко счищали текст и записывали книгу заново. Так создавались книги палимпсесты, где поверх стертого написано нечто совершенно новое. Обыкновенно стирать тексты было весьма распространенным, и некоторые монахи в раннее средневековье славились этим искусством. Рассказывают, что франкский король Хильперик (561—584) изобрел четыре новые буквы и в связи с этим распорядился, чтобы старые книги были вытерты и переписаны по новой орфографии. Иногда употребляли цветные чернила, прежде всего красные, ими вписывались вводные или заключительные слова главы. Для инициалов применялись

краски. В XII веке предпочитали красную, зеленую и голубую. Чернила хранились в чернильницах, которыми обыкновенно служил рог, вставлявшийся в отверстие доски стола. Бывали, впрочем, и металлические чернильницы.

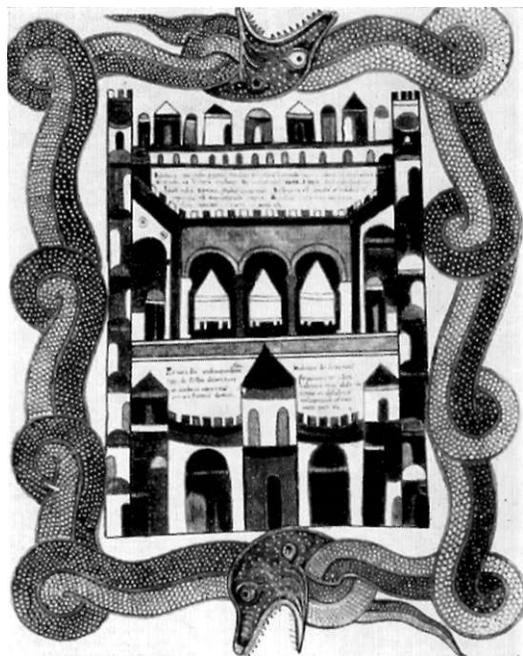
В древности писали тростниковым пером — каламом — и этот обычай сохранился в арабском мире и в Византии. Возможно, уже в V веке входит в употребление птичье перо. В западной иконографии оно появляется в VIII—IX веках, а с XII века калам исчезает из изображений. По всей видимости, камышовое перо было заменено птичьим уже в XI веке, во всяком случае, западные письменные источники XII столетия зна-

ют только гусиные, лебединые или же павлиньи перья. Калам, по-видимому, соответствовал папирусу и вышел из употребления вслед за ним, наоборот, гусиное перо лучше отвечало такому пишущему материалу, как пергамен. Оно приспособлено для разных видов заточки, более эластично и открывает возможность для применения самых разнообразных шрифтов. К тому же гусиное перо, подобно пергамену, могло изготовляться на месте, тогда как папирус и тростник приходилось привозить издалека.

Уже после того, как текст был написан, книгу переплетали, не давая пергамену коробиться. С XIII века появляются застёжки или кожаные завязки, стягивавшие доски пере-

плета. Доски иногда укрепляли и украшали металлическими пластинками по углам и посередине. Иногда на таких пластинках гравировали изображения и символы. Дорогая и нарядная книга была редкостью в быту. Книги хранились обычно в больших монастырях, имевших иногда собственные скриптории — мастерские писцов, или во дворцах королей. Для подавляющего большинства населения, неграмотного и нищего, книга оставалась недоступной роскошью, ее видели во время богослужения или приторжественных церемониях, и к ней испытывали благочестивое почтение или суеверный страх. На книге (на евангелиях) приносили клятву. Только развитие университетов позволило книге выйти за церковно-монастырские рамки и стать предметом если и не частного, то общественного городского быта. По-видимому, с XIII века люди стали читать больше и именно на это столетие приходится появление в Европе очков. Античность (вопреки утверждениям некоторых ученых) не знала шифованных линз для улучшения зрения; возможно, что они были открыты в средневековом Китае или в Индии. В Европе их впервые упоминает одна итальянская хроника, сообщающая, под 1299 годом, о незадолго до того имевшем место изобретении очков. С начала XIV века о них говорят как медики, так и непрофессионалы, в том числе и Петрарка. По-видимому, берил (отсюда немецкое *Brille* — очки) и горный хрусталь стали шлифоваться для использования их в реликвариях — специальных ларцах, хранилищах мощей и иных священных предметов, чтобы сквозь эти камни лучше было видно содержимое; это свойство камней (и стекла) использовали затем для устройства очков.

Нечеткость и медленность информации, труднодоступность книг — все это сужало границы ойкумены, населенного мира. Для француза и англичанина XII века не только Багдад, но и Константинополь рисовались сказочными городами, а Индия и Африка

были почти мифическими странами. О космосе, о далеких пределах Земли представление складывалось не в результате наблюдений, а по книгам и устным преданиям, в строгом соответствии с общезначимыми нормами, продиктованными церковью и охраняемыми государством.

Общим местом космографических представлений средневековья было учение о Земле как о центре вселенной. Она мыслилась, согласно книге „Образ мира“ монаха Госсуина (XIII в.), шаром, который со всех сторон окружен небом, словно скорлупой, облегающей яйцо. Небо наполнено „духовным воздухом“ — эфиром, свободно пропускающим свет. Ангелы легко пересекают эфир, но для смертных он губителен, как губительна суша для рыб. Небо состоит из сложной системы сфер, об этом говорил еще Аристотель. О числе сфер велись нескончаемые споры: одни насчитывали всего три, другие свыше пятидесяти. Только с начала XIII века постепенно

нисдрятся концепция Птолемея, дававшая более близкое к действительности объяснение движения планет на небе.

Мир в целом рисовался воображению средневекового человека состоящим из четырех элементов: огня, воздуха, воды и земли. Они существуют раздельно, как бек и желток в яйце. Земля — самый тяжелый из элементов, и потому она расположена в центре вселенной.

Центром („пупом“) земли считался Иерусалим. К востоку от него (средневековые карты помещали восток наверху, где теперь расположен север) находилась высокая гора. С нее брали начало четыре великие реки: Тигр, Евфрат, Фисон и Геон, обтекавшие сад Эдемский — земной рай. При этом Фисон идентифицировали с Гангом (иногда с Индом), а Геон — с Нилом. Французский историк конца XIII — начала XIV века Жуанвиль, описавший поход Людовика IX в

34

Изображение Вавилона
п средневековой картографии
Миниатюра. XI в.

35

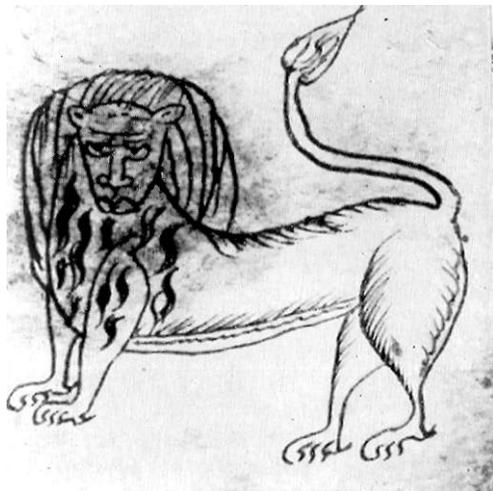
Сказочное изображение льва,
Миниатюра. XIII в.

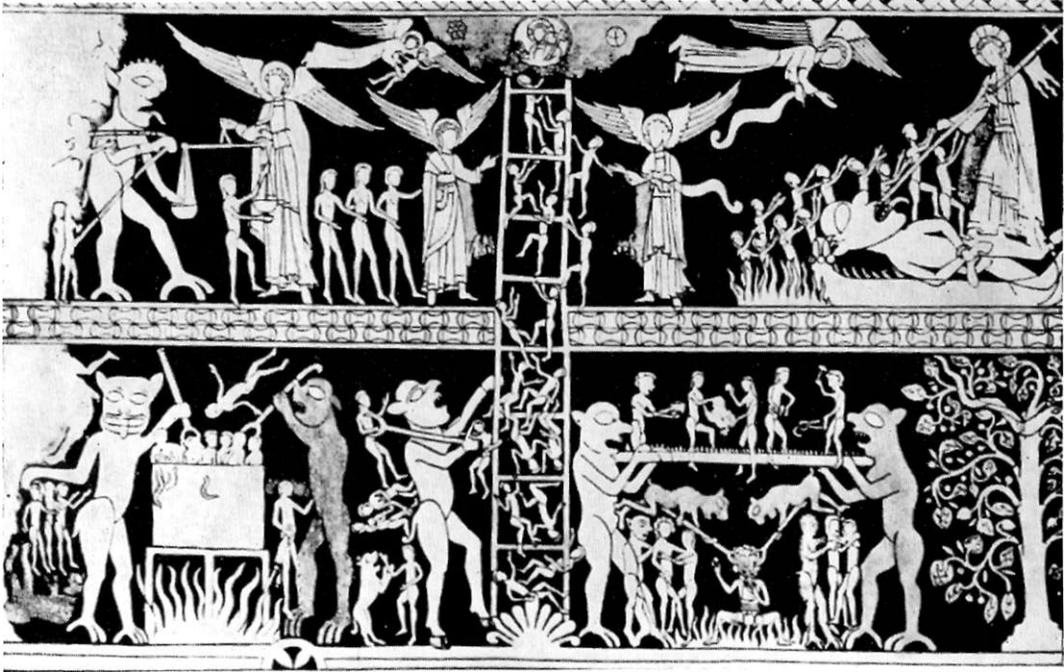
Астроном и его помощники.
Миниатюра. XIII в.

Египет, рассказывает, что жители этой страны опускают на ночь сети в Нил и утром вылавливают алоэ и корицу, имбирь и ревень. Говорят, что эти пряности происходят из Эдема — с райских деревьев они падают в реку и Нил уносит их прочь, словно сухие бревна. Неоднократно, продолжает Жуанвиль, подданные султана пытались подняться к истокам Нила, но всякий раз их останавливали непреодолимые препятствия.

Индийский океан рисовался замкнутым морем, и его острова фантазия людей наполняла золотом, пряностями, благовонными деревьями, населяла диковинными существами. Даже венецианец Марко Поло (1254—1324), оставивший описание своих путешествий по Китаю и Северной Индии, говорил о людях с хвостами, толстыми, как у собак. Легенды же помещали на краю ойкумены кинокефалов — людей с песьими го-

ловами, и других людей — совсем без головы, с глазами, посаженными посредине груди. Окраины ойкумены — не только земли богатств и чудес, но и страны, свободные от социальных и моральных ограничений (так старательно насаждавшихся церковью и государством): от половых табу, от сословных рангов, от постов и голодовок. Легенды повествовали о каннибализме и нудизме (травмировавшем средневековое общество с его страхом перед обнаженным телом), о полигамии и сексуальной свободе аборигенов окраинных земель.

Животный мир на окраинах ойкумены также предстал в сказочных образах. По свидетельству Госсуина, тигр — это синее или многоцветное животное, от которого можно спастись, если бросить ему зеркало: он принимает отражение за детеныша и останавливается, чтобы приласкать его. Дыхание пантеры так сладко, что оно завле-

37
Лестница спасения.
Настенная роспись.
Начало XIII в. Церковь
в Челдоне. Англия

38
Дьявол,
пожирающий человека.
Скульптура. XII в.
Церковь св. Петра. Вена

кает всех остальных животных. Другие звери и вовсе порождение мифологии: среди них единорог и феникс или какое-то странное чудовище, соединяющее в себе коня, слона и вепря и наделенное подвижными рогами.

Ойкумена разделялась средневековой географией на три части: Европу, Азию и Африку, причем это географическое деление усугублялось делением религиозным. Европа мыслилась христианским материком, Азия и Африка — средоточием язычества, магометанства (ислама), неверия и нечестия. Средневековое пространство было иерархизировано, и эта иерархия „пространства“ была оценочной. Пространство могло быть „дурным“

или „благим“. Рай и Иерусалим имели иную оценку на средневековой пространственной шкале, нежели степи, населенные кочевниками, или леса, полные волков и вурдалаков. Иерархия космоса соответствует иерархии божьих тварей и в сознании средневекового человека прочно связана с социально-политической иерархией сеньориально-вассальных отношений. Все пространственные отношения перестраиваются по вертикали, и „лестница Иакова“, ведущая от земли к небу, становится одним из важнейших символов человеческого существования.

Иерархия пространства воплотилась в противопоставлении неба (рая) и подземелья (ада). В „Божественной комедии“ Данте размещает круги ада на разных пространственных уровнях; движение к Сатане — это спуск вниз, в то время как „лестница Иакова“ ведет вверх. Но владетели „нижнего пространства“ не отделены от земного (человеческого) мира — они проникают в него, непрерывно в него вторгаются, воздействуют на его грешных обитателей, стараясь свернуть их с прямого пути (вверх) и направить по своей стезе (вниз). Сатана, или Дьявол, не играл большой роли в представлении раннего средневековья. По словам французского историка Ж. Ле Гоффа, он явился „порождением феодального общества“ — во всяком случае, этот мифологический образ (родившийся, разумеется, много раньше, но широко распространившийся с XI века) хорошо вошел в систему феодальных понятий. Он стал символом предателя, неверного вассала и поэтому началом и родоначальником всякого зла. Самый цвет Дьявола и его воинства — черный — превращается в символ губящего и губительного.

Цезарий Гейстербахский, монах, живший на рубеже XII и XIII веков, повсюду видит козни Дьявола. Однажды, сообщает он,

Дьявол схватил какого-то рыцаря за ноги и поволок его по мостовой, которая вся покрылась кровью. Другого рыцаря Дьявол потащил к себе через крышу дома, так что у несчастного выдавились внутренности. Дьявол отравляет людей, насылая на них болезни. А вместе с тем Дьявол и его воинство, черти и чертенята, смущают благочестивых, мешают творить молитву, задувают свечи, влезают на спину во время богослужения. Они принимают образ свиней, змей, псов, кошек, обезьян и незаметно влекут людей к соблазнам. Они прикидываются добрыми и даже творят чудеса — ведь в средневековом сознании волшебство причудливо переплетается с чудотворством. Вот почему люди должны быть постоянно начеку: их подстерегают опасности страшнее врагов и грабителей, опасности, от которых не спасут ни замки, не мечи.

Не слишком полагаясь на собственное благочестие, ни на милосердие божье, человек средневековья отдавал себя в руки магии, предназначенной защитить его от реальных и сверхъестественных опасностей. Средневековое сознание разработало целую систему магических средств, обороняющих от враждебной силы. В центре этой оборонительной магии был поставлен крест — знак мученической кончины Христа, наделенный чудодейственной способностью отгонять нечистых духов. Крест — важнейший символ христианства; его водружали на церквах, наперсный крест носили князья церкви, крест выносили во время литургии, знак креста ставили в начале делового документа, знаком креста осеяли пищу. Магическую силу приписывали и мощам святых. Церкви гордились священными останками христианских мучеников и героев, но наблюдательные люди уже в средние века (среди них был и Гвиберт Ножанский, писатель начала XII века) заметили, что у иных святых набралось куда больше ребер, ног и рук, чем это полагалось бы человеку. В начале XIII века едва не раз-

разился грандиозный скандал. Дело в том, что французский монастырь Сен-Дени гордился тем, что обладает обезглавленными останками своего патрона Дионисия Ареопагита, ученика самого апостола Павла. Сомнения в справедливости утверждений монахов возникли уже давно, и Абельяр, выдающийся французский философ XII века, напрасно просил, чтобы ему показали эту реликвию. Каково же было смущение, когда после 4-го Крестового похода (1199—1204) в Греции обнаружили гробницу Дионисия! Папа Иннокентий III, впрочем, не желая портить отношения ни с могущественным мо-

настырем, ни с королем — его покровителем, — уклончиво объявил, что одно из двух тел наверняка принадлежало святому.

Убежденность в магической силе всевозможных талисманов, подчас очень далеких от христианского благочестия, — талисманов, обеспечивавших здоровье или безопасность в пути, — также была весьма распространена.

Иерархизированное пространство четко разделялось на земли „свои" и „чужие". Религиозная, племенная, языковая принадлежность дробила мир на мирки, отделенные барьерами, подчас более неприступными,

нежели лесные массивы. Греки, носившие бороду, любившие и умевшие писать, говорившие на своем языке и к тому же схизматики (сторонники отколовшейся от папства церкви), по-иному представлявшие себе божество, вызывали брезгливое презрение. Мусульмане — это племя неверных, а их пророку Мухаммеду отводилось видное место в иерархии врагов Христа. „Он подготовил Антихриста, как Моисей подготовил Христа“, — писал в конце XII века Иохим Флорский, один из наиболее смелых мыслителей своего времени, в данном случае отдававший дань самым обыденным предрассудкам. Враждебным было отношение и к евреям — народу Ветхого завета, не пожелавшему принять проповеди Христа, и долгое время к славянам, сохранявшим языческие обычаи. Но и внутри католического мира этническая вражда не исчезала: англичане и французы, французы и провансальцы, немцы и итальянцы осыпали друг друга насмешками, издевались над чужими обычаями, смысла которых не могли и не хотели понять. Средневековое пространство распадалось „по горизонтали“ на множество враждовавших миров.

С иерархизацией космоса тесно переплетается и его символическое восприятие в сознании человека средневековья. За предметами зримого мира скрываются их вечные прообразы, именно поэтому-то, полагает Гуго Викторинец, французский богослов первой половины XII века, рассмотрение вещей не наносит вреда благочестию: эти вещи подобны жилам, по которым незримая красота притекает к нам, обнаруживая себя. Природа раскрывается перед Гуго аллегорически: небо — это незримое, земля — зримый мир, солнце — Христос и т. д. В гимнах о канонических часах Абельяр также трактует явления природы как символы божественных феноменов: первый час — занимается заря, и за утренней звездой поднимается солнце, зарю же нужно понимать как свет веры; к третьему часу солнечное тепло согревает землю — ведь тепло следует за светом, как любовь за верой, в шестом часу солнце стоит в зените и мир пронизан теплом — это совершенное блаженство, порожденное лицеизрением господя.

Пейзаж как таковой мало интересовал человека средневековья: красота леса, гор, моря не вызывала его восторгов — они были слишком пугающими, слишком непонятными. В средневековой живописи природа — не более чем фон для человеческих фигур, не более чем серия условных и стереотипных образов. И вместе с тем художественное чутье писателей XI века и последующих столетий позволяло им увидеть в окружающем их мире не только совокупность опасных сил или систему аллегорий, но и присущую ему красоту — красоту природы. Поначалу это ощущение отливается в серию стереотипов, частично восходящих к античной древности, и все-таки в литературу начинает проникать восхваление окружающего ландшафта, эстетическое восхищение жизнью природы. Особенный восторг порождает весна, „она приносит цветы и зелень, освобождает птиц из зимнего узилища, леса наполняются тысячьо голосов — звуки

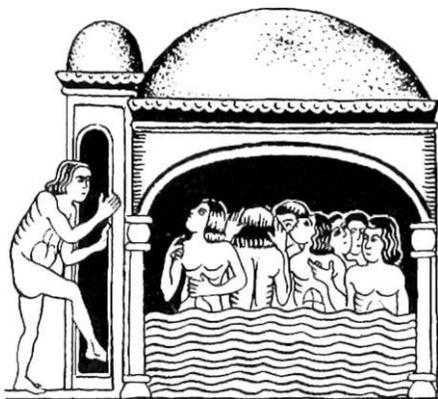
превосходят орган, запахи слаще бальзама", — так пишет Нигелл Вирекер (ок. 1130—1200), английский поэт и хронист. В отличие от весны лето с его палящим зноем и зима с морозами, от которых трудно укрыться, пугают. Летом воздух пахнет огнем, засохшая грязь покрывает почву, пруды пересыхают и вода в них портится, а над болотами стоит черный туман. Гюнтеру Лигурину (ум. ок. 1220), немецкому поэту и хронисту, в жарком дыхании лета чудится болезнетворность, приближение чумы.

Картина бури, когда вихрь вспучивает морскую гладь и ветер наполняет парус, постоянно привлекает средневекового художника, и это естественно, ибо буря, как жара, как мороз, грозит гибелью. Но и идеальный ландшафт, напоминающий о райских кущах, приковывает внимание. Впрочем, эти образы — скорее абстракции, чем художественно переосмысленная действительность. Однако писатели XII века подчас умеют заметить и обрисовать конкретные ландшафты. Готфрид из Витербо (1120—1191) описывает

район Нимвегена — реку, которую редко можно перейти вброд, скалистые берега, украшенный колоннами дворец. Города с их теснящимися домами, мосты, словно пояс связывающие обе части поселения, холмы, покрытые виноградниками, — все это человек начинает теперь замечать.

Описание ландшафта проникает из художественной литературы в переписку XII—XIII веков, чего практически не знала предшествующая эпоха. Но настоящее „овладение пространством“, как и „овладение временем“, приходится уже на эпоху подъема городов и связано с ростом хозяйственной активности горожан. Противостоящее основным сословиям феодального мира и обладающее особыми экономическими интересами, бюргерство стремилось выйти за узкие рамки привычного мира. XIV век — век „купеческого времени“ — был вместе с тем и веком купеческого предпринимательства. И товары и информация стали двигаться быстрее, чем раньше, и приток их сделался более обильным.

у себя Юма

Окруженный огромным миром, полным реальных и воображаемых опасностей, человек средневековья стремился уйти от этих опасностей, замкнувшись в собственном доме. Публичность античного быта — эпохи, когда основную часть своего времени гражданин (во всяком случае, мужчина) проводил на улице и когда соответственно этому благоустройство улицы занимало центральное место в проблемах градостроительства, — эта публичность отошла в прошлое вместе с просторными городскими площадями, открытыми театрами и местами заседаний совета, портиками и аллеями, где, прогуливаясь, философы наставляли учеников. В средние века быт организуется вокруг дома, и хотя, конечно, дома были весьма различными и хижина крестьянина, крытая грязной соломой, ничем не напоминала баронский замок, в одном отношении все дома были тождественными — они должны были скрыть, запрятать, защитить их собственника от воздействия внешних (и уже поэтому враждебных) сил. Отсюда проистекала характерная для средневековья особая правовая защита дома („домовый мир“): одно и то же правонарушение, совершенное на чужом поле или в чужом доме, кара-

лось по разной шкале. Неприкосновенность жилища была принципом средневекового права, хотя, разумеется, принцип этот неоднократно нарушался в ходе войн и в политических схватках, как, впрочем, не раз нарушался в античности принцип храмового убежища.

Римское жилище было в каком-то смысле „открытым домом“. Оно было открыто вверх, к небу, ибо имплювий в центре здания давал свободный доступ воздуху и дождевой влаге. Его атрий был имитацией внешнего пространства — с садом, с журчащей водой фонтана. Вместе с тем римское жилище, в принципе одноэтажное, состояло из четкой системы прямоугольных помещений с определенным назначением каждого. Цель же средневекового дома — отгородиться от окружающего мира, а не открыться, сохранить тепло, а не впустить внутрь себя дождь. Средневековое жилище окружено забором или глухой стеной, и если колодец был вырыт на границе двух усадеб и использовался обоими владельцами-соседями, вертикальная перегородка над ним позволяла каждому черпать свою воду так, чтобы соседи не могли наблюдать, ибо — по выражению Э. Фарала — „быть увиденным означало потерять свободу“. Поэтому при сооружении окон заботились прежде всего о том, как бы избежать любопытных взоров. Двери были окованы железом, окна закрывались плотными ставнями. Если дом использовался так же, как лавка, эти ставни раздвигались на шарнирах: нижняя половина опускалась и служила прилавком, верхняя, напротив, поднималась и выполняла роль навеса. Если окно было открытым, значит,

лавка работала. „Продавать при открытых окнах” — так говорили о купце, который занимался своим делом незаконном основании.

Бревенчатые перекрытия и черепичная или соломенная крыша отделяли средневековый дом от неба. Дом тянулся вверх и состоял из нескольких этажей. Высокие (до 10—12 м) и прочные (в Англии особенно ценился дуб) столбы составляли основу здания, к ним крепились балки, поддерживавшие полы верхнего этажа. Двускатная крыша подчеркивала вертикальную ориентировку такого дома. Характерная для средневекового жилища устремленность вверх объяснялась не только ограниченностью пространства в средневековом городе, но до какой-то степени, видимо, и „вертикальной ориентацией” средневекового сознания. Недаром многоярусной была и сельская усадьба. Дом тянулся вверх и при этом терял строгую четкость римского плана: комнаты и комнатки лепились в беспорядке, зеркеры образовывали выступы, нависая над улицей, у лестницы возникали каморки, под крышей — чуланы.

Тип и материал жилища был разнообразным и зависел как от местных традиций, так и от социального и имущественного состояния владельца. Большая часть жилищ крестьян и ремесленников вплоть до конца средних веков воздвигалась из ивняка, покрытого обмазкой, из бревен или плохо отесанного камня, кое-где встречались и полуземлянки, крытые соломой.

Во Франции к югу от Луары зажиточный крестьянский дом представлял собой сооружение из больших гранитных блоков с узкими оконными проемами, оставленными в кладке. Цокольный этаж использовался как погреб и помещение для живности. К двери жилой части вела каменная лестница высотой один-два метра. Двускатная кровля покрывалась сланцем или каменными плитами, в других местах — черепицей.

К северу от Луары, а также в Германии и Англии дома были первоначально бревен-

чатыми, а с XI века их заменяют жилища на каменном цоколе, над которым возвышались два-три этажа. Деревянные каркасы этажей заполняли глиной с рубленой соломой, камнем. Но еще и в XII веке дерево продолжают широко применять даже в строительстве храмов, а при возведении оборонительных сооружений — ив XIII веке.

Городские дома в XII веке, как правило, не отличались от сельских, однако именно в городах каменное строительство распространяется с большей интенсивностью. Сперва это относилось к усадьбам таких ремесленников, где имелись горны и печи, — пекарей, кузнецов и т. п. Затем в Германии в XIII веке зажиточные бюргеры начинают строить из камня и прежде всего особое однокомнатное высокое сооружение (так называемое Kemenate), где хранились на случай пожара наиболее ценные вещи.

Основным типом отопления в средневековом доме был открытый очаг, расположенный поодаль от стен, с устроенным над ним вытяжным козырьком. Пол очага был выложен камнем и обмазан глиной. В холодной Англии цокольный этаж покрывался каменным сводом, а не деревянными стропилами для предотвращения пожарной опасности от разводимого в комнате открытого огня. Дрова сжигались на небольших решетках, как это видно на скульптурных изображениях в Реймском соборе.

Оконные проемы часто оставались открытыми, особенно на юге, где сохранялись римские традиции. Стекла были редкостью и применялись главным образом в церквях. Окна в частных домах затягивались пергаментом или промасленной тканью, чтобы защитить жилище от мороза и ветра, а кроме того, нередко зарешечивались и закрывались ставнями. Летом в таком доме было более или менее светло, но зимой света не хватало. Свет давал очаг, куда подбрасывали в случае необходимости пучок соломы. Пользовались (в более состоятельных домах) и масляными лампами из глины, стекла

и металла, которые подвешивали на стенах. От таких светильников на все вещи садилась сажа и стоял смрад. Поэтом/ те, кто мог это себе позволить, предпочитали свечи, которые делали из сала специальные мастера-свечники. Восковые свечи, в отличие от салных, были дороги, ими могли пользоваться только феодалы и церковь.

Снабжение водой было не менее примитивным: иногда во дворе вырывали колодец, на юге (в Италии) нередко собирали дождевую влагу в специальные цистерны, размещавшиеся на чердаках. Чаще приходилось ходить за водой к городским фонтанам.

Канализация составляла серьезную проблему средневекового жилища. Отхожие места были далеко не в каждом доме. Грязную воду и твердые отбросы выливали обычно в специальные ямы для нечистот, которые опорожнялись время от времени. Предписания городских властей строжайше запрещали выливать нечистоты на улицу, но трудно представить, что подобные запреты соблюдались достаточно строго.

Баня — столь характерное явление греко-римского мира — стала в средние века редкостью. Общественными банями (типа римских терм) западное средневековье практически не пользовалось, во всяком случае, до XIII века, да им и не было места в условиях, когда общественная жизнь резко сократилась. Не было бань и в частных жилищах, пожалуй, только в некоторых монастырях строились помещения для мытья: так, в Ключийском аббатстве в XI веке существовала дюжина деревянных клетушек, служивших умывальнями. Но в XIII веке баня становится модой. В Париже в 1292 году было по меньшей мере двадцать шесть общественных бань, да и в частных домах охотно купались в лоханях, особенно после еды. В парижских общественных банях были устроены парильни, тут же можно было побриться и помыть голову. Немецкий поэт Николай де Бибера оставил описание эр-

фуртских бань XIII века. Его внимание особенно привлекла юная красотка, которая делала массаж „своими нежными руками“. Цирюльник брил там с таким искусством, что „ни одна капля пота не проступала на лице“ клиента. Если человек устал после купания, его ждала удобная постель, а тем временем женщина „с лицом девственницы“ делала клиенту прическу. При этом ни малейшего выражения недовольства — и за все это бралитолькоодин денарий! Впрочем, трудно сказать, где в этом описании истина переходит в иронию, так как из других сведений мы узнаем, что средневековые бани, где подчас мужчины мылись вместе с женщинами, оставляли многого желать и по части нравственности и по части гигиены.

Специальных кухонь рядовое частное жилище средневековья не знает. Как правило, ею служила комната, в которой размещался очаг, она же была столовой. Только в замках и в монастырях приготовление пищи было вынесено в особое помещение. Монастырские кухни представляли собой сооружения, покрытые своеобразным сводом пирамидальной формы, обеспечивавшим лучшую тягу.

Над очагом находился чугунок, подвешенный на специальном крюке. Рядом, на стойке, размещалась вся кухонная утварь: кочерга и щипцы для огня, шумовка и сито, большая вилка с двумя зубцами, решетка и шампуры для приготовления жаркого, зернотерка и мельнички для пряностей. На полу в треножниках покоились горшки, на этих же треножниках их ставили и на огонь (в средние века мясо чаще готовили в горшках и на решетках, нежели в бронзовых котлах, как это было раньше). Здесь же над очагом подвешивали мясо — сушить и коптить. Готовили на открытом огне и в золе — кухонные печи появляются только в XV веке. В кухне-столовой, обычно возле стены, находился стол, уставленный всевозможной кухонной утварью. Другой стол прямоугольной формы, служил обеденным,

возле него стояла скамья или табуреты, здесь же находился и буфет с посудой.

В средние века не хватало металла, а керамическое производство не получило большого распространения в Западной Европе. Соответственно в домашней утвари возрастает значение изделий из дерева. Античные глиняные пифосы (большие сосуды для хранения зерна и жидкостей) уступают место деревянным бочкам — профессия бочара получает огромное распространение. Из дерева изготавливали тарелки, ложки, всевозможные столовые приборы. В крестьянском быту даже в начале XIV века деревянная и отчасти оловянная посуда преобладала над глиняной. Еще более редкой была стеклянная посуда, хотя кое-где в Европе (в частности, в Рейнской области) прочно сохранялись традиции римского стеклодела, с той только разницей, что мастерские были перенесены из городских центров в глубь леса. Фарфора средневековая Европа еще не знала и в богатых домах пили из кубков — хрустальных, золотых и серебряных. Массовое изготовление стеклянной посуды и предметов домашнего обихода (стаканов, флаконов, ламп из прозрачного и цветного стекла), начинается лишь в XIII—XIV веках.

Как и каркас жилого дома, средневековая мебель, сделанная обычно из дуба и ореха, была тяжелой и громоздкой. Плотные стойки и толстые доски соединялись простыми пазами и скреплялись гвоздями. Она казалась еще массивней оттого, что снаружи часто была обита железом. Обычно столом служила длинная и прочная доска, лежавшая на козлах. Сидели преимущественно на скамьях или табуретах простейшей конструкции: ножки тех и других плотно вгонялись в „тело“ доски-сиденья и закреплялись клиньями. Утварь размещалась на кухонных столах или полках, а невысокие шкафы-поставцы употреблялись под припасы. Для одежды и белья служили лари (сундуки), а верхние вещи домочадцы, сняв с себя, развешивали на оленьих рогах.

Штаны и рубаху снимали уже лежа в постели и закладывали под подушку. Массивность и грубость средневековой мебели, редко переставляемой с места на место, камуфлировалась мягкими тканями: столы покрывались скатертями, скамьи — подушками. Там, где дерево не закрывали (двери, стенные панели), его раскрашивали. Мебели было немного даже в зажиточном доме, и изготовлял ее обычно тот же мастер-плотник, который и возводил дом и производил отделочные работы. Его орудием служили молоток и топор с длинной рукоятью, пила и тесло, молоток и бурав. Рубанки не завидетельствованы ранее XIII века.

Постепенно (прежде всего, по-видимому, в Италии) от плотничного дела стало отделяться столярное. Мастера начали производить мебель с выдвигаемыми ящиками (в Италии она известна с VIII века) и искусно обрабатывать наружную поверхность шкафов и ларей. Фанеровка позволила использовать более дешевые и более легкие сорта дерева, которые снаружи покрывались тонкими досками лучших пород. На юге Европы фанеровка была известна уже в римский период, севернее, за Альпы, она проникает к XIII веку. Цех столяров производил также резьбу по дереву, получившую широкое распространение уже позднее, в XV—XVI веках.

Токарный станок был известен в средние века, и мы встречаем в рукописях время от времени изображение выточенных деталей мебели, преимущественно ножек для кроватей, стульев, столов и табуретов.

Помимо деревянной мебели в употреблении были изделия из ивняка: плетеные колыбели и корзины наряду с клетками и ульями из того же материала были известны повсеместно, использовались в быту.

43
Тип городского дома к югу
от Луары и за Альпами.
Фреска. Начало XIV в.
Сиена

173

Охота с соколом.
Миниатора. XIII о.

174

Воин-лучник.
С миниатюры начала XIV о.

17 S

Символ вассальной верности
рыцарства итальянского
города Прайо Роберту
Анжуйскому

физической силой, и поэтому мускульная сила — одно из важнейших рыцарских достоинств. Другое неперемнное качество рыцаря — отвага. Немецкий поэт Гартман фон Ауэ (ум. между 1210—1220) повторяет поговорку каролингских времен: „Кто до двенадцати лет остается в школе, не садясь верхом, годится только на то, чтобы стать священником“. Соответственно образ жизни рыцаря был иным, нежели у школяра:

охота и турниры составляли существенный компонент его времяпрепровождения.

Охоту в аристократической среде ценили и превозносили в средние века прежде всего как поле деятельности, на котором рыцарь мог показать свою силу и отвагу, ибо сражение с раненым вепрем или медведем было столь же опасным, как и единоборство с вооруженным врагом. Погоня за дикими оленями развивала искусство верховой езды, необходимое воину. Но в охоте на птицу не было такой рыцарственности, никакой аристократ не стал бы гордиться умением стрелять из лука, ибо лук был низким оружием — оружием крестьянина и горожанина, поэтому на птицу охотились с соколами.

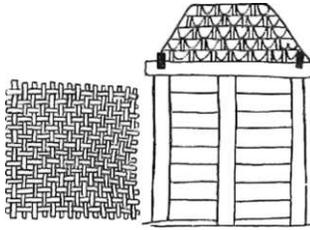
В средние века создалось предание о том, что турниры появились во второй половине XI столетия. На самом деле, видимо, эта имитация сражения существовала много раньше и восходила, возможно, к языческим обычаям. Турниры устраивали короли и бароны, и на эти состязания собирались рыцари с разных концов Европы, причем среди них могли быть и представители высшей аристократии.

Вокруг четырехугольного ристалища возводился двойной деревянный барьер: внутренняя стена была сравнительно низкой, наружная — довольно высокой. Рядом воздвигали деревянные помосты, где сидели судьи и дамы, привычные к кровавым развлечениям. Герольды возглашали имена участвовавших в турнире рыцарей и прославляли подвиги, совершенные этими рыцарями раньше.

Условия турнира были разнообразными. Обычно он начинался поединком рыцарей, так называемым *joute*. Задача могла сводиться к тому, чтобы нанести противнику мет-

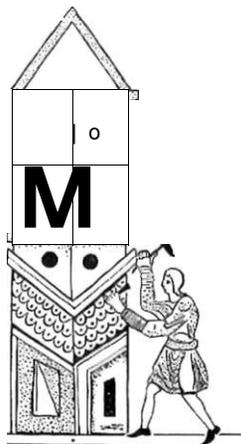
44
Хижина-пазанка.
С миниатюры. 1083

45
ВойседсНус дома.
С миниатюры XII о.

46
Обшивка кровли
бревенчатого дома.
С миниатюры XII в.

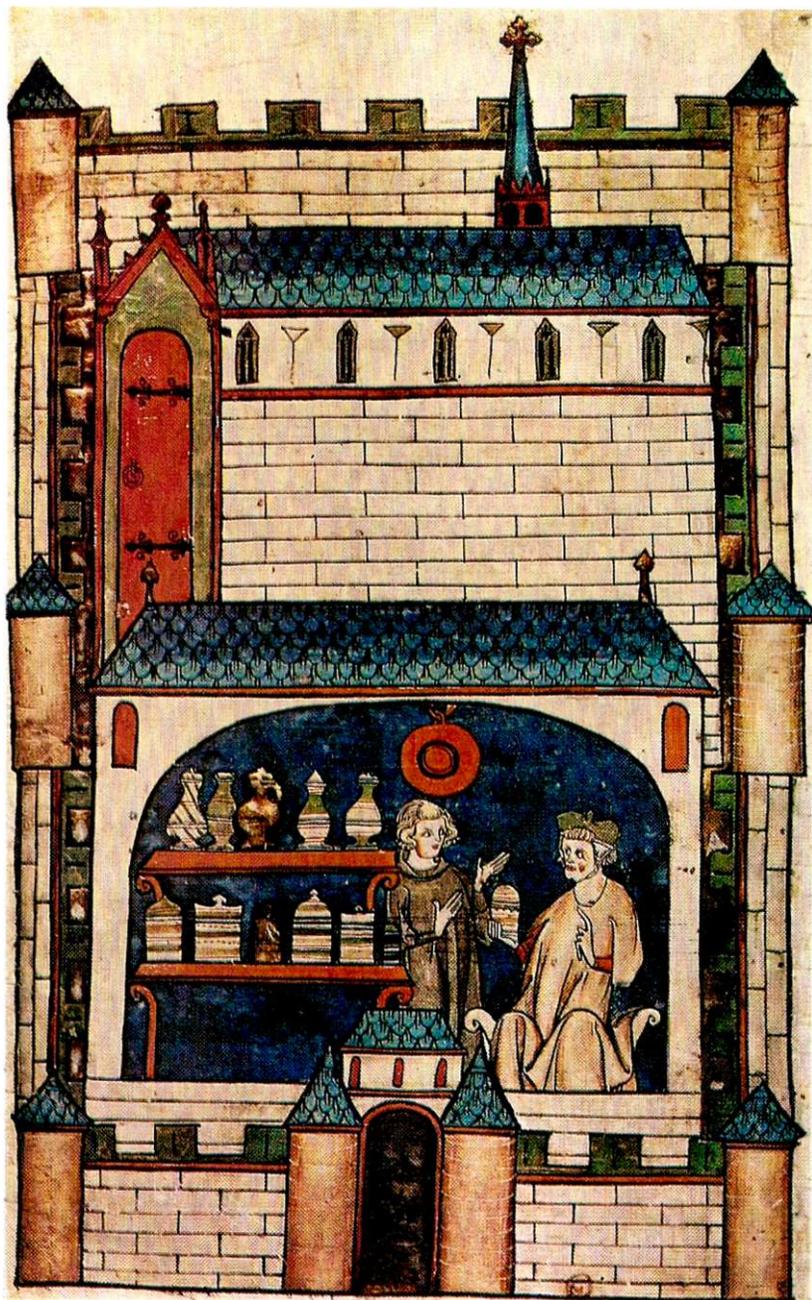
47 —
Строительная техника.
Миниатюра. 1240

Конечно, внутреннее устройство, как и убранство дома, зависело от имущественного и юридического статуса его владельца. Но что существенно в средневековом доме — это исчезновение характерной для античности обособленной женской половины (гинекея); в средние века семья сплавляется, внешне объединенная общим очагом и общей спальней. В спальне богатого дома стояла огромная кровать, шириной до четырех метров, размещавшаяся на возвышении, куда вели одна-две ступени; сверху ее закрывал балдахин, опиравшийся на колонки. На кровати был постепен тюфяк, набитый соломой и сеном, поверх него клали матрас из шерсти и хлопчатой бумаги. Белье в богатом доме было из белого полотна, люди победнее довольствовались цветным. Богатые горожане накрывались суконными одеялами, отделанными мехом, под которые подкладывали еще перину, соответствовавшую размерам кровати и набитую ватой и пухом. Из ваты и пуха делались также подушки. Огромные размеры кровати были не только вещественным выражением материального благополучия, но служили и целям гостеприимства: приятного гостя хозяева могли положить вместе с собой в одну постель.

В домах победнее, особенно в деревенских, спальня не отделялась от столовой-кухни. Такой дом состоял обычно из одного жилого помещения с одной печью-очагом, служившим и для приготовления пищи и для отопления. К этому помещению примыкали службы: сарай, стойло для скота, закрома, а в нем самом громоздились стол, кровать родителей, детская колыбель, лохань, где купали детей, мешки с зерном, инструменты.

Специфической особенностью английской сельской усадьбы было раздельное сооружение жилого корпуса и холла: первый был предназначен для интимной жизни, второй — для своего рода общественной; здесь владеец и его зависимые люди соби-

48
Тип городского дома
к северу от Альп.
Павка аптекаря.
Миниатюра. Начало XIV в.

р.шись для совместной трапезы, здесь вдоль < им) ставили ложа для ночлега слуг. Полы нижнего этажа в средневековом жилище были земляными, в богатых домах — мощенными плиткой. Деревянные полы игрихих этажей, защищая от холода, вместе с тем давали уют (как и балдахины н.1д кроватью) бесчисленным насекомым. Ковров в зажиточных жилищах было до-попыно много, их вешали на стены, насти-илини на сиденья, но не клали на пол. Пол покрывали, смотря по времени года, сеном или свежей травой. В одной из так назы-ваемых „Кембриджских песен" девушка гово-рит, приглашая к себе подружку

„Ковры повсюду постланы,
Сиденья приготовлены,
Цветы везде рассыпаны,
С травой душистой смешаны"*

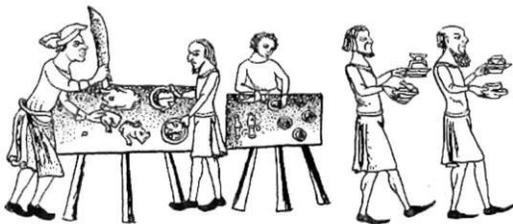
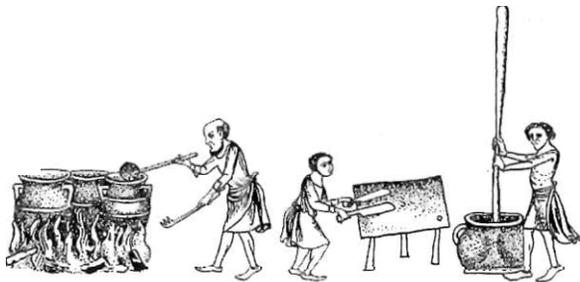
Именно такой представляется убранная гор-ница: скамьи, покрытые коврами или накид-ками, и разбросанные по полу ароматные цветы и травы.

Ги де Базош (французский поэт-вагант, богатый каноник) в письме к матери описы-вает свой дом: его нельзя назвать большим или великолепным, но он удобен для жилья. Его верхняя часть с „оконными глазницами" высоко поднимается над служебными по-мещениями, оттуда хорошо виден город и лежащие за его пределами луга и виноград-ники. Внизу расположены покои, предна-значенные для отдыха и для труда. Выкра-шенные белым стены могут поспорить с паросским мрамором, панель сверкает мно-жеством красок. И снова Ги де Базош воз-вращается к окнам: их стекла впивают прелесть зеленеющего сада и благоуханно цветущих кустов, они преграждают доступ вредоносным ветрам и пропускают лишь половину дневного света. Ковры и очаг содействуют ощущению уюта, а птицы в клетках в любое время года воспризводят гармонию весенних роц.

Но дом был не только жилищем в пря-мом смысле слова — местом, где спали и ели, принимали гостей и воспитывали детей. Работали (особенно в городе) там же, где жили: в нижнем этаже городского дома обычно размещалась мастерская или лавка, здесь же хранились сырье и инструменты, и интимная жизнь незаметно переходила в деловую. Средневековые не знали того по-следовательного отделения труда и бы-та, какое складывается в индустриальную эпоху.

Как средневековое жилище порывает с четким планом римского дома, так и сред-невековый город не приемлет строгую планировку античного муниципия. В средневековом городе нет ни форумасегообществен-

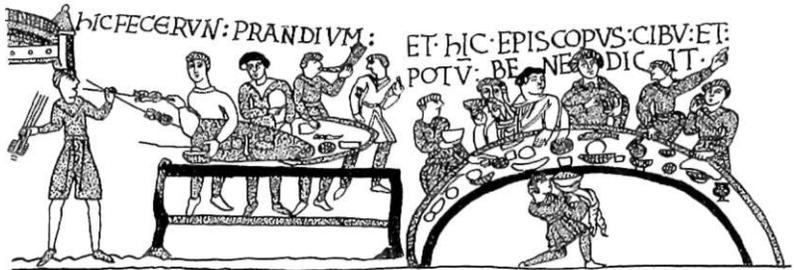
50—53

Кухня, утварь, поджаривание птицы на вертеле, разделка мяса перед подачей на стол, сервированный стол. С миниатюры начала XIV в.

ными сооружениями, ни широких вымощенных улиц с портиками по обеим сторонам. Кое-где античные сооружения были приспособлены под новые нужды: арены цирка застроены жилыми зданиями, гимнасии превращены в церкви, храмы — в башни (мы уже говорили выше о переоборудовании маяков в колокольни). Дома теснятся теперь в узких и кривых улочках, и от нависающих вразнобой эркеров улочки кажутся еще более узкими и кривыми. Ширина улиц средневекового города сильно варьировала. Наиболее типична улица шириной в семь-восемь метров (такова, например, ширина важной магистрали, которая вела к собору Парижской богородицы). Маленькие улицы и переулочки были значительно уже — не более двух метров, а во многих старинных городах встречались улочки шириной и в метр. Одна из улиц старинного Брюсселя носила название „Улица одного человека“, свидетельствующее о том, что два человека не могли там разойтись. Уличное движение составляли три элемента: пешеходы, животные, повозки. По улицам средневековых городов часто гнали стада. Но не следует думать, что в средние века не заботились о красоте улиц. Особенно большая забота об этом проявлялась в Италии. В Тоскане, например, служащие магистратур, занимавшиеся инспекцией улиц, назывались „чиновниками украшения“. Если с дворцом соседствовало уродливое или бедное здание, его собственнику выделялись средства на перестройку. Во Флоренции в 1325 году было принято постановление, предписывающее строить из камня дома определенной высоты. Средневековые городские дома не имели нумерации, ее заменяли отличительные знаки — барельефы на религиозные сюжеты, скульптурные портреты владельцев и т. п., являвшиеся одновременно и украшением домов. Перекрестки часто украшались крестами. Существенным декоративным элементом оформления во многих городах Италии и Франции были город-

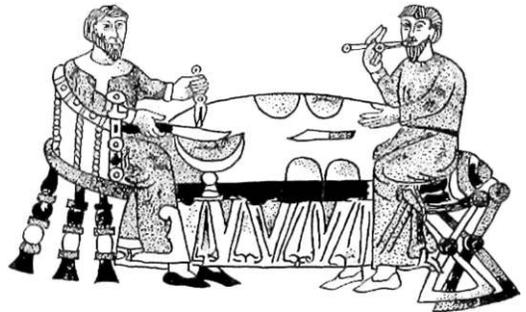
I IIII Кіістко герцога Виль-
чииа Заеоеетеля нака-
нунг Литвы при Гастинге;
тїїііісі гласят: еда приго-
тчался. слуги г.рислужи-
шнот, епископ Одо благосло-
чпает тралеґ/
С. gobелена 1120 г.

Применение ножа и еипки.
(. миниатюры XI е.

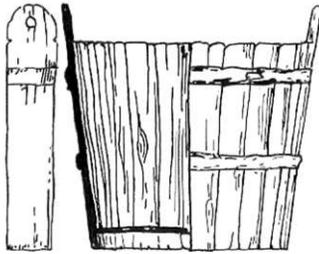
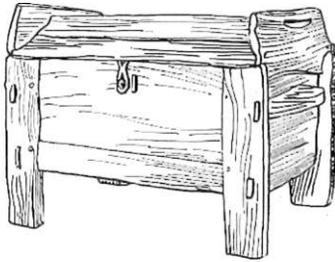
ские фонтаны, расположенные, как прави-
ло, на площадях.

Содержание улиц в порядке и чистоте составляло постоянную заботу городских властей. Серьезную проблему представлял вопрос, куда девать мусор и нечистоты: большей частью их сбрасывали в реки или в близлежащие рвы, подчас для этой цели использовали древнеримские сооружения. Служба мусорных повозок была организована в Париже лишь в XIV веке, в Амьене — в XV веке. В некоторых городах жители отдельных улиц нанимали мусорщиков за собственный счет. Первые сведения о мостовых исходят из Парижа конца XII века. Каждому горожанину вменялось в обязанность заботиться о том, чтобы улица перед его домом была замощена. По инициативе короля эта мера была введена впоследствии и в других городах, так что к XIV веку улицы важнейших французских городов имели мостовые. Постановление о мощении улиц

было принято в 1331 году в Праге. Оно предписывало горожанам засыпать ямы на улицах и удалять все, что мешает движению.

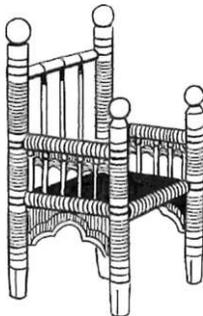
Но так обстояло дело далеко не во всех городах средневековой Европы. Первая мощеная улица в богатом немецком городе Аугсбурге появилась только в начале XV века, и еще в конце этого столетия жители города Рейтлингена уговаривали императора Фридриха III (1440—1493) не приезжать к ним, однако он не послушался совета и едва не погиб в грязи вместе с лошадью. Водо-

57—59

Образцы средневековой мебели и утвари:
 стулья, кучной ларь
 (сделан топором,
 пазы скреплены кольшками),
 бочка для молока,
 бочарная доска и бадья,
 С миниатора XI в.
 60

Стул, выточенный на токарном станке.
 С рельефа собора в Шартре.
 XIII в.

сточные канавы появляются только в XIV—XV веках, да и то лишь в крупных городах.

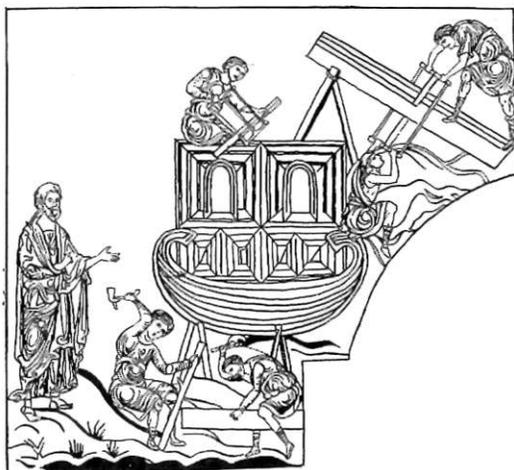
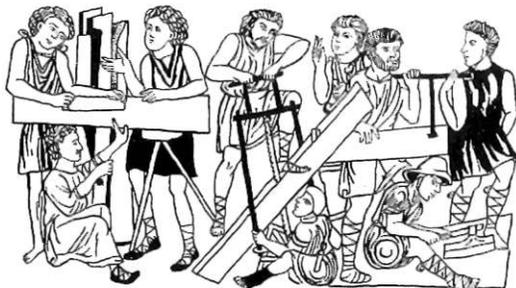
В описании города Реймса, относящемся к XI веку, говорится, что он состоял из трех частей: церковной, королевской и купеческой. Планы Парижа (XVI век) отмечают наряду с официальной также университетскую и коммерческую части города. Купеческие кварталы городов, как правило, располагались у ворот и мостов, а иногда и на самих мостах. Такое распределение городской территории складывалось большей частью стихийно, но иногда и не без вмешательства городских властей. Известны многочисленные постановления, требующие удаления на окраину города боен и кожевенных мастерских из санитарных соображений; в ряде городов такой же участи подверглись котельщики из-за производимого ими шума. В Сиене в конце XIV века было внесено предложение, чтобы представители отдельных ремесел селились только в отведенных для них местах. Специальные кварталы существовали и для некоторых этнических групп. Наиболее известны гетто, но они не единственные примеры такого рода: в германских городах, например, как правило, славяне селились отдельно от немцев, в особых кварталах проживали и ломбардцы.

Первоначально единственными общественными сооружениями в городе были церкви. Городской собор — это архитектурный, идеологический и даже в каком-то смысле хозяйственный центр города. Вокруг него лепятся лавки ремесленников и торговцев. У его портала завязываются научные и политические дискуссии, здесь же в праздничные дни разворачиваются театральные зрелища, подчас руководимые духовенством. Соборная колокольня определяет городское время, а ее тревожный звон в неурочный час возвещает бедствия — пожар, набег неприятеля, внезапную эпидемию.

Ранние церкви Западной Европы — романские постройки, перекрытые цилиндри-

ческими коробовыми сводами, распор которых передавался на стены на всем их протяжении. Отсюда массивность стен, к тому же нередко укрепленных контрфорсами — примыкающими к стенам устоями. Пространство раннехристианского храма, подобно пространству его предшественницы, раннехристианской базилики, организовано по горизонтали — ее основная ось пролегает от западного портала (главного входа) к алтарной апсиде, где помещается жертвенник и где священник совершает главнейшую часть богослужения. От раннехристианской базилики романский храм унаследовал и элементы декора, прежде всего мозаику (в Италии) и настенную живопись (в Германии, Франции).

Примерно в середине XII века романское зодчество начинает вытесняться готическим, и в XIII столетии готическая архитектура достигает расцвета. Название „готический“ — условное и странное. В готических храмах нет ничего собственно „готического“, варварского, — французы гораздо удачнее называют готический стиль „оживным“, то есть стрельчатым. Казалось бы, готический храм немногим отличается от романского. Их планы сходны: в основе того и другого лежит длинный „корабль“ — неф; по обеим сторонам от него — боковые нефы; „корабль“ пересечен под прямым углом поперечным нефом — трансептом; на востоке здание замыкается алтарной апсидой или „венцом капелл“, то есть серией (четыре-пять) апсид, на западе расположен главный вход, фланкированный двумя башнями. Однако применение стрельчатой дуги придало готическому храму совершенно иной характер, иную эстетическую цель. Стрельчатая дуга явилась великолепным инженерным решением, позво-

61. 62
Плотничий инструмент:
пилы (ромовая и двуручная),
тесло, топор, рубанок.
С мозаики XII а.

63
Токарный станок.
С инициала миниатюры XIV в.

64
 Ремесленные мастерские ювелира, булочника. Миниатюра. XII в.
 Ремесленные мастерские бочара, скорняка. Витраж. XIII в.
 Собор в Шартре

ЛИВШИМ облегчить давление свода и в силу этого уменьшить массивность стен; в готическом храме устранены те элементы кладки, которые не несли никакой механической нагрузки, и здание предстает перед зрителем как обнаженный каркас с подчеркнутыми линиями „ребер“. Одновременно с этим стрельчатые дуги как бы переместили основную ось храма: из горизонтальной она превратилась в вертикальную, и вертикальная ориентация готического зодчества подчеркивалась высотой относительно легких стен, стройностью пилястров, на которые опирались стрельчатые дуги, башенками и шпилями/огромными окнами. Распор свода погашался не тяжеловесными контрфорсами, но с помощью изящных аркбутанов, перекинутых над боковыми нефами. Высокие стрельчатые проемы между главным и боковыми нефами позволяли воздуху свободно переливаться из одного помещения в другое, создавая впечатление органического единства пространства.

Живописный и мозаичный декор уступает место витражам, рельефу и скульптуре. Объемные каменные фигуры украшали как интерьер, так и порталы церкви (особенно западный, буквально наполненный скульптурными изображениями), и скульптурное распятие стало логическим центром внутреннего пространства храма. Цветные сте-

кла витражей, причудливо преображавшие солнечный свет, создавали иллюзию реального присутствия библейских и житейных персонажей. Но в храмовый декор проникали не только герои христианской легенды — здесь нашлось место для сцен трудовой жизни, для светских властителей, для сказочных животных. Храм был микрокосмом средневекового человека, вмещавшим в себя весь мир.

Постепенно по мере укрепления городской самостоятельности и роста купеческих богатств в городах начали возводить новые общественные здания: помещения городских советов (ратуши) и крытые рынки (в Брюгге торговый центр представлял собой сложное сооружение, куда по специальному крытому каналу заходили морские суда), больницы и колледжи, общежития поселившихся в городе студентов, склады и цеховые помещения.

Ратуша — символ городской независимости — имела обычно в нижнем этаже склад или арсенал; по фасаду нижний этаж украшался аркадами, над ним был устроен парадный зал и ряд меньших помещений для заседаний. Подражая феодальному замку, ратуша включала в себя беффруа — башню, где висел набатный колокол, размещалась городская тюрьма и хранились городские хартии и казна.

Город стягивался прочным поясом оборонительных сооружений, без крепостных стен он не мог существовать. Одно из самых сильных впечатлений участников 4-го Крестового похода — греческий город Андравида, не имевший укреплений; на своей родине такого поселения им не приходилось встречать. Городские укрепления представляли сложную систему сооружений. Зубчатые стены (конфигурация которых определялась необходимостью предоставить защиту не только старым кварталам, но и тем, которые возникли по соседству — отсюда второй и даже третий ряд стен) воздвигали на холме или над рекой, как бы продолжая препятствия, созданные самой природой. Стены укрепляли башнями, которые господствовали над узкой полосой между рядами стен. Подход к воротам был неширок, ограничен стенами и непременно кривой, а над рвом, окружавшим крепость, устраивали подъемный мост, контролируемый из города. Город еще более замкнут в себе, еще более насторожен, чем каждый его дом, — и это несмотря на его тесную экономическую связь с окружающим пространством, без которого он не может существовать и со стороны которого он в то же время постоянно ожидает опасности.

Концентрированность населения в городе имела свои выгоды и свои отрицатель-

ные стороны. Впрочем, численность городского населения не следует преувеличивать: даже в XIV—XV веках крупнейшие города Германии, как Любек и Нюрнберг, обладали лишь двадцатитысячным населением; город в десять тысяч жителей считался значительным, немало было городов, где обитало две-три тысячи жителей. Город был сильнее, богаче деревни, оборона его оказывалась более надежным делом, городская жизнь — интенсивнее и разнообразнее. Но вместе с тем город был грязнее деревни, и его санитарное состояние оставляло желать лучшего. Многочисленные постановления городских властей, требующие удаления на окраины опасных в санитарном отношении производств, говорят о важности этой проблемы. Понимали и опасность заражения: прокаженным и больным запрещалось пользоваться общественными банями, больницы для заразных больных и лепрозории строили за городской чертой. Но эти меры были далеко недостаточными, да и не всегда соблюдались. Не удивительно, что эпидемии, вспыхивавшие время от времени, поражали города в первую очередь из-за грязи в них и скученности поселения, унося огромное число жизней. Особенно разрушительными были последствия эпидемии чумы — „черной смерти“, охватившей около 1348 года всю Европу. Статистика тех

лет, конечно, была приблизительной, хроники сохранили совершенно невероятные цифры, но даже осторожные исследователи (например, Д. М. Петрушевский) допускают, что „черная смерть“ в Англии унесла половину населения, причем дворянство, по-видимому, пострадало меньше, чем другие общественные слои, жившие более скудно.

Чума — подлинный бич средневековья. Врачи практически не могли распознавать это заболевание. Оно фиксировалось, как правило, слишком поздно, когда остановить его было уже невозможно. Возбудители болезни были неизвестны, лечения как такового не существовало вообще, смертность среди заболевших нередко, даже и в более позднее время, составляла 77—97 процентов. Испытанным рецептом, которого придерживались в народе вплоть до XVII века да и позже, было *cito, longe, tarde* — бежать из зараженной местности скорее, дальше и возвращаться позже.

Медицинская помощь в эпоху средневековья была развита слабо. В некоторых городах не было своего врача и приходилось обращаться в соседний, что, разумеется, было доступно лишь немногим. Больницы обслуживали монахи и монашенки, не имевшие специальной подготовки.

Больницы занимали своеобразное положение в жизни средневекового общества. Их функции далеко выходили за рамки просто лечебного заведения. В раннее средневековье больницы основывались преимущественно церковными учреждениями — монастырями, церквами, и епископами и предназначались не только для больных, но главным образом для пилигримов, странников, здесь же находили приют и нищие. Больница рассматривалась как место, находящееся под покровительством и защитой цер-

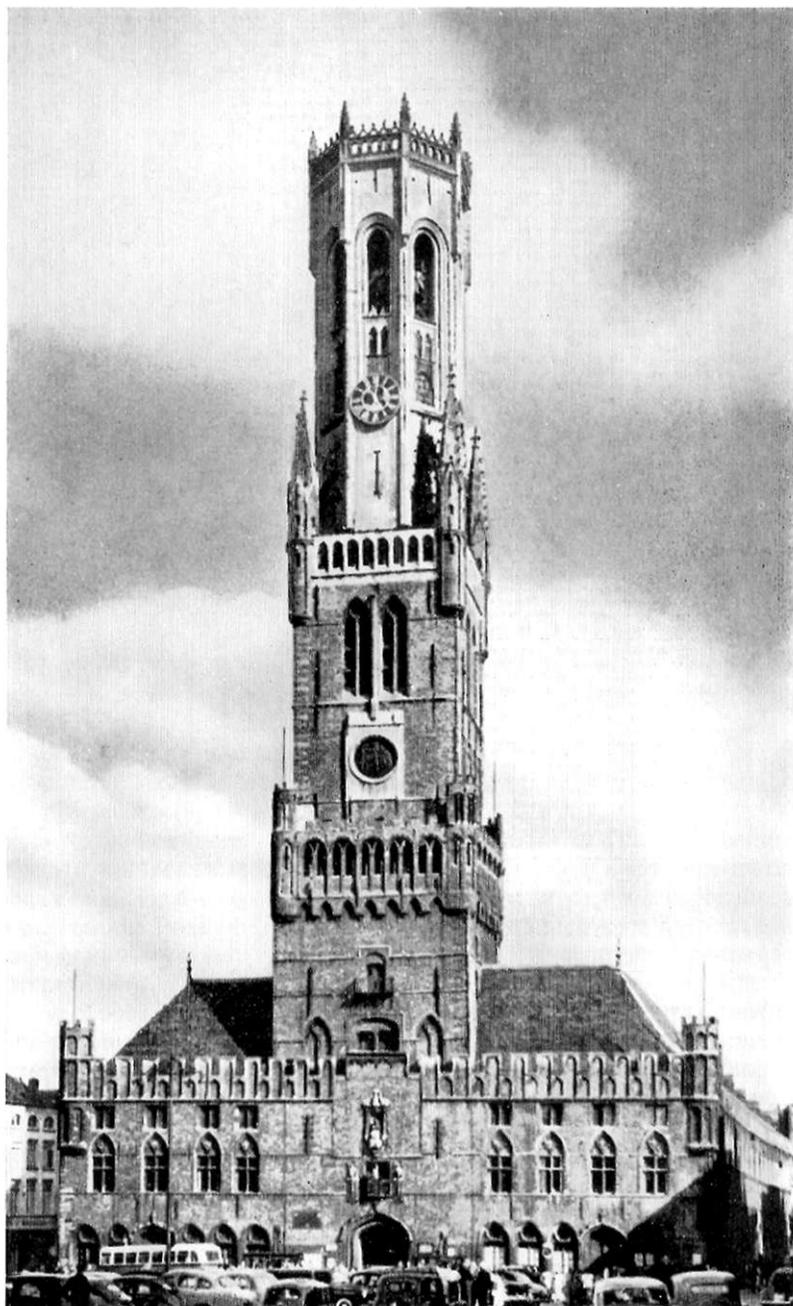

кви (*locus religiosus*), как правило, она составляла единое целое с церковным зданием и помещением для больных и пилигримов находилось около алтаря. С конца XII века появляются больницы, основанные светскими лицами — городскими сеньорами, а несколько позднее — состоятельными горожанами. Больница и церковь разделяются теперь и в строительном отношении, составляя два раздельных здания, это, однако, не меняло положения больницы как учреждения, пользующегося покровительством церкви. Со второй половины XIII века начинается процесс коммунализации больниц, в полной мере проявивший себя уже в следующем столетии: городские власти стремятся принять участие в управлении ими или даже

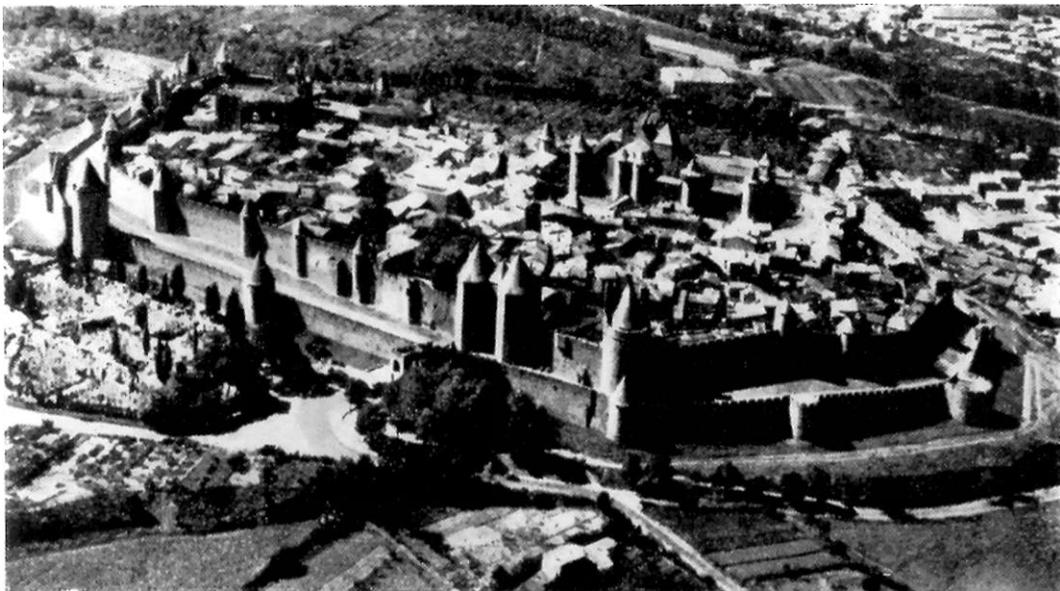

полностью взять их в свои руки. Параллельно изменяются и функции больниц: они превращаются в благотворительные учреждения, доступ в которые открыт только бюргерам — полноправным горожанам и местным жителям при условии внесения специального взноса. Меняется и место расположения больниц: если прежде они обычно строились на окраине города, у городской стены или перед городскими воротами, то к XIV веку их все чаще и чаще сооружают в центре города и даже на рыночной площади. Больница перестает быть церковным учреждением в строгом смысле слова, однако она по-прежнему находится под покровительством церкви и имущество ее в силу этого считается неприкосновенным. По-

следнее обстоятельство имело важные хозяйственные и политические последствия: состоятельные горожане охотно вкладывали свои средства в больницы, обеспечивая тем самым их сохранность, а городской магистрат использовал больницы в качестве орудия своей территориальной политики. Особенно широко это практиковали города юго-западной Германии. В 1295 году больница города Эслингена приобрела у графа Готфрида фон Тюбингена его права и владения в деревне Мэринген, через два года — в деревне Вайхинген, а у рыцаря Конрада фон Бернхаузена в этом же году лес Катценбах. Поземельная книга 1304 года свидетельствует о планомерной политике больниц по приобретению земельных владений.

66
Городская площадь
с отходящей от нее улицей.
Миниатюра. XIV в.

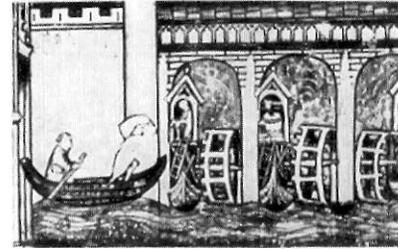
67

Городские укрепления.
Каркассон. Пангсдок

К 1331 году благодаря ее действиям город располагал уже значительной территорией вдоль Неккара. Территории таких имперских городов, как Биберах, Мемминген, Кауфбайрен, Нордлинген, Аугсбург, Ройтлинген в большей своей части состояли из земельных приобретений больницы. Располагая собственным имуществом и хозяйством, больницы играли важную роль в финансовой и хозяйственной жизни средневекового города, особенно возросшую в XIV столетии. Они предоставляли ссуды и пожизненные ренты отдельным бюргерам, иногда и магистрату под небольшие проценты, а подчас и без процента; запасы зерна, которыми они располагали, в случае неурожая могли быть использованы для обеспечения населения и регулирования цен.

Научная медицина в средние века была слабо развита — медицинский опыт перекрещивался с магией, астрологическими

наблюдениями и религией. Кровопускание и очистка желудка оставались основными, если не единственными лечебными средствами. Чтение „Отче наш“ сочеталось с применением порошка из имбиря и корицы (для излечения перелома), а к постели человека, уснувшего летаргическим сном, рекомендовали привязать свинью. Лечебные свойства приписывались драгоценным камням и всевозможным раритетам, например печени жабы. Еще в XIV и XV веках лучшие специалисты рекомендовали такой способ борьбы с болезнью, как подвешивание за ноги, чтобы яд вышел из ушей, носа, рта и глаз. Хирургия находилась под запретом, кроме практической хирургии, которая была отдана не врачам, а цирюльникам. Парижский медицинский факультет около 1300 года прямо выразил свое отрицательное отношение к хирургии. Впрочем, интерес к изучению человеческих внутренних органов уже рождался, однако он являлся на свет в суровом средневековом обличье. Хронист Салимбене рассказывает о медицинских эксперимен-

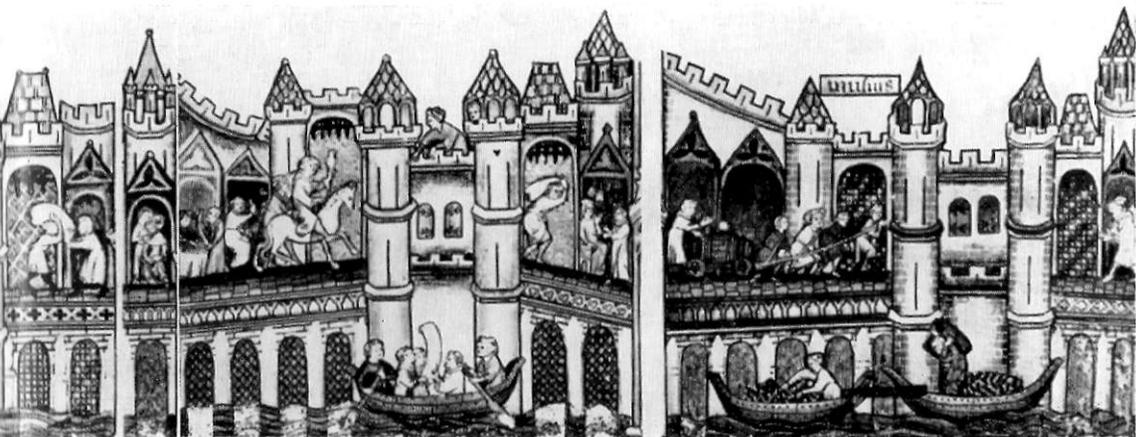

69, 69
 Жизнь большого города.
 Миниатюра. Начало XIV о.
 Слева направо: лавки
 аптекаря, кондитера, меня-
 лы, мастерская цирюльника,
 нобиль на коне с соколом
 на руже, носильщик,
 лавка оружейника, транс-
 портировка бочки, возвра-
 щающийся в город пилигрим.
 Рыбак, продающий улоо,
 перевозка вина, городские
 мельницы под Большим
 мостом, выдано помола, кон-
 церт на реке, барки
 угольщиков

тах императора Фридриха II (1212—1250), который обильно угостил двух людей, а затем одного отправил спать, а другому приказал бодрствовать. Через некоторое время он приказал умертвить обоих, вскрыть жёлудки и установить, в каком случае пища усвоена лучше. Другой опыт Фридриха II носил более „теоретический” характер: он запер человека в плотно запечатанный ящик, и когда ящик вскрыли, там нашли только тело, но души не обнаружили; это обстоятельство укрепило Фридриха в его

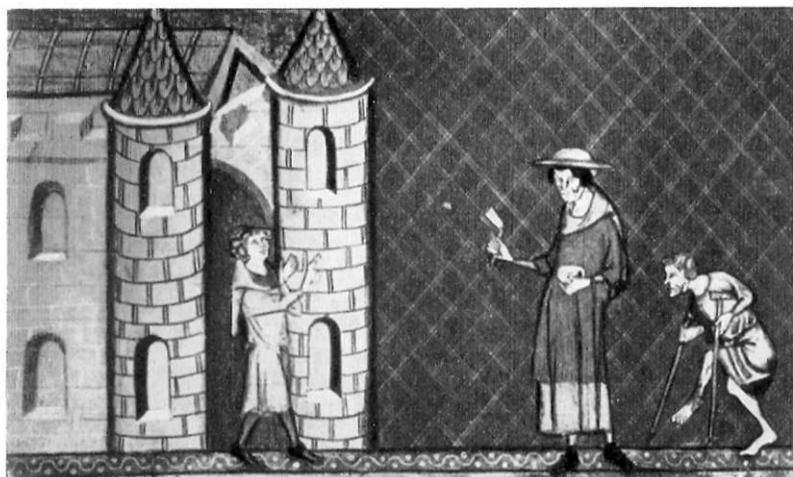
70
 Городская ратуша
 и крытый рынок.
 Брюгге. XIV—XV вв.

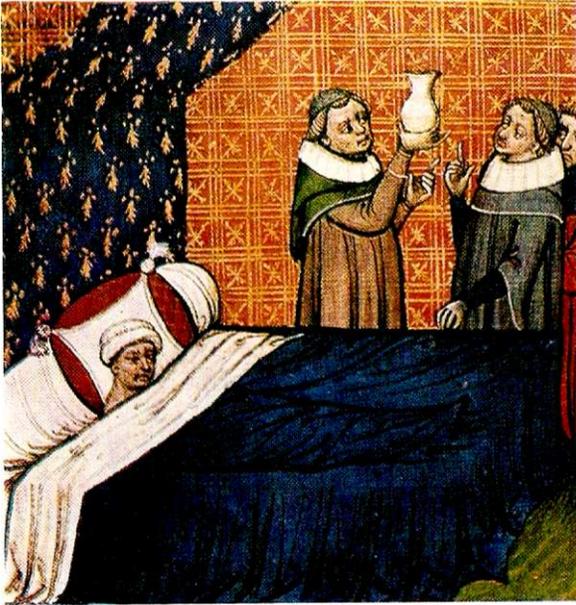

сомнениях о существовании посмертного бытия. Представления об устройстве и функционировании человеческого организма оставались смутными. Желудок трактовали как котел, в котором пища варится с помощью огня, выделяемого печенью, служащей очагом.

Жалобами на врачей-обманщиков, на невежественных лекарей полна средневековая литература задолго до Мольера. И все-таки советы средневековых врачей не всегда были совершенно бессмысленны.

Любопытное руководство по сохранению здоровья, составленное в XIII веке „в соответствии с принципами салернской (медицинской) школы“, содержит ряд советов относительно диеты и гигиены. Оно рекомендует по утрам вымыть глаза и руки холодной водой, пройтись, чтобы немного размяться, причесаться и даже почистить зубы. Не стоит злоупотреблять горячими ваннами. Отправляясь спать, нужно сперва лечь на левый, потом на правый бок. Обжорство вредно, впрочем, следует избегать

72

Медицинско-анатомические представления.
Вторая половина XII в.

73

Врач ставит диагноз по цвету мочи.
Миниатюра. Начало XIV в.

74

Извлечение копья и стрелы из грудной клетки.
Одна из миниатюр, иллюстрирующих наставления по хирургии Роже из Салерно.
1300

и чрезмерного похуждения. Автор наставляет, какое вино вредно для печени и для желудка, он советует пить дождевую воду (она мягче и лучшеспособствуетперевариванию пищи), а также из источников, текущих к востоку, — вода, бегущая на юг, вредит кишечнику. Он отдает предпочтение свинине перед зайчатинной, но замечает, что молочный поросенок и молочный ягненок вредны для печени. Впрочем, Салернский кодекс здоровья вряд ли мог быть практическим руководством в поведении и диете широких слоев населения Европы XII! века. Средневековая пища была весьма однообразна, и размышлять над питательностью молочного поро-

сенка вряд ли могли столь многие. Конечно, городские рынки, а особенно рынки таких больших городов, как Париж, были полны самых разнообразных продуктов: дичи, фруктов, вин, подчас привозимых издалека. Но разнообразным и изобильным был в ту пору лишь стол высшей знати или богатых купцов — рядовые горожане и крестьяне питались иначе. Один английский писатель XIII века следующим образом изображает, с немалой долей иронии, трапезу парижан: несколько человек, каждый с куском ржаного хлеба, приготавливали вместе на очаге хлебку, для этого они, отделив корку от мякиша, опускали корку в таган с водой, причем каждый привязывал свою корку на веревочку и держал веревочку в руке. Случись чьей-нибудь корке исчезнуть, развариться — затевалась настоящая ссора! Когда парижане варят бульон, продолжает издеваться английский писатель, они приставляют к чугунку наблюдателя, который должен все время помешивать варево, чтобы бульон не убежал и мясо не выпало из котла, а кусок

Inapit ordo in die bene

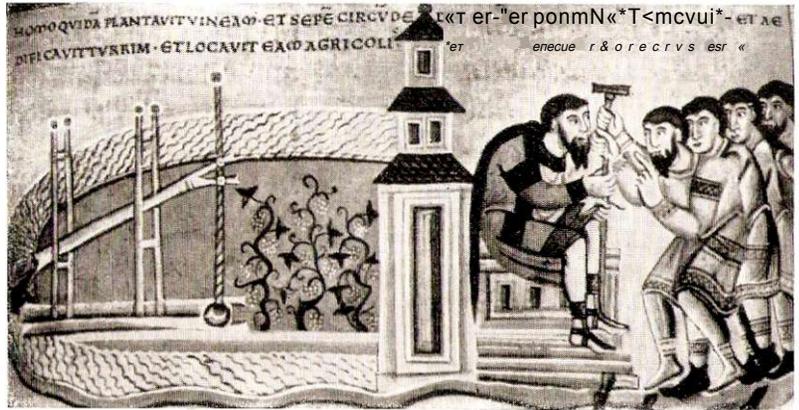

/1

1<>1>одскал ярмарка.
I шгском Парижский освящает
ярмарку в Ланди.
Миниатюра. Конец XIV в.

/6

Ниноградник
и давилый пресс.
Миниатюра. 1039 г.

мяса так мизерен, что кошка легко бы унесла его. Но вот суп готов: едоки сперва выпивают бульон, а затем делят мясо, и каждому достается обрезок величиной с игральную кость. Разумеется, это насмешка, но она не лишена известных оснований.

Средневековый рацион отличался от современного прежде всего недостатком белков (во всяком случае, рацион простых людей — крестьян и ремесленников, мясо ели сравнительно редко, во время праздников), а также сахара, который почти не был известен в Западной Европе, а мед не заменял его. К северу от Альп не знали оливкового масла, так распространенного в Греции и на Ближнем Востоке. Недостаточную питательность пищи обитатели средневековых городов и деревень компенсировали количеством: чувство сытости ассоциировалось с тяжестью в желудке, люди наедались, лишь когда желудок переполнялся. Особенно много потребляли хлеба. М. Руш (исследовавший рационы питания в ряде французских монастырей и светских вотчин) определяет ежедневное потребление хлеба монахами и светскими людьми к концу раннего средневековья в 1,6—1,7 килограмма; по расчетам Э.Эштора в более поздний период состоятельный горожанин съедал до одного килограмма хлеба ежедневно, солдату или моряку выдавалось до 700—750 граммов.

Хлеб был преимущественно ржаным, невысокого качества. Кроме того, ели много каши, бобов (под чесночным соусом) и изредка сыр и рыбу (свежую, сушеную и соленую), доля овощей и фруктов в рационе тоже была небольшой. Из-за малого потребления свежих овощей в пище почти отсутствовали витамины А, D, Е, К, и особенно С; не случайно отшельники, питавшиеся дикорастущими плодами, отличались долголетием.

Пище не хватало остроты: пряности стоили дорого, в обычной еде их заменяли соусами из чеснока, лука и всевозможных трав, а также уксусом и горчицей. Обильную и жирную пищу запивали большим количеством воды. Из всех потреблявшихся тогда видов продуктов сравнительно легко усваивалась лишь свинина. Все остальные продукты способствовали несварению. По этой причине получил распространение тип толстого человека, со вздутым животом, внешне тучного и дородного, в действительности же плохо питающегося и страдающего от нездоровой полноты. Исключение составляла знать, потреблявшая много дичи. Рацион состоятельных людей был обильнее и разнообразнее. В 1279 году французский парламент (судебная палата) даже принял постановление, определявшее число блюд, съедаемых за обедом (суп, два вторых и де-

77
Стеклодувы.
С миниатюры 1023 г.

76
Мастерская стекольщика.
Миниатюра. XV в.

серт), но это постановление далеко не всегда соблюдалось. В одном фаблю описывается обед, который некий священник дал в честь своего приятеля рыцаря. Сперва подал и хлеб и вино, затем свинину и зайчатину, далее гуся, каплунов, рыбу под соусом из перца и, наконец, паштет. На десерт были фрукты, которые запивали вином с орехами и специями — корицей и имбирем. Впрочем, будничная еда знати не была похожа на их званые пиры.

Пили много. По данным М. Руша, по полтора литра вина или пива ежедневно на человека. В разных областях были свои любимые напитки: во Франции — вино, в Нормандии — яблочный сидр, в Англии — эль (ячменное пиво). Варварские вторжения вызвали запустение виноградников к северу от Альп: разведение винограда в Южной Англии, Северной Франции, Баварии и Швабии (где римляне насадили виноградники) практически прекратилось. Но постепенно виноделие отвоевало свои позиции, и к 1200 году оно уже перешагнуло через Эльбу. Вино было нужно не только для трапез, но и для изготовления лекарств (вместе с оливковым маслом оно было по тем временам лучшим растворителем) и для церковных нужд: литургия не могла обходиться без вина. Виноградное сушло удовлетворяло потребность в сладком — привозимые с Востока сласти оставались предметом роскоши. Ячменное пиво (брага) было известно и в древности, но применение хмеля для пивоварения — открытие средневековья; первое достоверное упоминание о нем относится к XII веку. С XII столетия о пиве упоминают постоянно. В Англию пивоварение на основе использования хмеля проникает континента довольно поздно — около 1400 года.

Изготовление спирта в перегонных аппаратах было изобретено около 1100 года, но долгое время оставалось в руках аптекеров, видевших в спирте лекарство, дающее ощущение «теплоты и уверенности». Только в XI веке итальянский ликер, изготавлива-

79
Изготовление глиняной
посуды.
С миниатюры XIII в.

шийся из винограда и „солнечной росы“, как в те времена говорили, сделался серьезным соперником вина и пива. В то же столетие научились гнать спирт и из перебродившего зерна, во второй половине XIV века уже приходилось принимать серьезные, но безрезультатные меры для борьбы с „водочным чертом“ (Schnapsteufel), как окрестили спирт.

В целом, средневековые рационы отличались от современных, как мы видим, прежде всего большими объемами, а также однообразием, приближаясь по своему составу, особенно в ранний период, к традиционным рационам римского типа, когда основой питания были хлеб и вино.

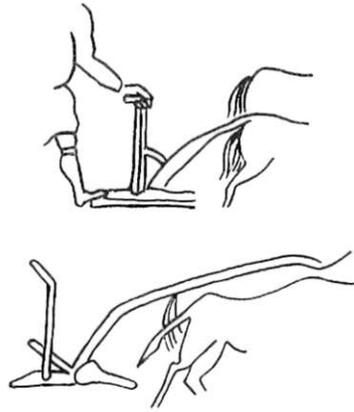
Сигнал к званому обеду в богатом доме подавал слуга, в обязанность которого входило, как тогда говорили, „трубить воду“, то есть трубить в рог, призывая гостей мыть руки.

Слуги подавали тазы, подчас серебряные, украшенные ювелирной работой, которые были наполнены водой с лепестками роз и благовонными травами. Вытерев руки о белые салфетки, поданные слугами, гости усаживались за стол, и уже после них занимала место семья хозяина дома.

Стол был вытянутым, и рассаживались за ним в строгом соответствии с социальным статусом обедающих: его высокий конец предназначался для наиболее знатных гостей. Иногда для важных персон накрывали особый, высокий стол, а с двух его сторон перпендикулярно приставляли еще два стола как бы в форме буквы П, при этом гости рассаживались только с наружной стороны — внутри пространство оставалось свободным, предназначенным для действий слуг. Стол был накрыт белой скатертью, уставлен всевозможными украшениями. Поблизости от хозяйского места ставился невысокий шкафчик, в котором хранились магические предметы, предназначенные для того, чтобы проверять доброкачественность подаваемых блюд: рог единорога (на самом деле нарвала), окованный золотом, и так называемый лангье (langüer) — подставка из драгоценных металлов, с помещенными на ней „змеиными зубами“ (видимо, это были зубы акулы). Считалось, что при соприкосновении с мельчайшими долями отравы рог единорога начнет кровоточить, как и змеиные зубы. Вот почему, прежде чем приступить к еде, хозяин прикасался магическими предметами к подаваемой пище. Перед едой духовное лицо или ребенок читали молитву (Benedicite), после которой все рассаживались. Блюда подавали в закрытых сосудах: как для того, чтобы сохранить пищу горячей, так и для того, чтобы предохранить ее от грязи — в пищу могли попасть насекомые, может, и даже мелкие животные — и от яда (как показателен этот непроходящий страх перед враждебными силами, не исчезавший даже дома!).

Жидкую пищу ели из деревянных или серебряных мисок с двумя ушками, которые ставили поодной надвоих: соседи — обычно мужчина и женщина — ели из одной миски. Мясо подавали каждому на толстом ломте хлеба; мясо можно было или откусывать, или отрезать ножом — вилок для еды в обиходе еще не было (кроме Италии и Визан-

Колесный плуг, борона.
С миниатюры XIII в.
81
Соха с одним зубом.
С миниатюры XI в.

82
Плуг с передком.
С миниатюры X в.

тии), они использовались на кухне или для раскладывания мяса. „Тарелку“ (ломоть, пропитанный соусом) после обеда отдавали нищим или бросали собакам, возвышимся под столом. Ложками пользовались редко. Основным орудием, служившим за обедом, оставались ножи. В богатом хозяйстве они отличались своими ручками: на пасху подавали ножи с ручками из слоновой кости, во время поста — из эбенового дерева.

Ели обычно два раза в день. Сохранилась средневековая поговорка, что ангелы нуждаются в пище раз в день, люди — дважды, азвери — три раза. К тому же ели нерегулярно: праздничные пиры сменялись постами, когда количество и характер пищи строго ограничивался церковью. Частые голодовки были бедствием средневековой Европы, особенно в городах, зависевших от ввоза продовольствия, правда, в период классического средневековья они были не столь часты, но их угроза висела над сознанием людей. Хроники описывают неурожайные годы, столь же бедственные, как и эпидемии. Накануне 1033 года, по рассказу бургундского монаха, историка Рауля Глабера (985—1047), Нормандия была охвачена столь

страшным голодом, что люди питались лесными корнями и травами, растущими по берегам рек, а кое-где голодающие нападали на путешественников, убивали и пожирали их или заманивали детей, чтобы съесть их. Они доходили до того, что вырывали трупы, и даже на рынках стала появляться вареная человечица.

Об угрозе голода постоянно говорят средневековые писатели, и это относится не только к крестьянам и бедноте. В романе о Ренаре-лисе голодный желудок — постоянная тема, и автор с наслаждением описывает окорока, сельдь, сыры, кур, угрей, за которыми идет постоянная и напряженная охота. Не удивительно, что народная фантазия создает миф о стране Кокань, изобилующей всеми сортами пищи, а агиография приписывает святым чудотворцам удивительное искусство побеждать голод.

И надо думать, что голод и угроза голода, переходы от праздничных пиршеств к вынужденным ритуальным постам, дурное и неравномерное питание во многом усугубляли неустойчивость психики людей средневековья, их тягу к чуду и „способность“ к видениям.

Средневековая Европа довольно четко разделялась на две аграрные зоны: средиземноморскую, где сохранялись значительныетрадиции античного земледелия, и сильно отличающуюся от нее зону умеренного климата, или заальпийскую. На юге главной зерновой культурой была пшеница, наряду с которой высевали довольно много ячменя. Кроме того, возделывали бобовые, зырачивали виноград, фрукты, а кое-где и маслины. Хлеб засевали осенью: осеннезимние дожди обеспечивали здесь развитие озимых культур, тогда как летняя жара препятствовала бы интенсивному росту яровых посевов. Плуг сохранялся такой же, каким он был в античности: легкий, бесколесный, прямая рукоятка его скреплялась с подошвой, железный сошник надевался на подошву, отвалов не было. Дышло соединялось с подошвой или с рукоятью. Тянула плуг пара волов. Впрочем, если волов не было, в плуг запрягали ослов и даже коров. Легкий плуг не переворачивал пластов земли, но лишь проводил борозды: при такой системе пахоты приходилось по несколько раз проходить поле вдоль и поперек. Все остальные работы в поле производились вручную: после посева поле мотыжили и, возможно, пропальывали. Жали маленькими серпами, срезая под колос, так что оставалась высокая стерня. Молотили на гумне, прогоняя по снопам волов или ослов, запряженных в катки. Урожай собирали здесь в среднем сам-три или сам-четыре.

Крупнейшим достижением сельского хозяйства в умеренной зоне был переход (с XI века) к трехпольной системе с чередованием яровых, озимых и пара. На севере получила также широкое распространение тяжелая упряжка: колесный плуг с отвалами, в который запрягали подчас четыре пары волов. В XII веке, чтобы заставить волов двигаться быстрее, вместо первой пары стали запрягать лошадей. Иначе, чем на юге, производили здесь уборку урожая: наряду с серпом применялась коса. Молотили на севере цепями. Впрочем, урожайность была здесь не выше, чем в Италии, а отсутствие оливо и относительная неразвитость садов сводили на нет технические преимущества северной системы. К тому же далеко не всегда тяжелая упряжка находила себе применение, и на практике поля вспахивали вручную — заступами и мотыгами. Нехватка железа препятствовала совершенствованию сельскохозяйственной техники: орудия делались преимущественно из дерева, с железными рабочими частями.

Пшеница и ячмень были известны и в умеренной зоне, однако здесь распространились и другие культуры. В большинстве районов Германии преобладала рожь, а в гористых областях лучше всего рос овес. Известно было и просо, которое на юге считали болезнетворным и годным лишь в пищу скоту. Во Франции широко распространяется так называемое *fauga* — смешанные сорта хлеба: это могли быть ячмень и

83
Плуг с отвалом.
Миниатюра. XIV в.

овес или овес и рожь, которые высевались вместе.

Многие исследователи отмечают повышение урожайности зерновых в период классического средневековья. По данным Ж. Дю-би, в IX—XII веках урожайность в Западной Европе в целом примерно удвоилась (с сам-два до сам-четыре); в XIII веке происходит некоторое замедление роста, а к концу столетия даже резкое сокращение, сменившееся, однако, в XIV веке новым подъемом, которому в немалой степени способствовали (наряду с улучшением севооборота и удобрения почвы) городские капиталовложения в земледелие.

Средневековое сельскохозяйственное производство было рассчитано на простое воспроизводство, на удовлетворение самой насущной необходимости. Расширение производства осуществлялось в ту пору преимущественно в экстенсивных формах, путем вырубki лесов и увеличения посевных площадей. И все же технический прогресс, хотя и медленно, но осуществлялся. Об одном из важнейших средневековых изобретений — о новой системе упряжи — мы уже говорили выше. Она позволила увеличить усилия скота, запрягаемого в упряжку, и ускорить пахоту, особенно когда в плуг стали запрягать (с XI века) лошадей. Конские упряжки распространились в Германии и Испании, тогда как Италия упорно держалась воловых. Вопрос о преимуществах волов неоднократно дискутировался в средневековой агрономической литературе. Сторонники традиционной системы указывали на то, что вол терпеливее и сильнее, менее прихотлив в еде и менее подвержен заболеваниям, наконец, старый вол может быть продан мяснику, тогда как от старой лошади удастся продать одну шкуру. Что же касается скорости, то тут преимуществу конской упряжки сводятся на нет коварством зависимых пахарей, которые, оказываясь, не позволяли коням идти быстрее волов, — подневольный труд становился, таким обра-

зом, препятствием для технических усовершенствований.

Одной из серьезных проблем средневековой агрикультуры было удобрение: скот пасся, как правило, в лесу, и навоз не мог быть использован на полях. Стойловое содержание скота вводится лишь с XIV века, но транспортировка навоза из стойл была настолько сложной, что еще и в XV веке в Париже навоз предпочитали выбрасывать в Сену. Именно из-за нехватки удобрений стебли зерновых или солому запахивали в землю, оставляя лишь то, что было необходимо для починки крыш и других хозяйственных нужд. В средние века также были сделаны попытки удобрять землю мергелем.

Важным успехом средневековой агрикультуры было распространение цитрусовых (Италия, Испания), которые не были известны в древности (в Европу их завезли арабы), а также хлопка и сахарного тростника. Но набор огородных культур был очень узок: репа, лук-порей, тыква, чеснок. Он значительно расширяется лишь к XIV веку: прежде всего внедряется капуста, а затем латук, шпинат, свекла. Распространяется на север садоводство: если в раннее средневековье орешник и плодовые деревья оставались дикими, использовались для изгородей и не становились объектом пристального хозяйственного внимания, то в XIII веке сады с плодовыми деревьями известны в Центральной Европе, особенно в Нормандии.

Крестьяне широко пользовались ручными зернотерками, однако водяная мельница — античное изобретение — распространяется уже в раннее средневековье и в XI—XII веках захватывает Центральную и Северную Европу. Английская „Книга Страшного суда“ — опись, составленная в конце XI века, — насчитывала пять тысяч шестьсот двадцать четыре водяные мельницы в Англии. По принципу водяных

мельниц было основано приложение силы воды к „механическим" молотам и пилам, а со второй половины XIII века водяные мельницы начинают использовать для изготовления бумажной массы.

Когда в Европе появились ветряные мельницы, сказать трудно: первый раз они упоминаются в декрете папы Целестина III в середине XII века, а в XIII веке распространились уже по всей Франции.

Скотоводство было унаследовано средневековьем от древних времен, и кролик — как будто единственное животное, одомашненное в средние века. Набор домашних животных и птиц примерно тот же, что и в новое время, но их облик ближе к диким предкам: так, свиней изображают в средние века длинноногими, с вытянутым рылом. Одним из серьезнейших препятствий для развития скотоводства было отсутствие

Тимних кормов: в летнее время животные напась в лесах и на болотах. Лугов почти не было (кроме Нормандии, Фландрии и некоторых областей Англии), и стойловое «одержание скота вводится лишь в XIV веке. В крупных поместьях откармливали на мясо (кроме свиней) не более двух-трех быков. I (схватка кормов заставляла регламентировать количество скота, которое разрешалось держать крестьянину. Приготовление сливочного масла было известно, но оно оставалось роскошью, и люди средневековья, как правило, ограничивались говяжьим жиром и свиным салом. Сыр был распространен гораздо шире. Основной домашней птицей были куры и гуси. Привилегией феодалов оставался откорм голубей. По праздникам в виде исключения ели также уток, лебедей, павлинов.

Это перечисление может показаться внушительным, но при всех размерах подобного списка, оно как бы выходит за рамки ежедневного, будничного потребления. Низкие в целом урожаи зерновых, неразвитость огородничества и садоводства (кроме средиземноморских областей), малое распространение стойлового содержания скота, незначительность применения сливочного и

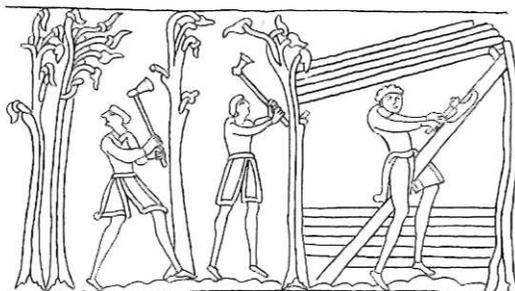
оливкового масла, неумение консервировать и хранить подолгу продукты — все это ставило средневековый мир перед постоянной угрозой голода, которая усугублялась еще и слабостью транспортных средств. К тому же рост населения, по-видимому, обгонял технический прогресс. В Англии с конца XI до начала XIV века население выросло с полутора миллионов до четырех-пяти миллионов человек, во Франции — с шести до двадцати двух миллионов.

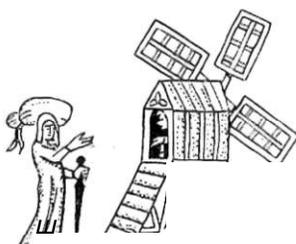
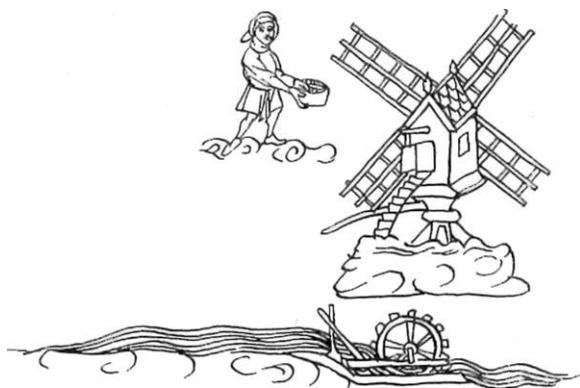
Если тип жилища довольно существенно варьировал в разных областях Западной Европы (не только «английские дома отличались от итальянских, но даже дома в Провансе и районе Парижа строились по-иному, в соответствии с местными традициями и местными природными условиями), то костюм средневековой Европы — насколько можно судить по сохранившимся изображениям, — во всяком случае, костюм ее господствующих сословий, оставивших о себе заметные следы в книжной миниатюре и в скульптурных памятниках, оказывается довольно однотипным. И мы можем еще раз убедиться, что изолированность средневековых княжеств отнюдь не была абсолютной, информация преодолевала расстояния, хотя и медленно, и мода проникала повсюду, где говорили и писали на латинском языке.

Античная одежда (как и античное жилище) была открытой, что в какой-то мере объясняется мягкостью средиземноморского климата, но не в меньшей степени и общими

ЯБ
Первое изображение колесного плуга.
Конец XI в. Бронзовый рельеф дверей базилики со. Зенона в Вероне

86
Молотьба цепами. Миниатюра. Первая половина XIV в.
87
Раскорчевка нови. С гобелена 1120 г.

Ветряная и водяная мельницы.

С миниатюры 1275 г.

59

Ветряные мельницы.

С миниатюры 1270 г.

и миниатюры начала XIV в.

этическими и эстетическими принципами эпохи и прежде всего уважением к красоте человеческого тела. Античная одежда состояла из двух элементов: рубашки и плаща, которые, как правило, обертывались вокруг тела и закреплялись застежкой (изредка сшивались) на плечах. Драпировка складками составляла важнейший прием украшения античного костюма: существовали специальные правила, как драпировать римскую тогу (белоснежный шерстяной плащ размером примерно 6 N 1,8 м), и политические деятели Рима зачастую проводили часы в совершенствовании своего туалета. Правая рука и ноги, обутые в сандалии, оставались открытыми. Мужчины, как правило, не носили головных уборов. Перчатки также не были еще изобретены.

Накладная рубаха и штаны входят в обиход в эпоху Римской империи по всей видимости под варварским влиянием — и эти новые принципы легли в основу средневекового костюма гораздо более закрытого, чем римский. Это отвечало как климатическим условиям (в Центральной и Северной Европе римская одежда была бы холодной и неудобной), так и изменению этического идеала: церковь объявила плоть греховной и требовала, чтобы люди наглухо закрывали свое тело. В принципе костюм средневековья составляли льняная рубашка — камиза или шэнс (chainse), штаны, верхняя рубаха, плащ и мягкая обувь. Женская одежда отличалась от мужской лишь известными модификациями.

Короткие штаны, так называемые брэ (braie), первоначально были простым полотнищем, которое обертывалось вокруг бедер и закреплялось у пояса. Позднее брэ несколько удлинились: их делали до колен и даже до лодыжек со специальными завязками внизу. С течением времени поверх брэ стали надевать другие штаны — шосс (chausses). Это были, проще говоря, плотные чулки, натягивавшиеся отдельно на каждую ногу и прикреплявшиеся специальными застеж-

Constituta inter quos sic in equo reges sum mo effere
 O illicis armat signi sum nāq; professer
 O militis re ferax suam sic stans sequitur
 I nūlgera fira subiecte respice pūm
 O ceterum desolam tibi somper ubiq; paratam
 Nam dno michi te dno q; te fice quam
 Et se meum noslas d; precamio qua cerno
 Rex qua uniuersū sequeris nūq; tua sperno
 I usta precor dignare precor aut ut precarior
 S pōte tibi uero fides celo famulantis
 P rora mea tibi uatē precor ai supbia mēte
 Porrago pro Roma genitricē mea mē fēte
 Nūc eget ipa parens tutela nūc q; spūatū
 S enitate seruo rex omis tu robōram
 Et non dū consil amor qua fūit arte Senato
 Et regat ut ai tpe ut crescat sūo mediato
 I n dūget ipa tu presūm condicione +

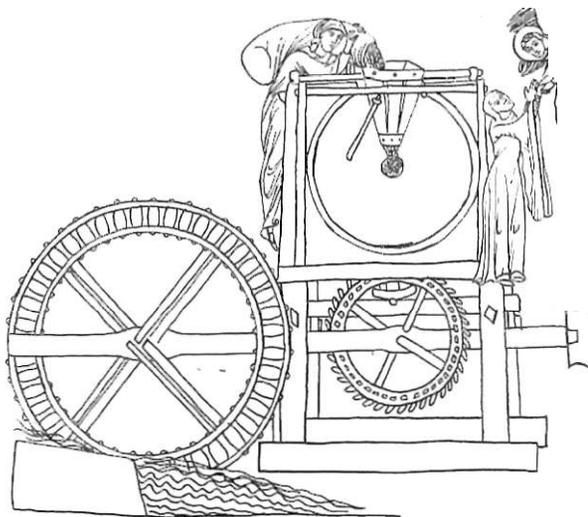

Simpliū uitate qui regia currima cūdit
 Hec ma que cadit in uindicta pro fūente
 P raxūre uelū que postur nō mte pran
 T rabi sine quā uinente rex pie a hō
 S eia lausq; deo tibi rex deat in de paratur
 S e tamq; datur emue spes magna trophēo
 P rō fūatū hō uerboz sūo salere
 I usta salus hōe qua postur ut mala hōi
 Nūc p unire uenit si fēmo uēditur
 I pū uero datur sic pūbia dūm fōe mīat
 P el qūat te mūm conuēgere p m dūant
 Vnde retardantur ne fūant oūm mōa
 P eea complerē fēditō sella uerūm
 P amq; uia iusta redder cōuota quēta
 Nō sūnt fūale que nō in pace potuntur
 S onaq; pūantur fōmō q; uim uenēte
 T empus rēdat rex supstis - pūo e hō
 V e fūas p rōte tuū ut pūre pūle hōe

+ E am in anap; mentio luctuino agone
 S i uirtute tua quam sperat pace fruatur
 C onfido filie q; te fortuna sequetur
 S alteer ipa dei que qm p speri reges
 S ublimat suat letatur condere leges
 S ic ego spero quidem amor hinc conetur in oite
 Nūc dū hōe longo tu pessime morde
 P lene deli qm te fūlo pūta sū pūle hōe
 P rō q; qui dūm tuā pessima nota dēle hōe

ками к поясу брэ. Только с XIV века обе половинки шосс слились в единый предмет туалета—штаны современного типа. Шосс могли плотно облегать тело, подобно трико, но могли быть также относительно просторными. Шосс носили и женщины. Камиза в раннее средневековье не была нижней рубашкой в нашем смысле слова, и вообще средневековье долго не знало такого понятия, как „белье“. Крестьянская одежда состояла обычно из брэ и камизы, а на некоторых миниатюрах мы видим крестьян, работающих в одной камизе (возможно, с набедренной повязкой). Камиза (обыкновенно полотняная) доходила до колен. Ее носили с поясом. Поверх камизы надевали еще одну рубаху — блио (bliaud; от этого слова происходит и наша блуза). Как и камиза, блио имело рукава, которые у мужчин были более широкими и длинными. В Мюнхенском музее хранится блио, приписываемое императору Генриху II (1002—1024), оно украшено вышивкой на вороте, рукавах и подоле. Блио было коротким, нависавшее напуском над поясом, оно едва доходило до колен.

Плащ был простым прямоугольным куском материи, который застегивался фибулой (застежкой) на правом плече или на груди. В X—XI столетиях он был короткий и едва покрывал верхнюю часть тела. Изредка плащи шили вместе с капюшоном. Женщины закутывали голову и плечи накидкой. Зимой поверх блио надевали меховую одежду — обычно грубо выделанные овчинные тулупы. Перчатки и рукавицы родились в связи с нуждами крестьянского быта — при прополке и жатве. Но постепенно они сделались предметами роскоши и обросли символическими значениями: войти в церковь в перчатках считалось непристойным, позвать руку приятелю, не снимая перчатки, — оскорбительным. Вручение перчатки означало омаж — установление вассальной зависимости; напротив, бросая кому-нибудь перчатку, человек выражал свое презрение. Пер-

90

Водяная мельница.
С миниатюры XII в.

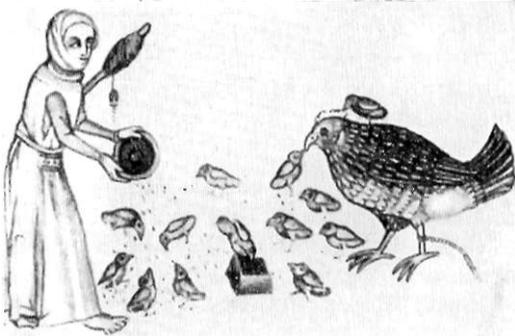
чатки были совершенно необходимы при соколиной охоте, когда птицу держали на руке. Их изготовляли из оленьей, телячьей и овечьей кожи. Средневековые перчатки не имели пуговиц, плотно сидевшие на руке, они обычно расширялись к предплечью, чтобы покрывать рукава.

Обувь также стала более закрытой, чем римские сандалии. Ее шили из мягкой цветной кожи и без твердой подошвы, носок был удлиненным и заостренным. Такая обувь годилась для дома или для верховой езды. По грязным улицам ходили босиком либо в деревянных башмаках.

Значительная часть одежды и обуви изготовлялась в средние века в домашнем хозяйстве. Это относится не только к крестьянским рубахам и плащам, которые кроили из домотканого холста или шерсти, но и к одежде феодала, часть которой поступала в виде ренты зависимых людей. Лишь с развитием городов и торговли знать и вместе с ней горожане стали одеваться в покупные ткани.

91. 92
Домашние животные
(мул, корова с теленком).
Миниатюра середины XIII в.
и миниатюра XIV о.

93
Кормление цыплят.
Миниатюра.
Первая половина XIV в.

94
Стрижка овец.
Миниатюра. XV в.

Средневековые ткани производились из животной шерсти (преимущественно овечьей) и из растительного волокна (главным образом из льна), позднее стали делать шелковые и хлопчатобумажные материи. Овец стригли ножницами, сохранявшими форму римских — без гвоздика посередине. Затем шерсть тщательно сортировали, вымачивали в слабом щелочном растворе, чтобы удалить жир, сушили на солнце и особыми щипчиками убрали приставшие твердые частицы (репейник и т. п.). Наконец, шерсть трепали, чесали металлическими чесалками или деревянными гребнями. Для приготовления шерстяной ленты в средние века использовали также своеобразный лук — длинную деревянную раму, на которую натягивалась тетива: быстрая вибрация тетивы распутывала шерсть и давала тот же эффект, что и чесание.

Дальнейшая обработка шерсти — прядение. Прядение было специфически женским занятием, и веретено — своеобразным символом женщины; недаром в английском языке слово distaff — прялка — означает и женщину. Пряли обычно дома, и занимались этим делом не только крестьянки, но и знатные девицы и дамы. Волокна из пучка наматывались на веретено, которое висело на

конце нити, и, приведенное рукой в быстрое вращение, скручивало образующуюся таким способом пряжу. В средние века широко использовали высокую поддержку для пучка шерсти, которую заправляли за пояс, что давало возможность освободить руку. На веретено надевали пряслице, вес которого соответствовал прочности нити.

С XIII века в Европе появляется прялка, вращающая веретено колесом. При работе на прялке мастерица по-прежнему левой рукой вытягивала волокна, а правой приводила в движение колесо. Хотя прялка давала большой выигрыш времени, отношение к ней долгое время оставалось отрицательным, и даже во Флоренции, передовом центре европейского ткачества, вплоть до XV века пряжа, изготовленная с помощью колеса, шла только на уток, но не на основу ткаки.

Лен после отколачивания головок с семенами подвергался мочке, назначение которой состояло в разъединении лубяных волоконцев и в отделении их от древесных частей. Потом его высушивали и мяли — первоначально деревянными колотушками. В XIV веке (по-видимому, в Голландии) была изобретена специальная мялица — деревянная рама с рукояткой, приподнимая и опуская которую выминали пучок льна, лежащий на раме. После чесания из льна приготовлялась пряжа примерно тем же способом, что и из шерсти, с той только разницей, что для прядения полотна на веретено надевалось более тяжелое (обычно каменное) пряслице.

Тканье распадалось на ряд операций. Сперва производилась размотка веретен, в результате которой образовывались мотки пряжи, или початки. Затем с початков определенное число нитей наматывалось на ткацкий навой, образуя основу ткани (так называемое основание). Наконец, челнок с утком проходил через основание нити, в результате чего и создавались ткани. Римляне знали лишь вертикальный ткацкий станок — такой,

на котором навой с основой представлял собой вертикально поставленную раму. Не позднее XIII века в Европе появился горизонтальный ткацкий станок, где, наоборот, основа размещалась горизонтально. Это позволило применить механизм, действовавший с помощью педалей и поочередно поднимавший и опускавший навой с основой, что ускоряло прокидку челнока и, следовательно, всю работу ткача. Ткацкие станки были элементом обычного домашнего инвентаря, и хозяйка дома приготавливала не только пряжу, но и готовую ткань.

Производство тканей завершалось их отделкой. После удаления инородных частиц шерстяные ткани подвергали валянию стем, чтобы нити сцепились крепче и сукно стало более плотным. Сперва ткань мочили в теплой воде с золой и человеческой мочой, топчась при этом ногами, затем промывали, били палками и высушивали. Для валяния применялись (с XIII века, а может быть, и раньше) специальные механизмы — валяльные мельницы, приводимые в движение водой и состоявшие из двух тяжелых деревянных молотов, поочередно падавших на ткань. В результате валяния волокна сбивались в сплошную войлокообразную массу, а сукно усаживалось — становилось короче и уже. Хорошо сваянная ткань не должна была давать просветов между нитями утка и основы. Затем сукно ворсовали, придавая ему пушистость и приятную мягкость. Для этого поверхность ткани надирали острыми крючками, используя для ворсования так называемые ворсильные шишки — соцветия растения ворсянки с крепкими чешуйками. Их набивали на рамку с рукояткой. Ворсянку специально разводили в некоторых областях Европы. Так как ворс получался недостаточно ровным, сукно подвергали стрижке; стригальная работа осуществлялась в средние века большими ножницами. Наконец, ткань подвергали окраске.

Часть одежды шили дома, но уже в XI—XII веках существовали цехи портных, из-

готовлявших костюмы по заказу или на рынок. Принципы конструкции костюма — мужского и женского, знатных лиц и простонародья, мирян и духовенства — в раннее средневековье были одинаковы, и их отличали скорее качество материала и применение украшений, нежели формы кроя. Конечно, во время работы крестьянин, босой, в коротких брэ и камизе, отличался от священника или вооруженного рыцаря, но в домашнем быту рыцари, одетые в домотканые одежды, вряд ли выделялись среди своих зависимых людей. Нужно было время, чтобы половые и социальные градации отразились и были закреплены в одежде. В конце VII века римский папа еще осуждал только что рождавшийся обычай духовенства носить особые одеяния, а несколько раньше другой папа жаловался на те трудности, которые порождало отсутствие разницы между мужским и женским костюмом.

Разграничение началось прежде всего с цвета. Простому народу было запрещено носить яркие цвета, он должен был довольствоваться серым, черным, коричневым, тогда как знатные люди одевались в зеленое, синее, красное. Сказывались качество тканей и особенно орнаментировка и наличие украшений в одежде знатных лиц. Постепенно обособляется так называемая литургическая одежда: духовенство стало носить костюм, отличный от платья мирян и сложившийся, по-видимому, под византийским влиянием. Перемены стали заметными в середине XII столетия. Нормандский хронист Ордерик Виталий возмущался новшествами в туалетах феодалов: короткие одежды, удобные для движения, стали заменяться длинным костюмом. Удлинились носки туфель, длиннее стали рубашки и плащи, которые подчас даже волочились в пыли, расширились и удлинились рукава. Даже волосы и те стали отпускать. Разумеется, изменение не было столь внезапным, как это кажется Ордерiku Виталию, — оно объясняется в конечном счете осознанием

классом феодалов своего особого места в общественной системе.

Длинная одежда, подчеркивавшая праздность господствующего класса и сразу же противопоставлявшая его трудящимся — лишь одно из проявлений „революции костюма“. Другое — внедрение новых сортов ткани: шелка и хлопчатой бумаги. До XII века шелк лишь изредка привозили с Востока, и он ценился в Европе чрезвычайно дорого. В середине XII века налаживается производство шелковых тканей в Палермо, затем в Лукке. В XIII веке оно распространяется во Франции, а еще позднее — в Германии. Хлопок шел на производство как рядовых тканей (подчас вместе со льном), так и дорогих сортов (моллекин). Производство хлопчатобумажных тканей во Франции было налажено в XII столетии. Наряду с этим из давно знакомых сортов волокна — из льна и шерсти — научились готовить высокосортные материи (льняной Дамаск и др.). С XII столетия домотканые одежды сохраняются лишь в крестьянском обиходе — феодалы и городская верхушка предпочитают ткани, изготовленные профессиональными ремесленниками.

Третьей чертой новой моды было усиление в ней орнаментальных мотивов: блио не только украшалось вышивкой, но его кроили таким образом, чтобы ворот был открытым и позволял видеть орнамент на нижней рубаше — шэнс, орнаментированный подол шэнс выглядывал из-под более короткого блио. Особое внимание стали уделять поясу: раньше блио носили с напуском и оно прикрывало пояс, а теперь (отчасти в связи с применением шелковых тканей) блио стало обтягивать фигуру (у женщин плотно облегал грудь), тем самым открылся пояс и стал важным декоративным элементом; он проходил вокруг талии и завязывался узлом спереди, так что оба его конца ниспадали к ногам. В Венской сокровищнице хранится блио, сотканное, как сказано в арабо-латинской надписи на нем, в 1181 году в

95
Страна Кокань.
Картина Питера Брейгеля
Старшего. 1567 г.

Палермо. Оно шито из сине-фиолетового шелка. Широкие рукава собраны книзу в узкие обшлага. Тесный ворот имеет разрез для просовывания головы. Вместе с ним сохранилось полотняное шэнс, окаймленное фиолетовым шелком.

„Аристократизм" моды XII века особенно резко обозначился в женском туалете: шэнс и блио ниспадали до пят, оставляя открытыми лишь острые концы мягких туфель из цветной кожи. Блио обтягивало торс, а начиная от бедер, книзу, было шито из другого куска материи и составляло, по сути дела, зародыш юбки. Рукава, узкие сверху, начиная от локтя стремительно расширялись, ниспадая чуть ли не до земли. Ворот и обшлага были украшены вышив-

кой. „Юбка" и широкие части рукавов — плиссированы. Блио перепоясывалось поясом из шелка, полотна, шерсти или кожи. Одежда и подчеркивала фигуру и вместе с тем свободно развевалась.

„Аристократическая" мода сменяется на рубеже XII—XIII веков новым типом костюма. Шелковая парча сохранялась лишь для самых торжественных случаев в быту высшей знати (бархат внедряется в придворный обиход лишь с XIV века); зажиточный горожанин, как и рыцарь, облачается теперь в сукно, подчас отороченное мехом. Костюм XIII столетия отличается, по словам Дж. Ивэнс, „скульптурной простотой тяжелых одеяний из шерстяного сукна". Это костюм „городской" и по материалу и по функциям: сукно — продукт ткацкого производства самых развитых городских центров XIII—XIV веков (Фландрия, Северная Италия); суконная одежда практичнее „аристократи-

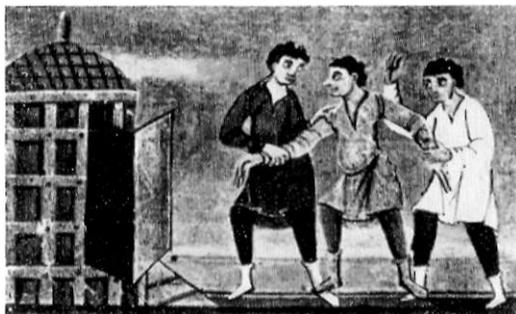

96
Короткие туники, облегающие ногу и заправленные в мягкую обувь шосс, короткие плащи с застежкой на плече.
Миниатюра. Середина XI в.

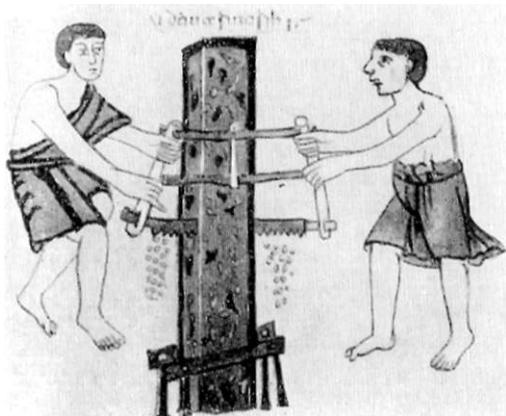
97
Камиза.
Миниатюра.

Первая половина XI в.

93
Пильщики мрамора, работающие в набедренных повязках.
Миниатюра. 1023 г.

чекских" одеяний XII века, она рассчитана не на пребывание в доме, но на уличную деятельность, на дальние путешествия. Свободный полет краев одежды, столь типичный для предыдущего периода, теперь исчезает, напротив, возникает обычай зашивать в полы рубах монеты, чтобы придать линиям напряженность и неподвижность; рубахи укорачиваются, рукава сужаются. Важным нововведением XIII века явилась котта (cotte), блио оставалось лишь домашней одеждой; уезжая из дому, человек надевал шерстяную котту, плотно сидевшую на груди, с узкими рукавами. Поверх котты носили сюрко (surcoft) — безрукавку из дорогой материи, с разрезами по бокам (а иногда спереди и сзади) для удобства движений. Встречаются изображения сюрко, сшитого вместе с капюшоном. Мужские котта и сюрко были короткими — до середины икр, под ними носили брэ (в эту пору нередко кожаные) и шосс, обтягивающие ногу. К брэ прикреплялись необходимые предметы: ключ, кошель; в начале XIV века брэ стали носить на тоненьком пояске. Строгость силуэта в какой-то мере компенсировалась многоцветностью одеяний: котта были синие, красные, зеленые, шосс — зеленые, белые, синие, розовые. С начала XIV века в моду входит платье с вертикальной цветовой гранью; соответственно и шосс

были двухцветными: левая половина одного цвета, правая — другого.

Женщины в XIII веке отказались от плисировки, орнаментальных поясов, обилия вышивок, но зато ввели в употребление кружева. В конце XIII века в Нарбонне даже пришлось бороться с обилием кружев: были запрещены кружевные одежды, через которые просвечивала нижняя рубаха — шэнс. Женские котта и сюрко были длинными, до пят; так называемое открытое сюрко, которое состоятельные дамы надевали к обеду и уже не снимали весь вечер, украшалось длинным шлейфом, волочившимся по земле, и большими вырезами под рукавами, подчас с меховой опушкой. Специальной женской формой котта была так называемая соркени (sorquenie), плотно облегающая грудь.

В этот период носили два типа плащей: открытый спереди или сбоку, завязываемый шнурком, и так называемый гарнаш (garnache) типа пончо.

Только с XII века входят в употребление пуговицы — из кожи, кости, металла. До этого времени отдельные элементы средневекового туалета скреплялись завязками и застежками, имевшими помимо функционального еще и декоративное назначение. Пуговицы нашли широкое применение в закрытом костюме XIII столетия: узкий ворот сюрко застегивался на несколько пуговиц или скреплялся застежкой-аграфом.

Древние римляне стриглись коротко и брили лицо. Средневековая прическа постоянно колеблется между римской модой и старым германским обычаем, согласно которому длинные волосы — признак знатности. До середины XII века мужчины брили подбородок и щеки, иногда оставляя усы, волосы стригли коротко. С середины XII века начинают носить длинные волосы и отпускать бороду, что в какой-то мере отвечает длинным одеждам XII столетия. Но эта прическа не продержалась долго: развитие массивного горшководного шлема

9?

Прямоугольный плащ с застежкой на правом плече — элемент официального облачения короля (о центре); кольчуга и такой же плащ на герцоге.
С gobелена 1120 г.

100

Св. Савва и св. Киприан в одежде нобилей; плащи прямоугольной формы, связанные углами на левом плече; их свито — о притленных коротких кольчугах.
С настенной росписи XI в.

101

Перчатки и рукавицы для полевых работ
Миниатюра. 1338 г.

заставило рыцарей отказаться от ношения бороды. В соответствии с укорочением и упрощением одежды и волосы стали носить короче — сзади завивая, а спереди выстригая челку.

Женщины отпускали длинные волосы, разделенные прямым пробором на две части и заплетенные в две косы. С XIII века длинные косы — редкость: девушки носят волосы, волной ниспадающие на плечи, замужние дамы, напротив, убирают волосы, скрывая их под платком или шляпой.

ДоXII века мужчины и женщины перевязывали волосы головной повязкой. С XIII века входят в употребление разные виды головных уборов: чепец, который иной раз надевали под шапку, шляпка с полями, мягкий берет, полусферический калотт. Капюшон, который до конца XII века был составной частью крестьянского плаща, в XIII столетии стал особой формой головного убора и сделался очень модным — ведь он удачно соответствовал общему типу „подвижного“ костюма этой эпохи. Широко внедряется ношение драгоценных камней: знатные дамы украшали ими и прически и пояса. Украшением служили и кошельки из вышитого шелка, которые носили у пояса.

На изображениях, видимо больше, чем в жизни, костюм XIII века кажется строгим и унифицированным. Писатели той поры прекрасно знали, что мужчины и женщины полны забот о своих нарядах и внешности. В „Романе о Розе“ Амур наставляет куртуазных любовников заботиться о своей внешности: иметь белые руки и чистые ногти, носить узкие рукава, изящно причесывать волосы и не жалеть денег на покупку шелкового кошелька, вышитого пояса, шляпы, — не говоря уже об искусстве ездить вер-

102
Котта, узкие шоссы, обувь.
Рельеф. 1096.
Аббатство Ключи

103
Крестьянин, работающий
в одной катив.
Скульптура (аллегорическое
изображение июля).
1196. Баптистерий. Парма

104, 10S
 Камиза, перехваченная по-
 ясом, на косаре и крестья-
 нине, несущем траву.
 Горельеф. XII в.
 Нотр-Дам. Париж

хом, танцевать, петь. Парижские щеголи пудрили лицо и выщипывали брови, душились и держали руки в молоке для пущей белизны. Дамы носили накладные волосы из шелка и красились, открывали декольте. Недостатки рук скрывали перчатки, а большую грудь затягивали лентой, которую завязывали или сшивали на спине.

Но унификация была кажущейся и по другой причине. Человек средневековья придавал одежде, пожалуй, даже большее значение, чем его потомки. Вопрос о том, как одеваться, переплетался в его представлении с проблемами морали и социального статуса. Каждый должен был носить платье, соответствующее его положению и ни в коем случае не оскорбляющее обществен-

106
 Камиза, шосс и накидка
 с капюшоном на пастухах.
 Горельеф. XII в.
 Собор в Шартре

ную нравственность. Тема одежды — одна из постоянных тем средневековых моралистов и проповедников.

Жуанвиль, французский историк XIII века и сенешаль Людовика IX, передает один очень выразительный в этом отношении эпизод, наблюдателем и участником которого он был сам. Однажды на пятидесятницу король, выйдя из-за стола, беседовал с графом Бретани, а Жуанвиль прогуливался неподалеку. Подошел мэтр Роберт, один из советников короля, взял его за плащ и подвел к государю. Собралось много рыцарей, снедаемых любопытством. Роберт спросил Жуанвиля: „Если бы король сидел здесь, а вы захотели бы усестя на его скамье на более высоком месте, разве не нанесли бы

107
Блио, приписываемое императору Генриху II
(ум. 1024)

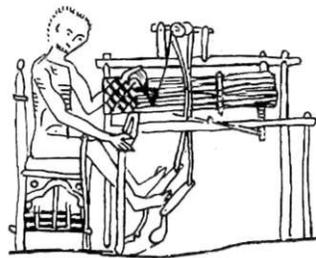
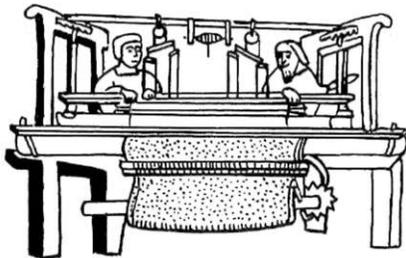
108
Кожаный ботинок
с заостренным носком.
Первая половина XIV в.

вы ему оскорбления?" — „Без сомнения", — отвечал сенешаль. „Итак, — продолжал мэтр Роберт, — вы его оскорбляете, ибо вы одеты вельможнее короля: ваш костюм украшен отличным мехом, ваши сукна ярких цветов, а у короля этого нет". — „Мэтр Роберт, — возразил сенешаль, — простите, но я не нанес королю оскорбления, ибо я одет, как одевались мой отец и моя мать. Но кто оскорбляет государя, так это вы, ибо вы — сын виллана и вилланки, и вы оставили одежду ваших родителей и нарядились в платье из камлина — богаче королевского".

Все характерно в этом рассказе: и отражение в одежде социального статуса, и традиционность костюма (тот же, что носили родители), и свойственное Людовику IX приписывание платью нравственных ценностей. Платье не только грело и украшало человека средневековья, но и показывало его место на социальной лестнице. Отсюда стремление выразить себя через костюм, показать себя, — не считаясь с затратами. Богатые горожане старались не отстать в своей роскоши от сеньоров, а феодальная власть с конца XIII века почувствовала опасность этого соперничества и пыталась оградить привилегии своего класса. Так французский король Филипп Красивый (1285—1314) ордонансом 1294 года запретил горожанам носить горностай, белку и некоторые иные сорта меха или украшать платье золотом и драгоценными камнями (он запретил также горожанам пользоваться восковыми свечами и даже установил максимальное количество блюд, которое они могли подавать у себя дома).

Костюм — один из важнейших символов социального статуса на протяжении всего средневековья. Он определял принадлежность человека не только к классу или сословию, но и к социальной группе. Свои особенности в одежде имели университетские и цеховые корпорации, городской патрициат, представители свободных профессий (вра-

чи, например, носили замшевые перчатки и береты).

Лишение права облачаться в костюм, соответствующий статусу, даже в позднее средневековье рассматривалось как тяжелое наказание. В 1462 году городской совет Аугсбурга запретил патрицию и купцу Ульриху Дендриху, расстратившему городские деньги, надевать соболя, куницу, бархат, драгоценные камни, золотые и серебряные украшения — наиболее выразительные символы городского высшего слоя. В первой половине XIV столетия городские советы северогерманских городов строго следили за тем, чтобы костюм и украшения бюргерш соответствовали величине имущества их супругов, официально зафиксированной списками налогового обложения. Вместе с тем женам ремесленников так называемых благородных профессий (к ним в разных городах причислялись различные ремесла, нередко льюткачи, кожевники, цирюльники и др.) запрещалось надевать коралловые бусы и „иные украшения, которые носят обычно почтенные женщины“. Подмастерьям цеха портных четырнадцати рейнских городов запрещено было носить серебряные цепи на шею и какие-либо украшения на платье. Ограничениями и запретами подобного рода изобилует городское законодательство XIII—XIV веков.

Своей одеждой, как мы увидим далее, отличались монашеские ордена: нищенствующие монахи облачались в грубошерстные ткани серого цвета, цистерцианцы щеголяли в белых рясах, бенедиктинцы — в чер-

109

Навивание основы.

С миниатюры 1210 г.

110

Ткацкий станок для двух рабочих.

С миниатюры начала XIV в.

111

Ткацкий станок.

С миниатюры XIII в.

112

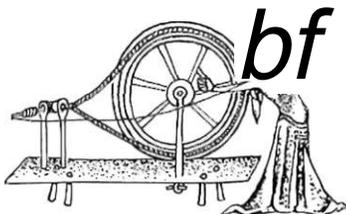
Ручная прялка.

С миниатюры 1028 г.

113

Прядильное колесо, прочесывание шерсти.

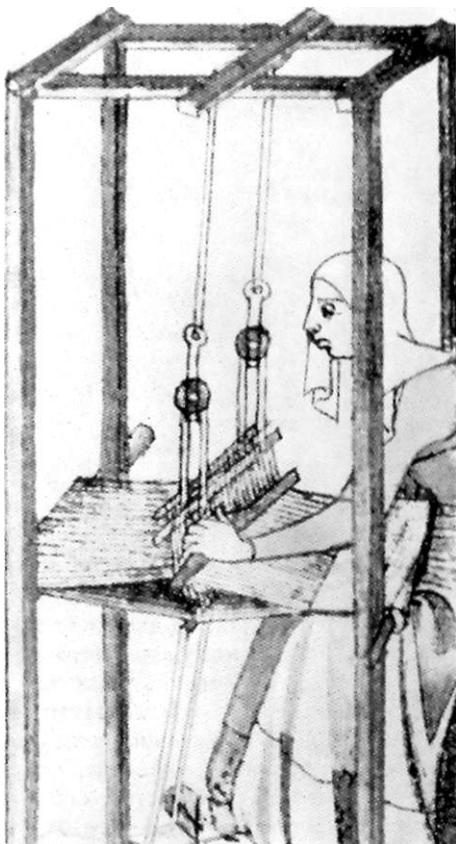
С миниатюры 1338 г.

ных. Аксессуаром исключительно рыцарства были шпоры.

Еще отчетливее, чем костюм, определяли социальный статус лиц гербы, которые входят в употребление в это же время. Они возникли, по-видимому, из чисто военной потребности — облегчить узнавание своих в ходе битвы, но приобрели затем гораздо более широкое назначение, став важнейшим детерминативом человека, определителем его места в обществе, его отличительным знаком.

Приглядимся к средневековому быту, каким он встает перед нами: глухой, плотно закрытый дом, куда с трудом проникает солнечный свет; одежда (во всяком случае, в XII веке), предназначенная для пребывания в доме; жизнь, обособленная в пространстве, замкнутая в узком кругу, — человек всем строем своего существования был обращен не во вне, не к общественному бытию (как гражданин античного муниципия), но внутрь, к своему домашнему очагу. Естественно, что в этих условиях семейные связи приобретали особенное значение. Если римлянин был (в идеале) прежде всего гражданином, а потом уже семьянином, то

человек средневековья исходил из интересов и потребностей своего дома и своей домашней общины. Поэтому римский брак был непрочным, неформально заключаемым и легко расторгимым, тогда как христианство объявило институт брака священным, а на развод смотрело как на исключительное явление. Дом, а не форум, был средоточием средневековой жизни, а семья являлась ее основной общественной ячейкой.

Брак стал церковным таинством, и церковь освящала все его этапы: заключение контракта, помолвку, самую брачную церемонию. Священник присутствовал при контракте и торжественной формулой закреплял помолвку, при бракосочетании он встречал жениха и невесту у церковного портала и провожал их внутрь, к алтарю, где опять-таки его торжественные формулы и действия завершали церемонию и открывали перед молодыми новую страницу жизни. Церковь установила те дни, когда можно было и когда нельзя было заключать браки, регламентировала всю жизнь индивида и семьи, вплоть до интимной, и взяла на себя обязанность наблюдать за нравственностью семейной жизни.

А вместе с тем бракосочетание было и мирской церемонией. Подобно социальной символике костюма, брачная церемония и, в частности, свадебный пир показывали общественное положение жениха, невесты и их родни. Законодательство многих немецких городов строго регламентировало пышность и продолжительность свадебных торжеств и, если можно так выразиться, социальный состав их участников. В Висмаре, например, устройство большого, на весь день пира с танцами разрешалось только в том случае, если приданое невесты составляло не менее ста любекских марок, в других случаях должны были довольствоваться праздничным ужином. В Аугсбурге и Мюн-

115—117

Отделка сукна: вальщик,
уминающий ткань в чане;
растяжка полотнища перед

стрижкой; стрижка.
Витраж. XV в. Собор в
Семюр-ан-Оксуаз. Франция

хене на рубеже XIII—XIV столетий в свадебных пиршествах состоятельных бюргеров запрещалось принимать участие „находящимся в услужении” — кнехтам, служанкам, подмастерьям и т. п.

Церковь объявляла брак таинством и трактовала семью как вечную и нерушимую ячейку. Но вместе с тем она ставила целомудрие выше семейной жизни. Целибат (безбрачие) был обязательным на Западе для монахов и высшего духовенства, а посте-

пенно, к XI веку, принцип celibата был распространен и на священников — им было запрещено иметь семью (в отличие от византийских клириков, которые имели право вступать в брак).

Церковь видела смысл и суть брака прежде всего в продолжении рода человеческого. Половая страсть казалась крупнейшему богослову XIII века Фоме Аквинскому греховной прежде всего потому, что она уведила человека от истинной любви — любви к богу, брак, следовательно, имел оправдание только ради создания нового поколения. В соответствии с этим применение любых противозачаточных средств осуждалось как волшебство и подчас приравнивалось к смертному греху человекоубийства.

Отвергая страсть, церковь, естественно, не признавала развода. Однако на практике разводы постоянно имели место. Для осуществления развода надо было показать, что брак был заключен в свое время в наруше-

ire

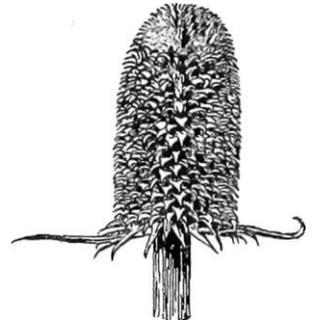
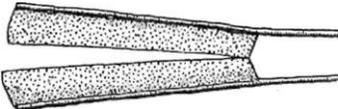
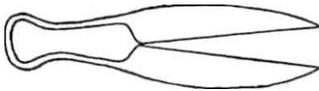
Римские ножницы для стрижки овец, идентичные по форме средневековым. III в.

119

Ворсовые ножницы, идентичные по форме римским

120

Ворсовая шиска

121
Коттс, ппай, брэ.
Миниатора. XIII с.
122
Шанс, блио, плаци.
Миниатора. 1130 г.

ние канонического права — например, можно было обнаружить, что муж и жена состояли в родстве и потому не могли быть мужем и женой. Ансельм Кентерберийский писал, что в Ирландии разводы постоянны, и мужчины „свободно и публично“ меняются своими женами, как в других местах меняются конями.

Малая семья, освященная законом и церковью, мыслилась как основная ячейка средневекового общества. Однако средневековая малая семья отнюдь не была единообразной, унифицированной социальной группой. Только в средневековой Франции прослеживаются по меньшей мере три типа малых семей. На юге, где римские традиции оставались сравнительно устойчивыми, преобладала семья, где отец был непрерываемым главой, по собственной воле распоряжавшимся семейной собственностью, которую он мог поделить между наследниками или передать любимому ребенку. В Парижском районесемейное имуществомыслилось нераздельным и передавалось (по воле отца и матери) одному из детей (обычно сыну), тогда как дочь старались выдать замуж со сравнительно небольшим приданым; она входила в другую семью и уже не могла рассчитывать на какую-либо долю собственности родителей после их смерти. Именно здесь, в Центральной Франции, имущественное единство семьи проступало всего отчетливее. Напротив, в Нормандии семья как бы отступала на задний план перед родом: отец не имел власти над имуществом, и после его смерти оно разделялось равными частями между всеми его наследниками-мужчинами.

Отношение к семейному имуществу как к стабильному и нерушимому констатируется и за пределами Франции — в Польше, Швейцарии, немецких землях. Оно отчетливо подчеркивается, в частности, немецким обычаем оставлять неразделенной домашнюю мебель, причем эта неразделенность мыслилась как „преодоленный раздел“: треть ве-

щей передавалась живущим в доме детям, вторая треть — вдове, а последняя треть трактовалась как принадлежащая душе покойного и, соответственно, тоже должна была оставаться в доме.

Являясь основной ячейкой общества, малая семья вместе с тем как бы растворялась в других социальных группах. Во-первых, средневековые недостаточно четко отделяло собственно семью (отца, мать и детей) от домашней общины, то есть хозяйственного коллектива, живущего на одном наделе и ведущего совместное хозяйство. Слуги, которые в средневековых текстах носят подчас характерное наименование *famuli* (слово родственное с *familia*), входили в состав домашней общины, челядь в каком-то смысле принадлежала семье. Применительно к городам то же может быть сказано относительно подмастерьев, которые, как правило, жили и питались в доме своего хозяина-мастера и становились женихами его дочерей. Постоянный совместный труд и совместные трапезы, наличие общих интересов (при всех противоречиях классового сознания) и общих врагов вне домохозяйства — все это содействовало формированию в домашней общине квазифамилиальных связей.

Во-вторых, малая семья растворялась в так называемых линияжах, больших родственных коллективах. Такие линияжи лучше всего засвидетельствованы в аристократической среде, и по всей вероятности именно там они были наиболее прочными. Линьяж состоял из кровных родственников, возводящих свое родство к общему предку и нераздельно владеющих земельной собственностью, и кровных друзей — своего рода побратимов, лиц, включавшихся в родствен-

123
Шанс из Палермо.
1181 г.

124
Блино из шерстяной ткани.
Скульптура. Середина XII о.
Главный портал собора
о Шартре.
Справа реконструкция
костюма

ную группу. Члены линьяжа были связаны родственной солидарностью, наглядно проявлявшейся в сражениях и особенно во время фяйд, когда враждующие линьяжи последовательно и непреклонно творили кровную месть. Однако с конца XII века большие семейные группы в среде знати начинают терять активность и все более уступают место малой семье. Характерная для линьяжа форма связи — узы между племянником и дядей (обычно с материнской стороны), которые еще у древних германцев считались подчас более прочными, нежели родство отца с сыном.

Неверно было бы рисовать идиллическую картину отношений внутри семейной общины и столь же неверно было бы думать, что внутри линьяжа царил мир. На самом деле соперничество между братьями и кузенами, между сыновьями и отцами подчас выливалось в убийство. Как красочно замечает французский историк Ж. Ле Гофф, „феодальный линьяж воспитывал своих кайнов". Вместе с тем в пределах линьяжа вырастали и неполноправные лица. Это были прежде всего побочные сыновья, признанные, но не имевшие права притязать на долю, равную с законными наследниками.

125

Шэнс, блио, плащ и оуаль.

Скульптура

(царица Саеская).

1152 г. Портал собора

Нотр-Дам-де-Корби.

Справа: плотно облегающий торс женский костюм; широкие ст. локтя рукава блио, плиссированная „юбка".

Скульптура. XII о. Королевский портал собора в Шартре

126. 127

Костюм знатной дом»).

Середина XII в.

Реконструкция на основе статуи главного портала собора о Шартре

Стремление к образованию больших семей, типа феодальных линияжей, было характерно и для верхушки городского населения — патрициата. Оно хорошо прослеживается в Генуе XII—XIII веков. Большие семьи, включающие несколько поколений, занимали здесь целые кварталы, возводя укрепленные башни и собственные церкви. Нередко они объединялись в союзы, которые с XIII века связывали не только общность происхождения, но экономические и политические интересы. Отношения внутри патрицианских линияжей строились по иерархическому принципу, браки заключались только с разрешения родственников, и имущественные права новой семьи были ограничены старшими в роде. Среди городских ремесленников и мелких торговцев, напротив, преобладали небольшие семьи. Новые семейные пары были экономически слабо связаны с родителями.

В брак вступали рано. Согласно церковным правилам, жених должен был достичь четырнадцати лет, невеста — двенадцати. Помолвка совершалась в городах в более

128
Украшения женского костюма, прическа.
Середина XII в.
Статуя портала собора Сен-Луп-де-Нод, Франция.
Справа: реконструкция костюма на этой основе

129
Мужское блио; широкие рукава украшены вышивкой; плащ скреплен застежкой.
Скульптура, 1100 г.
Аббатство Муассак

130
Блио с вышивкой; плащ, отороченный каймой и застегнутый на пуговицу; пояс с прикрепленным к нему кошельком; мягкая обувь.
С миниатюры XII в.

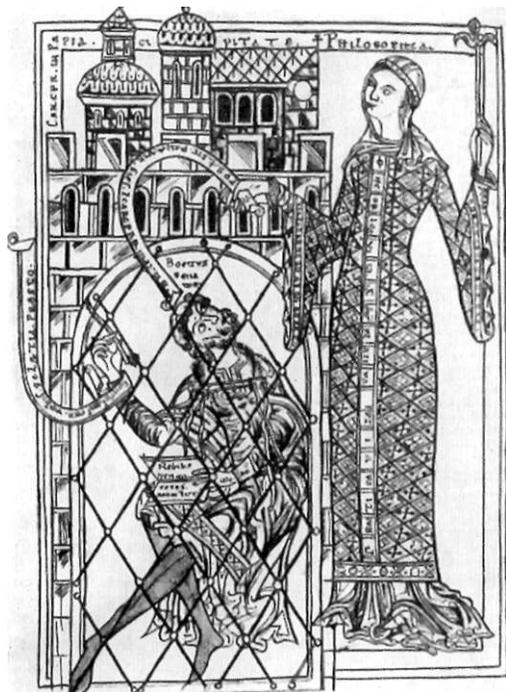

131
Ниспадающее блио и мантия
с вышивкой.
Скульптура (богоматерь с
младенцем).
XII в. Музей искусств.
Барселона

раннем возрасте, и таким образом выбор супругов оказывался скорее делом родителей, чем сторон, и диктовался экономическими или престижными соображениями. Женщина в семье занимала неравноправное положение. Это особенно наглядно проступает в каноническом праве. Доминиканский монах Николай Байард писал в конце XIII века: „Муж имеет право наказывать свою жену и бить ее для ее исправления, ибо она принадлежит к его домашнему имуществу”. Байард сравнивает отношения между мужем и женой с отношениями школьного учителя и ученика. Любопытно при этом, что доминиканец ссылался на „Декрет” Грациана, в котором, однако, побои жены запрещались (кроме редких исключений), — этот момент был внесен самим Байардом. Обычное право в этом вопросе немногим расходилось с каноническим. Французский юрист Бомануар в XIII веке прямо объявлял, что муж может бить жену — только умеренно.

Женщина была ограничена и в своих экономических и социальных правах. Женщины не могли быть священниками. Они могли наследовать титулы, но никогда английские баронессы и аббатисы не заседали в парламенте. При наличии сыновей дочь, выданная замуж, не получала ничего, кроме своего приданого, а ее незамужние сестры, живущие в отцовском доме, — лишь ничтожные средства для совершения погребального обряда или внесения взноса для вступления в монастырь. Жены и единственные дочери, правда, к XII веку, приобрели право наследовать имущество своих родителей и мужей — до этого времени германское право не признавало в женщине наследницу земельных владений. Но и тогда и позднее женщины были ограничены в возможности составлять завещания: английский парламент в середине XIV века приравнял их в этом пункте к личностнозависимым крестьянам. Женщин рассматривали в это время обычно как пассивное орудие передачи фе-

132
Женский костюм из парчи.
Миниатюра (аллегорическое
изображение Философии).
XIII е.

133
Суконный, отороченный мехом
костюм преуспевающего купца.
Миниатюра. XVI е.

134
Котта и сюрко с широкими
прорезями для рук,
мантия, оуаль.
Скульптура. XIII о.
Нотр-Дам. Париж

135
Женские котта, сюрко,
плащи, накиди,
головные уборы.
Скульптура
(сцена Страшного суда).
1300 г. Собор в Бурже

136
Сюрко с капюшоном,
деревянные башмаки.
Горельеф. Середина XIII в.
Собор и Амьене

137
Котта и сюрко без рукавов,
с широкими проймами.
Скульптура. 1275 г.
Собор в Амьене

138
Котта и сюрко
с пуговицами.
Статуя (Жанна Бупонская).
1360 г. Дворец юстиции.
Пуатье

ода: если герой раннесредневековой литературы борется за женщину и совершает подвиги в этой борьбе, то его целью является не сама женщина, а те богатства и земли, которые он может получить через нее.

Выдача замуж девушек-сирот (при отсутствии близких мужских родственников) была правом и обязанностью феодального сеньора, и в таких случаях женская судьба особенно легко могла стать жертвой политических и фискальных устремлений. Феодальное право не предполагало отказа со стороны сироты-наследницы (как не предполагало оно отказа со стороны выдаваемой замуж дочери), и хотя священник при бракосочетании спрашивал о согласии невесты, мало кто находил в себе силы преодолеть сопротивление традиции и общественного мнения.

Английский король Иоанн Безземельный (1199—1216) отдал некую Грейс, наследницу Томаса Сейлби, в невесты Адаму Невиллю, брату главного лесничего. Едва она достигла четырех лет, как Адам решил жениться на ней. Епископ воспретил этот брак, но во время отсутствия епископа священник повенчал молодых. Когда Грейс овдовела, король выдал ее за своего придворного Нормана (который заплатил королю 200 марок), а после его смерти продал несчастную девочку третьему и худшему из ее мужей — Бриану де Лиль. На этот раз король получил 300 марок.

Чрезвычайно суровым было право по отношению к женщинам, совершившим преступление. Женщина, убившая мужа, в Англии XIV века сжигалась на костре, во Франции и Германии ее надлежало живьем закопать в землю. Неполноправие женщины объяснялось всей социально-экономической и политической ситуацией тогдашней Европы. Средневековое общество жило в условиях постоянной военной угрозы, и воинские доблести рассматривались как высшее достоинство. К тому же страх перед голодом и опасность дробления имущества (прежде всего земли) заставляли видеть в женской способности к деторождению скорее проклятие, нежели благословение. Христианство закрепляло подобный взгляд на вещи, прямо объявляя мужа главой семьи и возлагая на женщину ответственность за первородный грех. Разумеется, на практике дело могло обстоять совершенно по-иному. В крестьянских семьях женщина делила все труды мужа, и на ее плечах лежала немалая часть сельскохозяйственных работ и работ по дому: мять лен, тереть пеньку, пряхь

139 Мужская и женская котта, обувь. Резьба по кости. Начало XIV в. Лувр

140 Модницы. Миниатюра. Начало XIV в.

и ткань, стирать, ухаживать за огородом и домашним скотом. Все это делало ее подчас подлинной хозяйкой дома, несмотря на все грубости и побои, которые ей приходилось выносить.

В среде господствующего класса различие было более заметным: мужчина был воином и его труд был пространственной во времени отделен от женских забот и работ, связанных по преимуществу с домом. Однако и на этом общественном уровне в положении женщины существовали различия, диктовавшиеся конкретными экономическими и социальными условиями. Конечно, женщина, вышедшая из богатой и знатной семьи и рассчитывавшая на поддержку влиятельной родни, сохраняла и в браке независимое положение. При отъезде мужа знатная дама могла взять в руки все управление его владениями; когда феодальные сеньоры Европы двинулись в крестовые походы, их замки и феоды оказались в руках их жен. Подчас мы слышим даже об отважных дамах, командовавших военными отрядами: у Жанны д'Арк было немало предшественниц в XII—XIII веках.

141 Ливреи с вертикальной цветовой полосой. Миниатюра. (Похороны Жанны Бургундской). 1330

Двенадцатое столетие принесло совершенно особое явление средневековой жизни — культ дамы и куртуазную любовь. Разумеется, это явление получило распространение лишь в среде класса феодалов и характерные черты его нашли наиболее яркое отражение во французской и немецкой рыцарской поэзии. Лирическая рыцарская поэзия, прославляющая придворную даму и любовь рыцаря к замужней женщине, возникает во Франции около 1100 года и дольше всего существует на политически раздробленном юге — в Аквитании и окрестностях Тулузы. Трубадурами были как сами правители, так и небогатые представители знати. Расцвет немецкой рыцарской поэзии — миннезанга — приходится на 70-е годы XII столетия. Центрами ее были сначала двор Бабенбергов в Вене и двор тюрингенских ландграфов в Вартбурге, затем двор Гогенштауфенов. Большинство миннезингеров происходило из среды министериалов.

Как и монашество, куртуазная любовь есть антитеза средневекового брака. Воспетая трубадурами и миннезингерами в терминах феодального права, где верности принадлежит первенствующее место, она возникла, скорее всего, как результат перенесения на сексуальную сферу идеальных отношений между сеньором и вассалом. Влюбленный служит даме как вассал служит сеньору, за которого он (в идеале) готов положить жизнь. Ни половая близость, ни материальная выгода, ни социальный престиж не составляют предмета куртуазной любви — она очищает самое чувство, в которое входит основным элементом бескорыстие. Трубадур Бернар Вснтадурский (ок. 1140—1195) воспекает красоту зрелой замужней женщины, принадлежащей другому и не отвечающей на любовь поэта, но рыцарь клянется до конца дней своих бескорыстно служить этой даме. Дама не индивидуализирована — она лишь повод для выражения чувств рыцаря. У алеманна Гартмана фон Ауэ (ок. 1170—ок. 1210) служение даме пе-

рерастает в служение богу, приверженность брэнному — в приверженность вечному. Тюринг Генрих фон Морунген (1150—1222), воспевая любовь, видит в жещине символ вечного идеала совершенства. Эта высокая любовь отделилась от обычной любви к земной жещине, которую воспевали такие поэты, как Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170—ок.1220), Вальтер фон дер Фогельвейде (ок.1170 — ок.1230), Найдхард фон Ройенталь (ок. 1180 —1237).

Культ дамы воплощается с особой силой в поклонении Марии, богородице, „первой даме" христианского мифа. Почитание Марии, „новой Евы", особенно распространяется с XI века. В 1140 году был введен праздник непорочного зачатия Марии. Многие богословы, в том числе Бернар Клервосский (1090—1153), выступали против подобной мариолатрии (культа Марии), но народное почитание богородицы нарастало неудержимо. Марию трактовали прежде всего как заступницу за людей перед Христом, и Гвибер Ножанский объясняет, как Мария, принадлежащая к сотворенному миру, могла влиять на творца: ведь она, заявляет Гвибер, мать бога, а мать не просит, она приказывает. Вот почему Христос слушает ее и, прислушиваясь к ней, может менять свои решения. Даже разбойник, возносивший к ней свои молитвы, так рассказывает в одном фавлю, получает помощь Марии. Когда он был схвачен и осужден к повешению, богородица поддерживала его ногу и не дала ему задохнуться на виселице; когда же затем палач вытащил меч, Мария отвела удар. С культом заступницы, культом, в котором отчетливы языческие народные мотивы, переплетается поклонение тому вечно женственному началу, которое восславляли трубадуры и которое воплотили в камне скульпторы XII—XIII веков.

Женская свобода в средние века была, пожалуй, заметнее на обоих полюсах общества: в крестьянской и в аристократической среде. Как ни странно, именно горожане

строже всего держали своих жен. В крупной торговой и ремесленной деятельности женщина не нашла своего места, и горожанка оказалась прочнее прикованной к очагу, нежели крестьянка и знатная дама. В городах вырабатываются строгие нормы поведения женщины на людях: она должна ходить, не поворачивая лица в стороны, опустив глаза, не позволяя себе ни посмеяться, ни поболтать с кем-нибудь на улице, а девушкам настоятельно рекомендовалось сидеть, сложив руки на животе. Подъем городов не знаменовал улучшения статуса женщины, скорее, напротив, в XII—XIII веках он оказывается более приниженным, чем в предшествующее столетие.

По всей видимости, именно из городской среды вышли те интеллектуалы, которые наводнили средневековую литературу антифеминистическими сочинениями. Уже поэт XI века Марбод Реннский, опираясь как на библейскую традицию, так и на античные образцы, объявлял женщину „самым опасным силком“, заявляя, что женщины завистливы, легкомысленны, жадны, а также прожорливы и охочи до вина, суетливы и болтливы, похотливы. Женщина — „сладкое зло“, и она управляет миром.

Писатели XII—XIII веков, современники трубадуров, на все лады осмеивают женские пороки. Особенно достается тем глупцам, которые решились жениться. Рютбеф, французский поэт XIII века, иронизирует над самим собой: зачем только он женился, да еще на женщине, столь же бедной, как и он сам, некрасивой и принесшей ему лишь свои сорок лет в своей миске.

Семейная жизнь — предмет постоянных насмешек. Согласно французскому фавлю, штопальщик Эн, парижанин, был женат на даме по имени Аньез, которая вечно ему противоречила. Если он просил лук-порей, она готовила ему бобы, если он хотел бобы, то получал лук-порей. Он посылал ее на рынок за морской рыбой, она приносила ему речную. Писатели той поры не переставали

ужасаться средствам женского кокетства: двухцветным одеждам, глубоким декольте, длинным шлейфам, роскошным поясам, обтягивавшим талию жакетам, отделанным мехом, шелком и серебром, узконосым туфлям, головным уборам, высоким, словно здания, и прическам из искусственных волос с „рожками“ по парижской моде, к которым прикреплялась вуаль. Моралисты вспоминают по этому поводу голову медузы, рога того дьявола, сатану с хвостом. А сколько желчи порождает косметика: пудра, смывка, краска для щек — все, что, по словам моралистов, делается из бараньей желчи и собачьего жира — и точно так же орудия создания женской красоты: шпильки, ножницы, бритвы. С неменьшей страстью моралисты нападают на женское непостоянство, коварство, хитрость, на страсть к прогулкам, на умение затеять интрижку. Но и женская образованность порождает их возмущение. „Сын мой, — наставляет Юрбэн Куртуа в XIII веке, — если ты собираешься жениться, не бери ни красивой жены, ни умеющей читать книги. Те и другие обманчивы“.

По средневековым представлениям жизнь человеческая разделялась на шесть периодов: младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость и старость, которым соответствуют шесть исторических эпох от сотворения мира до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до царя Давида, от Давида до вавилонского плена, от вавилонского плена до рождества Христова, и последний период — от рождества Христова до конца света. Возрастам человеческим (и историческим эпохам) средневековое символическое сознание уподобляло часы дня: на заре трудился праведный Авель, третий час — время Ноево и построения ковчега, девятый час — законодательство Моисеево, вечер — пришествие Христа. Периоды человеческой жизни, как их отмеряло средневековье, нам показались бы сдвинутыми. Считалось, что юность длится до двадцати

143
Щит с изображением герба
знатного сеньора.
Миниатюра. XI в.

144
Гербы германских
курфюрстов.
Миниатюра. XIV в.

пяти лет, зрелость — до сорока пяти, а после того наступает старость. Хотя надежной статистики нет, видимо, люди умирали рано: голодовки, эпидемии, войны и феодальные распри делали свое дело.

Мы очень мало знаем о средневековом младенчестве. Детей рожали дома, в лучшем случае при помощи повитухи. И вскоре после рождения над ними совершали обряд крещения, знаменовавший включение новорожденного в „видимую“ христианскую общину, в общество. Крещение было обязательным для всегохристианского мира. Неисполнение обряда крещения рассматривалось как предательство (в средневековой терминологии понятиям „верность“ и „предательство“ придавался очень широкий смысл), и за это следовало наказание. По учению церкви, крещение — одно из основных таинств, „новое обрезание“, которое, однако, удаляет не частицу плоти, но всю „телесность“, приобщая человека к духовному миру. Крещение — уникальная акция, совершаемая лишь раз в жизни, ее повторение

невозможно. В древней церкви основной формой крещения было погружение, которое совершалось первоначально в реках или ручьях, а позднее в специально построенных баптистериях — бассейнах с водой (купель), которые сооружались в храмах или в особых зданиях. Обливание и окропление устанавливается в католичестве лишь с XV века. Крещение сопровождалось наречением имени младенцу и особыми формулами, назначенными отогнать от него демонов.

По всей видимости, специального воспитания детей раннего возраста средневековье не знало. Аристократические младенцы отдавались кормилицам, дети крестьян и ремесленников, выйдя из колыбели, ползали по кухне, пока не достигали такого возраста, когда их можно было приставить к какому-нибудь делу. Отрочество завершалось рано: к двенадцати годам у девочек, к четырнадцати — у мальчиков. Считалось, что в этом возрасте они уже могут вступать в брак и становятся самостоятельными.

Пассивной и незаметной была в средневековой семье роль ребенка. Показательно, что средневековое изобразительное искусство почти не знает детской темы. И ангелы и путти — зроты средневековой скульпту-

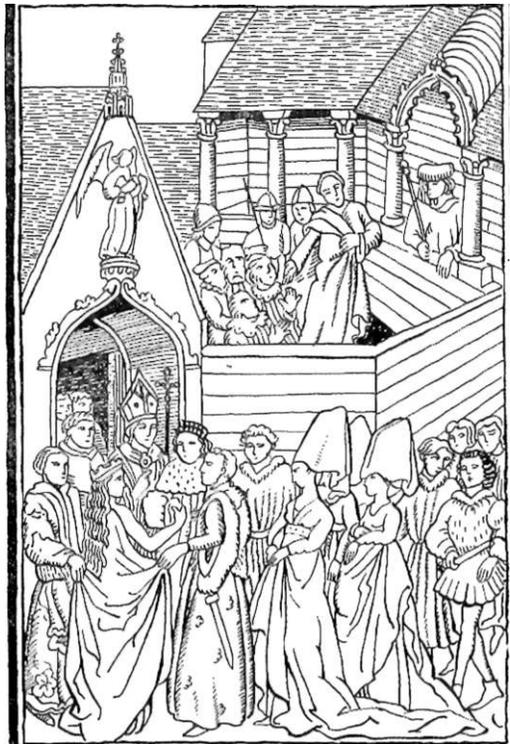
ры — изображались в эту пору взрослыми. Скульптура и миниатюра, представлявшая богородицу с младенцем, рисовала Христа непривлекательным младенцем, почти уродцем, скорее маленьким старичком, чем ребенком. Средневековая литература знает родительскую любовь к детям, но практически не знает детей от момента рождения до той минуты, когда герой, оставаясь еще ребенком по возрасту, проявляет себя взрослым, обладающим недетской мудростью и недетской отвагой охотника или воина.

Детство — несамостоятельная стадия, переходное состояние, в нем заключено нечто неполноценное, незавершенное. Это скорее этическое (причем негативное) понятие, чем временное, отчего слово „ребенок“, *kint*, становится в средневековой Германии синонимом для понятий „дурак“ или „бесстыдный“ (невоспитанный). Только с XIII века появляются изображения младенцев, плотно запеленутых и затянутых ремнями.

Городское развитие вносит существенные коррективы в эту средневековую ситуацию. С одной стороны, оно, как уже говорилось, ухудшает положение женщины, но с другой стороны, именно в городах, с их относительным благосостоянием, дети приобретают самостоятельное положение. Они перестают быть только потенциальными жертвами эпидемий, только „недоразвитыми“ взрослыми, но как таковые заполняют дома, улицу и прежде всего школу.

Школа была далеко не обязательной. Крестьянские дети усваивали необходимые им навыки и в нормальном течении семейной жизни. Ремесленники обычно отдавали своих детей в обучение: в немецких городах обучение ремеслу было, как правило, платным. По окончании двух-трех лет обучения юноша становился подмастерьем.

Школ было немного. Традиции античной светской школы сохранялись кое-где на юге, главным образом в Италии. К северу от

Церемония бракосочетания.
С миниатюры XIV я.

Альп школа была по преимуществу монастырской или церковной. Средневековая школа не знала возрастного ценза, дети обучались грамоте вместе со взрослыми юношами. Да и сама обстановка в школе не учитывала специфически детских интересов. В монастырской школе дети были подчинены той же дисциплинарной строгости, что и взрослые монахи (ведь средневековые трактовали ребенка лишь как маленького взрослого), во время молитв, в dormitorio (спальне), за едой — повсюду дети были под надзором наставника, запрещавшего им болтать, петь и играть. Розга служила одним из самых могущественных педагоги-

ческих средств. В церковной школе восьмилетние дети учились вместе с двадцатилетними юношами по одной и той же программе и рано включались в круг их интересов. Ученик, который часто был оторван от родителей и жил на пансионе у учителя или на постоялом дворе, не вылезал обычно из забот. Ему надо было добыть пропитание, иначе у него не будет „на зубах ничего“, как тогда говорили, кроме церковного звона. Он пьет только воду и ест хлебтверже мельничного жернова. В доме он выполняет обязанности слуги (как и ученик у ремесленника) — это его посылают на рынок за мясом, которое будут есть другие, тогда как школяр только выскребает котелок. Побои ждут его и дома, как в школе.

Учебную программу (в соответствии с позднеантичной традицией) составляли семь свободных искусств, которые разделялись на две части: тривиум (троепутье) и квадривиум (четверопутье), Тривиум был начальной стадией обучения — отсюда наше слово „тривиальный“, то есть обыденный. Тривиум включал грамматику, риторику и логику. В состав квадривиума входили арифметика, геометрия, астрономия и музыка.

На раннем этапе средневековья преобладал тривиум, проникновение квадривиума в общеобразовательную систему начинается с XIII века. Читать учились, заучивая наизусть молитвы, псалтырь и евангелие; особенное внимание уделялось пению. Затем переходили к грамматике, которая составляла костяк средневекового образования. Граматику (разумеется, только латинскую) учили по руководству Элия Доната — грамматика IV века, комментатора Вергилия и, согласно традиции, учителя св. Иеронима. Другие языки в школе не проходили (до XIV века), хотя на практике купцу или рыцарю подчас приходилось говорить на нескольких языках и диалектах. Обучение латинской грамматике состояло в чтении какого-нибудь древнего автора с попутным его истолкованием. После того как прочитал учитель, тот же самый отрывок читали и комментировали ученики.

Обстановка школьной комнаты была более чем скромной. На полу набросана солома, в какой-то мере предохранявшая от холода, и на ней располагались учащиеся. Преподаватель сидел в кресле, а перед ним на пюпитре лежала изучаемая книга. Учи-

и 6

Куртуазная любовь.

Гравюра с миниатюры XIV в.

147

Знатный рыцарь из Ланкашира перед выступлением в поход: жена и дочь подают ему шлем и щит.

Миниатора. 1335—1340

теля постоянно жаловались на школяров: им больше нравятся игры, нежели науки; они норовят заглянуть в таверны или в значные места. Ни наставления, ни порка не в состоянии вернуть их на прямой путь. А сколько среди них глупцов, рассеянных, забывчивых!

Петр Абеляр, один из самых независимых умов средневековья, описал свою жизнь. Он начинает рассказ с того, что, будучи по природе способным к научным занятиям, он отказался от воинского дела („отрекся от участия в совете Марса“) и целиком предался изучению логики или, как тогда говорили, диалектики. Переезжая с места на место, он слушал известнейших учителей, а

затем и сам стал принимать участие в диспутах.

Диспут („научно-учебное“ подобие рыцарского турнира) — характерный феномен средневековой школы. Ученик против учителя, учитель против учителя, наконец, учитель со своими учениками против другого учителя и его учеников — таковы разные формы обсуждения спорных проблем, стоявших перед тогдашней наукой. Абеляр был страстным и умелым диспутантом. Участвуя во многих дискуссиях, он нередко побеждал в них тех, кто был старше и опытнее его.

Это и вызвало, замечает Абеляр, его бедствия: чем шире распространилась его

148
Культ заступницы.
Слоновая кость, XIV в.
Сокровищница Сен-Шапель

слава, тем сильнее разгоралась зависть к нему со стороны его соперников.

Постепенно учителя, отделяясь от церковных и монастырских властей, стали создавать свои корпорации — университеты. Сам термин „университет" (*universitas*) означал первоначально всякое объединение людей, связанных общими интересами и имеющих особый правовой статус. Только с конца XIV века его стали использовать применительно к академической корпорации. Средневековое обозначение высшего учебного заведения *studium generale* (впервые засвидетельствованное в 1237 году) прилагалось к школе, пользовавшейся широкой известностью, привлекавшей учеников издалека и способной обеспечить не только преподавание „семи свободных искусств", но и, по крайней мере, одной специальной дисциплины: гражданского или канонического права, богословия и медицины. Одни из этих школ признавали университетами по обычаю (*ex consuetudine*) как учебные заведения, постепенно сложившиеся и приобретшие известность, другие — в результате пожалования привилегии папой, императором и, в редких случаях, королем. Две привилегии связывались в представлении современников с университетами начиная с XIII века: клирики, обучавшиеся в них богословию, сохраняли на пять лет свои церковные доходы (бенефиции); окончившие университет получали право преподавать в любой школе (*jus ubique docendi*).

Средневековые университеты возникают с XII века в непосредственной связи с урбанизацией западноевропейского общества. Это было принципиально новое явление европейской социальной и культурной жизни, не связанное преемственно ни с античными высшими учебными заведениями, ни с Константинопольской высшей школой (функционалировавшей с перерывами с 425 до 1453 года).

Салернская медицинская школа, существовавшая со второй половины X ве-

ка, не была университетом, так как она не создала корпоративной организации.

Древнейшие университеты в полном смысле средневекового термина — Парижский, отличавшийся в сфере богословия, и Болонский, прославившийся преподаванием права. Формировавшиеся одновременно, они вместе с тем существенно отличались по своему внутреннему устройству, олицетворяя два основных типа университетов средневековья. Университет в Болонье (и в Падуе) представлял собой студенческую организацию, возникшую для защиты интересов приезжавших в город студентов-правоведов. С середины XIII века здесь существовали две конфедерации: *universitas citramontanorum* — гильдия учащихся из Италии и *universitas ultramontanorum* — гильдия, объединявшая приезжих из неитальянских государств. Болонские студенты не входили в эти гильдии. Несмотря на протесты преподавателей и городских властей, студенческие гильдии постепенно присвоили себе руководство всей университетской жизнью. Преподаватели не только не могли голосовать на университетских собраниях, но самый учебный процесс протекал под строжайшим надзором студенческих властей, и за нарушение его профессора подвергались штрафам. Такая система отнюдь не представляла собой демократической организации, ибо власть находилась в руках немногочисленных долгосрочных должностных лиц (ректоры и *consilarii*).

Парижский университет, напротив, сложился как организация преподавателей. По мнению А. Кобна, одной из существенных причин этого является количественное преобладание в Париже подготовительного факультета искусств, студенты которого были более молодыми и менее зрелыми, нежели болонские правоведы — люди подчас тридцатилетнего возраста с большим жизненным опытом. В отличие от болонских конфедераций парижские „нации" факультета искусств (их было четыре: француз-

екая, пикардийская, нормандская и англо-германская) объединяли преподавателей, начиная с магистра, тогда как студенты не могли ни голосовать, ни участвовать в дискуссиях на университетских собраниях. „Старшие“ факультеты (богословия, права и медицины) не подразделялись на „нации“, но учившиеся на них магистры искусств примыкали к своим „нациям“, пока не получали докторской степени, дававшей им право стать членами старшего факультета. В отличие от Болоньи парижские „нации“ объединяли не только приезжих преподавателей, но и местных. Проректоры — руководители парижских „наций“ — обладали большой властью, но то обстоятельство, что они часто сменялись и были ответственны перед собранием „нации“, придавало парижским преподавательским гильдиям демократический оттенок.

Некоторые итальянские университеты (в Пизе, Флоренции, Павии и др.) представляли собой переходные формькздесь власть была разделена между студентами, преподавателями и муниципальными властями; участие студентов в управлении было закреплено уставами также ряда испанских университетов; в нескольких южнофранцузских университетах (в Монпелье, Анжере, Орлеане) студенты в борьбе против церковных властей действовали в альянсе с профессурой.

По парижскому типу строились северные университеты: Оксфорд, в частности, перенял в общем парижскую систему организации. Основное отличие состояло в том, что Оксфорд, как и Кембридж, возник не в епископальном городе, и соответственно его подчинение епископальным властям было гораздо менее угрожающим, чем во французских университетах. История Парижского университета — в сущности, история его борьбы за освобождение из-под власти епископа и за ограничение прав епископского канцлера, контролировавшего деятельность университета и, в частности, выдачу дипло-

мов. Напротив, оксфордский канцлер рано перестал быть епископским должностным лицом, его избирали преподаватели, а епископу принадлежало лишь право утверждения. К концу XIV века Оксфорд полностью освободился от епископской юрисдикции. Выборное лицо университетских преподавателей — канцлер — в Оксфорде обладал широкими правами, сосредоточивая в своих руках духовную, гражданскую и уголовную юрисдикцию.

Особенностями ранних английских университетов является также сравнительно слабое развитие системы „наций“, что определялось островным, замкнутым характером английской высшей школы; относительно высокий уровень преподавания математики и наук о природе (с первой половины XIII века); меньшая затронутость богословскими и политическими дискуссиями, которые превращали Парижский университет, по выражению английского историка А. Кобна, в „академический микрокосм Европы“.

Именно в английских университетах нашла свое преимущественное развитие система колледжей, зародившаяся в Париже в конце XII века. Первые парижские колледжи были благотворительными учреждениями, создававшимися обычно при госпиталях как общежития для бедных клириков, обучавшихся в парижских школах. В 1257—1258 годах Робер де Сорбон, капеллан Людовика IX, создал колледж нового типа (получивший затем его имя) — общежитие для магистров, обучающихся богословию. По типу сорбонского колледжа стали возникать колледжи магистров в Оксфорде и Кембридже, однако в Англии порожденная колледжами децентрализация университетской жизни оказалась более последовательной: английские колледжи были демократическими

149

Вальтер фон Фогельвейде — один из крупнейших представителей рыцарской поэзии. Миниатюра. 1300 г.

самоуправляющимися ячейками с правом кооптировать новых членов и выбирать руководство, тогда как в Париже колледжи подчинялись внешним властям — как церковным, так и университетским; к тому же английские колледжи постепенно сосредоточили внутри себя самый процесс обучения, тогда как в Париже обучение в колледжах носило элементарный характер.

Подлинного равенства в среде средневекового студенчества, разумеется, не было: одни студенты были богаты, другие трудом добывали пропитание. По статистическим данным (конец XIV—XV век), основную массу студентов все же составляли люди среднего имущественного статуса. Аристократов в студенческой среде было сравнительно мало до конца XV века, при этом в южных университетах их было больше, нежели в северных. Но уже с XIV века наблюдается тенденция к включению университетов в аристократическую социальную структуру, к осмыслению университетской жизни в понятиях рыцарского мира, к уподоблению правоведа рыцарю. Имущественное положение университетских преподавателей было первоначально очень неустойчивым, поскольку оно зависело от студенческой платы. Возможно, что болонская профессура мирилась со своим неполноправием именно потому, что большой университет в Болонье мог лучше компенсировать ее материально. Введение жалованья для профессуры (впервые в кастильском университете в Паленчии в начале XIII века) дало докторам известную независимость. Однако резкое колебание размеров жалованья создавало социальный разрыв в среде преподавателей, часть которых сливалась с городским бюргерством, и приводило — особенно в германских университетах — к разобщению в среде профессоров и к ослаблению университетской организации.

Если детства как такового средневековое сознание фактически не признает, то юность, напротив, воспринимается очень

150

Обряд крещения.
Миниатюра. XIV в.

151

Путь с лицом египтолога.
Рельеф. XII в. Монастырь
св. Хуана. Испания

152

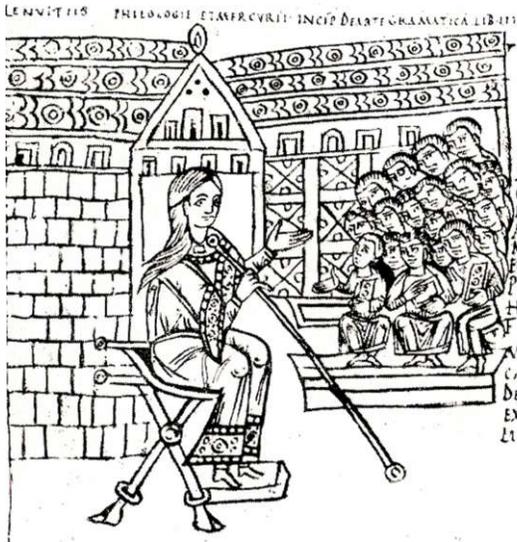
Одно из первых изображений
спеленатого младенца.
Скульптура. Первая половина
XIII в. Собор в Уюрте

отчетливо как особый „возрастной класс“. Как правило, ее отделяют от зрелости испытания (инициации) или торжественная церемония: подмастерье, создав „шедевр“, становится мастером, дамуазо посвящается в рыцари, школяр превращается в магистра, послушник — в монаха. С юностью связывается определенная магическая сила: в сельских весенних празднествах, по поверию, колдовским способом обеспечивавших благополучие деревни, играм молодежи (скачки, прыжки через костер) принадлежало особое место. Юность, теснее связанная с хтоническими культами, с природными силами, имела право (и, может быть, даже обязанность) на особые нормы поведения, сознательно противопоставленные этике взрослого человека. Юношеский разгул, полуголодное узаконенное бродяжничество (в мире, где целомудрие, трезвенность и *stabilitas* были религиозно-этическими ценностями) — все это дополнялось и закреплялось особой литературой: песнями подмастерьев, школярской поэзией, лирикой бродяг-вагантов. А в этой литературе переворачивалось

и высмеивалось все то, что составляло ценности зрелого общества. Инициации (с их обычным дополнением — пирушкой) означали грань, когда человек порывал свою связь с хтоническим миром, миром природных сил и вступал в лоно законопослушания. В этом смысле шекспировская история принца Гарри, порывающего с толстяком Фальстафом и превращающегося в разумного короля Генриха V, — не есть рассказ о личной судьбе одного гуляки, но общезначимый символ перехода от юности к зрелости.

Понятие зрелости в средневековье, впрочем, не столько временное, сколько общественное и правовое. Человек становился зрелым тогда, когда он приобретал собственность, вступал в права наследования. Дети не были полноправными собственниками имущества, оставленного им умершими родителями, — их владения переходили в руки опекунов, как подчас и сама судьба сирот. Опекунство, в частности, было правом феодального сеньора и приносило ему немало выгод, как материальных, так и престижных.

Зрелые люди, в отличие от юношей, не стремились к созданию собственной оформленной организации, за исключением, пожалуй, вдов, которые пользовались в средние века особым престижем: считалось, что заслуги вдовы перед богом вдвое больше, чем заслуги обычной женщины (хотя и ниже заслуг девственницы). Но и вдовы не образовывали особую „межсоциальную“ группу, а рассматривались как принадлежащие к разряду нищих.

Зрелость уступала место старости, которая, в духе библейских норм, рассматривалась как достоинство и знак божественной милости.

Впрочем, средневековые редко имеют дело с образом немощного старика, доживающего свой век в стороне от дел. Старики средневековья — обычно сорока — или пятидесятилетние люди, еще не утратившие физической силы, но уже накопившие немалый опыт, и поскольку в их руках находятся наследственные титулы и богатства, обществу приходится считаться с ними, хотя подлинной геронтократии средневековье не знало.

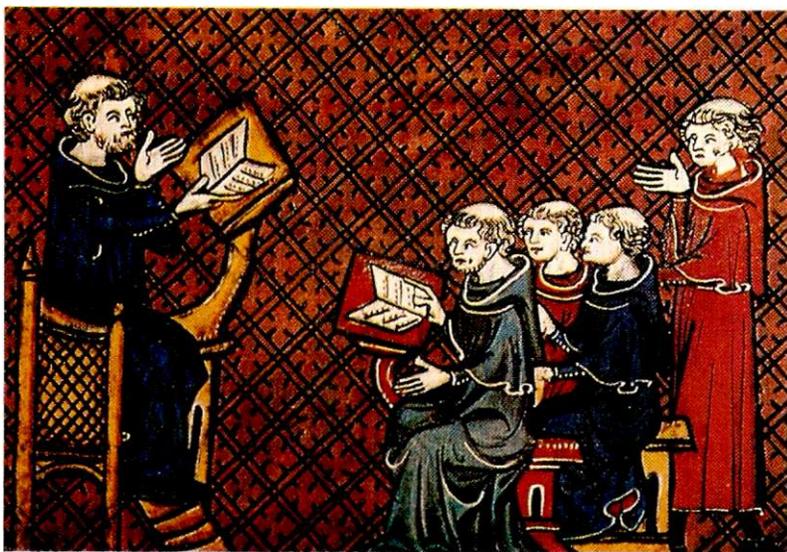

Смерть приходила сравнительно рано, но характерный для средневековья страх смерти объяснялся не только тем, что война, эпидемии, голод постоянно подкарауливали человека. О смерти думали много, ибо христианское учение трактовало ее как начало другой жизни, как „рождение в вечность“ и никому не было дано знать, удостоится ли он спасения или будет обречен после смерти на адские муки. Отсюда настойчивость, с какой образ смерти (изображаемый в виде скелета, иной раз с косою в руках) проникает в средневековые предания и в живопись. Смерть олицетворяют то земледelec, заливающий кровью поле, то король, ведущий безжалостную войну: позднее (возможно, под влиянием городской культуры) в эти легенды проникают элементы юмора: смерть представляется то ловким картежником, то злокозненным музыкантом, увлекающим всех звуками своей дудки.

Пляска смерти становится предметом драматических представлений, где смерть ведет диалог с двадцатью четырьмя лицами, подчеркивая бренность земного существования.

III копа.
Миниатюра (Грамматика
и ее ученики). X в.

154
Наказание школяра.
Миниатюра. Средина XIV в.
155
Урок.
Миниатюра. Начало XIV в.

156
Ритуал скрепления договора
о разделе имущества.
Миниатюра. XI в.

цать либр (золотая монета), которые лежали у него дома. После этого больной был перевезен в монастырь, где неожиданно поправился. Тогда он сбросил монашеское облачение и потребовал назад свои деньги. Монахи заковали недавнего больного в цепи и потребовали клятвенного отказа от отданной им суммы. . .

Покойника омывали, затем надевали на него костюм, включая шосс, обувь, перчатки и головной убор, и зашивали в саван — обычно из полотна, пропитанного воском. Впрочем, саван могли делать также и кожаный. Покойника оплакивали в его доме, после чего на носилках провожали на кладбище, чтобы предать тело земле. Обычай носить траур по умершему засвидетельствован в Испании уже в XII веке. Во Франции он распространился в следующее столетие. Графиня Артуа, похоронив в 1303 году своего мужа, не только облачилась в темные цвета, но и покрыла черной драпировкой кровать и всю комнату. Мужчины в знак траура облачались в черное и иногда брили голову. Церковь установила со временем сложную литургию погребальных обрядов, в

частности, кроме того, она разрешила захоронение знатных и влиятельных лиц не на обычных кладбищах, а в соборах и монастырях, где покойники помимо всего прочего находились под надежной охраной, так как ограбление приходских кладбищ было в средние века обыденным явлением. С XIII века появляются пышные могильные памятники и усыпальницы, воздвигаемые для богатых покойников. Церковь извлекала из погребения немалые выгоды: похороны сопровождалась пожертвованиями для бедных и благочестивыми пожалованиями в пользу церкви; первоначально они имели натуральную форму (щедрая трапеза), позднее стали денежными. Это обстоятельство привело в XII веке к ожесточенной борьбе между монастырями и епископом за право погребения; епископ и клир выступали против монастырских привилегий хоронить в своих сте-

нах не только братию, но и (знатных) мирян. Иногда против монастырской привилегии выступали и наследники умершего. Некоторые категории лиц не удостоивались церковного погребения — это нераскаявшиеся еретики, отступники и самоубийцы. Иной раз монастыри преступали запреты и в поисках материальной выгоды погребали внутри своих стен лиц, подвергнутых церковному отлучению.

Церковь, которая стояла у колыбели младенца, провожала покойника в последний путь. Она принимала его в общество и она же претендовала на то, чтобы определять его загробную судьбу, его погибель или спасение. И это весьма символично: в своем замкнутом доме, за плотными стенами чело- век средневековья отнюдь не был асоциальным, он включался — весьма своеобразно — в общество, где у него были враги и друзья.

Враги друзья

Французский трубадур XII века писал:
„Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, небогretым!
Пусть мне милая солжет,
Ежели солгал я в этом!”

Разумеется, противоречия между общественными классами были присущи не только средневековому обществу, но не часто их выражают с такой прямолинейной безжалостной определенностью, как в этой песне. И это не случайно: вопреки демократической фразеологии христианства, возвещавшего об уничтожении всех этнических и социальных различий перед лицом вечности и спасительной миссии Христа, общество классического средневековья было предельно иерархизированным, разделенным на ряд социальных слоев с довольно четкими границами между ними. Это, конечно, не значит, что социальные слои были стабильными и что передвижение с одной социальной ступени на другую было немислимым, — на практике такое движение совершалось постоянно (в одних странах более, в других менее активно), и все же идеалом средневековой социологии была об-

щественная неподвижность, застылость, наследственность статуса. И к богатству и к образованности идеологи феодального порядка относились настороженно, и одной из причин подобной настороженности было как раз то обстоятельство, что богатство и образованность давали возможность преодолеть грани и перегородки, воздвигнутые между разными социальными слоями. Чем влиятельнее становились зажиточные горожане и крестьяне, тем больше угрозы видели в них феодалы, тем энергичнее были их попытки защитить себя от натиска новых сил. В 1391 году английская палата общин обратилась к королю Ричарду II (1377—1399) с петицией — запретить крестьянам отдавать своих сыновей в школу. На континенте подобная тенденция к социальному и юридическому замыканию господствующего класса была еще более сильной, что, однако, не смогло предотвратить довольно быстрое и сильное изменение его состава уже в XIII—XIV веках.

Согласно учению, разработанному идеологами церкви в XI—XII веках, „богоустановленное” общество, составлявшее в известном смысле „единое тело” — христианскую церковь, разделялось в действительности на три сословия: одно составляли те, кто молились — духовенство (*oratores*); другое — те, кто защищали церковь, — воины (*bellatores*); наконец, „трудящиеся” — те, кто пахали землю (*laboratores*). Этим учением освещались и укреплялись реальные общественные порядки в феодальной Европе.

Крестьянство — основной производящий класс средневекового, аграрного по своей хозяйственной сущности общества. Единое по своему месту в системе произво-

детва, оно отнюдь не было единым по правовому и экономическому статусу. Именно это как раз и характерно для средневековья— существование множества категорий, различающихся не только географически, в зависимости от той или иной страны, от ее природных и политических условий, но и, так сказать, исторически, в зависимости от тех путей, какими крестьянские семьи втягивались в подчинение феодальному сеньюру. Ибо свободного крестьянства, стоящего вне феодальных связей, в Европе к началу XI века, за исключением отдельных окраинных районов, например Восточная Англия, Скандинавия, практически уже не было или еще не было.

В экономическом отношении крестьянство разделялось на две группы: имеющие дом надельные крестьяне (сколь бы малым ни был их надел) и живущая в господском доме челядь. Последняя была занята в сеньориальном хозяйстве, обслуживала феодала. Объем повинностей челяди не регламентировался. Они питались за общим столом и ютились в каморках господского замка. Повидимому, из их среды рекрутировались и домашние ремесленники и люди, сопровождавшие торговые караваны. Поэтому, во всяком случае, часть челяди довольно рано приобрела относительную подвижность.

Надельные крестьяне, напротив, были теснее связаны с землей, на которой стоял их дом и располагался участок. Их привязывала к земле и феодальная устойчивость и феодальное право, ибо господа постарались закрепить крестьянскую стабильность, обеспечив тем самым поместье трудовыми руками. Зато в своей хозяйственной деятельности крестьяне были самостоятельнее челяди, ибо работали на своем наделе, отдавая лишь часть своего времени, свой прибавочный труд сеньюру либо в форме барщины, либо в форме натурального или денежного чинша. Размеры крестьянской ренты определялись обычаем: количество дней,

время и характер барщинных работ, тип и объем поставляемых продуктов. При этом далеко не в однозначной и общезначимой форме; например, в одном из поместий Рамзейского аббатства (Англия) крестьянин должен был доставлять (помимо всего прочего) „одно шосс разумного размера, полное чищенных орехов". В другом случае мы узнаем, что крепостной может унести после жатвы столько, сколько в состоянии поднять на своем косовище. Но если он перегрузит косу так, что косовище сломается, он теряет все, что пытался забрать. Традиционность платежей подчас подчеркивается своеобразием их измерения — так, обычай мог устанавливать, что хлеб, приносимый крестьянкой, должен был быть „такой толщины, как ее зад", а сыр столь крепко, чтобы не разбился, если его ударить об стену.

Другой принцип разграничения крестьянства— правовой. Степень правоспособности крестьянства варьировала очень сильно — от личной зависимости до обязанности делать символические взносы (пару каплунов к празднику или фунт перца) и подчиняться сеньориальному суду.

Личнозависимый крестьянин (во Франции их называли сервами, в Англии — вилланами) не мог без разрешения господина продать свой надел. Сеньор пользовался по отношению к нему правом мертвой руки, то есть правом взыскать лучшую голову скота или лучшую одежду с наследников умершего крестьянина — за разрешение вступить в права наследования. Личнозависимая девушка, выходя замуж, также должна была платить выкуп за так называемое право первой ночи. Впрочем, от прежнего содержания этого права сохранился лишь ритуал: сеньор ставил ногу на постель новобрачной или переступал через постель.

Зависимость крестьянства проявляется и в подчинении сеньориальному суду и в баналитетах. Господин был не только получателем крестьянской ренты, но и судьей над своими людьми. Королевские суды в

ряде стран не принимали жалоб крестьян на их господина. Объем его судебных прав изменялся в зависимости от социально-политического веса феодала — от наложения штрафов за воровство и за отказ от барщины до права смертной казни. Кулачная и палочная расправа, во всяком случае, входила в число наказаний, применяемых частным судом. Баналитет— это принудительная обязанность крестьянина использовать господский инвентарь, расплачиваясь за это частью продукта. Крестьяне должны были молотить зерно на мельнице господина, печь хлеб в господской печи, выжимать виноград на давяльне сеньора. Так как в господской печи (*four banal*) пекли только хлеб (пироги разрешалось делать дома), то слово „банальный" приобрело со временем новое значение — рядовой, обыденный.

Преобладающей формой поселения западноевропейских крестьян в XII—XIII веках была деревня, средняя численность жителей которой колебалась между двумя-четырьмястами человек. Территория деревни распадалась на три части: внутреннюю — место поселения, пахотную землю и так называемую альменду — неподеленную землю, находившуюся в совместном пользовании (лес, воды, луга). Как место поселения, деревня состояла из дворов, деревенской площади и колодца. Двор средневекового крестьянина представлял собой сложный комплекс: он включал дом с примыкающими строениями, сад, виноградник, небольшие участки, засеянные льном или коноплей. При этом с точки зрения средневекового права двор имел решающее значение; именно с ним, как показывает К. Бадер, было связано право пользования пахотной землей, он сохранял свою правовую значимость и в том случае, когда на нем не было дома, — если дом сгорел или был разрушен. В рамках хозяйственной жизни двора крестьянин действовал по своему усмотрению и его трудовая деятельность здесь никем не регламентировалась.

Внутренняя территория деревни была обнесена изгородью, принимавшей подчас характер укреплений типа городских валов и рвов. Селиться за пределами ограды было запрещено. По мере роста населения ограда расширялась. С деревенской оградой, обозначавшей границы поселения, связывались древние магические представления, она служила также защитой от неожиданного нападения. Вместе с тем обнесенная изгородью территория средневекового деревенского поселения располагала особым правом (миром) — преступления, совершенные на территории деревни, карались с особой строгостью. Одним из институтов деревенского мира было, в частности, право предоставления убежища, но в полной мере это право не утвердилось — феодальная судебная власть постоянно ограничивала его, а в ряде случаев вообще отрицала. В отличие от города средневековой деревне не удалось превратиться в замкнутую сферу действия особого права.

Пахотная земля деревни подразделялась на три поля, которые в свою очередь делились на отдельные полосы. В принципе полноправный крестьянин — владелец двора — должен был иметь в каждом из полей свои полосы, однако в действительности дело обстояло далеко не так. Имущественная дифференциация очень рано возникла в средневековой деревне: отнюдь не все крестьяне располагали плугом (или сохой), имели упряжку, немало было и таких, которые обрабатывали свой участок вручную.

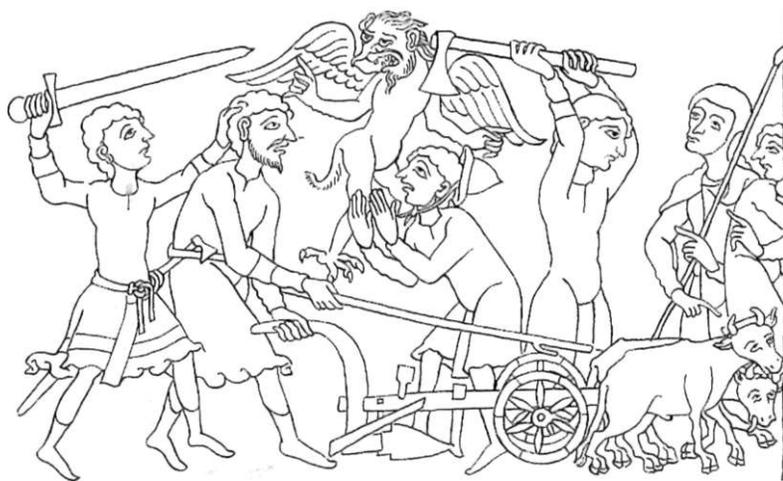
Альменда — это прежде всего лесные угодья, а лес для крестьянина средневековья был не только источником топлива и строительного материала, но главным образом пастбищем, и в первую очередь для свиней. Пользование альмендой первоначально было привилегией полноправных крестьян, и до тех пор, пока деревня состояла из однородных в правовом отношении домохозяйств, альмендой пользовались совместно. Нос XIII века положение меняется:

под влиянием роста численности населения, интенсивного освоения нови и резкого сокращения лесных угодий обостряется борьба за альменду — сначала между зажиточными, полноправными крестьянами и бедным людом, а затем между всеми жителями деревни и пришельцами, корчевавшими леса.

Деревня была в принципе самодовлеющей экономической единицей, производящей все (или почти все) необходимое для существования. Из этого, однако, не следует, что продукция крестьянских хозяйств целиком предназначалась для внутреннего потребления и платежей феодальному господину. Даже в небольших деревнях уже в IX—X веках возникают еженедельные рынки и крестьяне втягиваются в торговлю продуктами земледельческого производства. Сельские промыслы были еще мало распространены в период, предшествовавший XIV веку, но в деревнях, располагавшихся вблизи городов с развитым сукноделием, крестьяне уже работали сдельно или за установленную плату на скупщика.

И вместе с тем связь деревни с внешним миром была ограниченной и жизнь здесь больше, чем где-либо, подчинялась при-

родному ритму и обычаям. Обычай придавал крестьянскому быту известные черты патриархальности. Хотя эксплуатация была жестокой, она прикрывалась видимостью услуг, оказываемых обеими сторонами. Когда созревал урожай и господин испытывал особенно большую потребность в рабочих руках, обычай требовал, чтобы крестьяне выходили на помощь, отрываясь от своих собственных столь же настоятельных дел, но за это обычай требовал от сеньора щедрого угощения, подчас стоившего больше убранного зерна. В системе взаимоотношений между крестьянином и феодалом жестокость причудливым образом переплеталась с патриархальностью: жестокость диктовалась не столько интересами прибыли, сколько спецификой нравов и оценкой человеческой личности в эту эпоху, убежденностью сеньоров в том, что их сервы — неполноценные люди. Патриархальность же удерживалась как общей традиционностью средневекового быта, так и соображениями необходимости поддерживать и воспроизводить свое хозяйство. Поэтому богатейший крестьянин нередко встречал со стороны господина недоверчиво враждебное отношение, тогда как разоряющийся бедняк мог

157
Вилланы против рыцарей.
Миниатюра. XII в.

158
Кашмары Генриха I
Английского.
Миниатюра. XII в.

получить поддержку и помощь. Проникновение в деревню построенных на чистогане отношений начинается в XIV веке разрушать эту систему неустойчивого равновесия, столь типичную для средневековой деревни; обе стороны недовольны друг другом, но обе не могут обойтись друг без друга и направляют свои усилия на ежечасное воспроизводство установившихся хозяйственных форм и социальных отношений.

Одним из существенных элементов средневековой общины и вместе с тем его важнейшей опорой была сельская община, крестьянский коллектив, объединявший и сплачивавший отдельные семьи. Сельская община обладала многообразными функциями: хозяйственными, административными, социально-культурными. В распоряжении общины находились неподделанные угодья — альменда. Община как целое могла дарить или продавать эти угодья и вместе с тем она обеспечивала каждому общиннику право пользоваться ими. Запрещалась лишь эксплуатация общинных владений с целью наживы: можно было ловить дичь и рыбу для себя, но не для продажи, и точно так же воспрещалась рубка леса на продажу или выпас чужих свиней. Чересполосица крестьянских земель ставила очень остро вопрос об общинном контроле за сельскохозяйственными работами: каждый клон должен был засеиваться одним сортом семян, обрабатываться и убираться в одно время и в одно время превращаться в открытое поле, на которое выгоняли пастись скот.

Административные права общины складывались из судебных и фискальных функций. Объем этих прав был различным: в некоторых средиземноморских районах деревня становилась самоуправляемой коммуна, привилегии которой фиксировались специальной хартией, в других — деревня

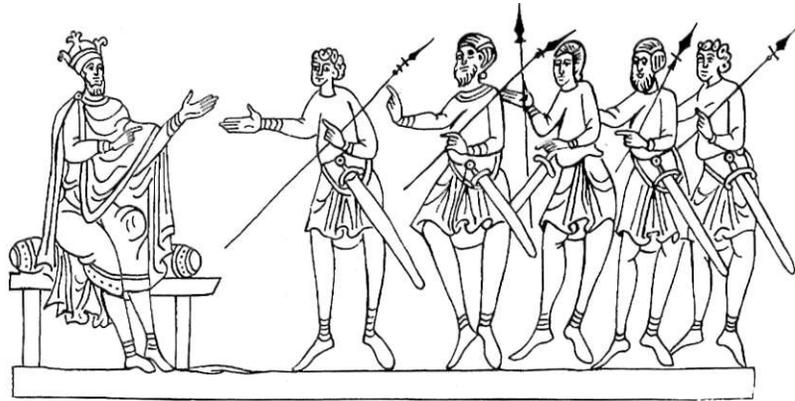
была подчинена воле сеньора и ее должностные лица (староста и присяжные) либо избирались под контролем господина, либо прямо им назначались. В соответствии с этим община брала на себя осуществление своего рода круговой поруки, требуя от своих членов добросовестного выполнения феодальных повинностей и налагая штрафы на нарушителей обычая. А вместе с тем община была той силой, которая могла оказывать сопротивление сеньору и отстаивать от его притязаний свои леса и луга, равно как и традиционные размеры ренты.

Соотношение общины с господской вотчиной было весьма сложным. Лишь сравнительно редко имело место полное совпадение деревни и вотчины, обычно же деревня распадалась на несколько феодальных держаний, принадлежавших разным лицам. Община как бы оказывалась разорванной на несколько владений и соответственно владения одного сеньора лежали в разных деревнях, не образуя единого территориального комплекса. Кроме того, сложность структуры общины проявлялась в том, что в ее состав входили обычно не только крестьяне разных сеньоров, но и крестьяне разного личного и поземельного статуса, обязанные своим господам разными повинностями. Разумеется, средневековую общину не следует идеализировать, она (во всяком случае, в XIII веке) не была эгалитарным учреждением. Внутри общины образовалась группа относительно зажиточных и в силу этого влиятельных семей, которые ссужали деньги на общинные нужды и оказывали решающее воздействие на поведение общины. По большей части именно из них выбирались старосты и присяжные. В функции общины входило поддержание мира на ее территории, организация противодействия пришельцам, а также благотворительность, контроль за функционированием церкви и часовни.

Сельская община выступала хранителем не только аграрных традиций, но и крестьянских традиций.

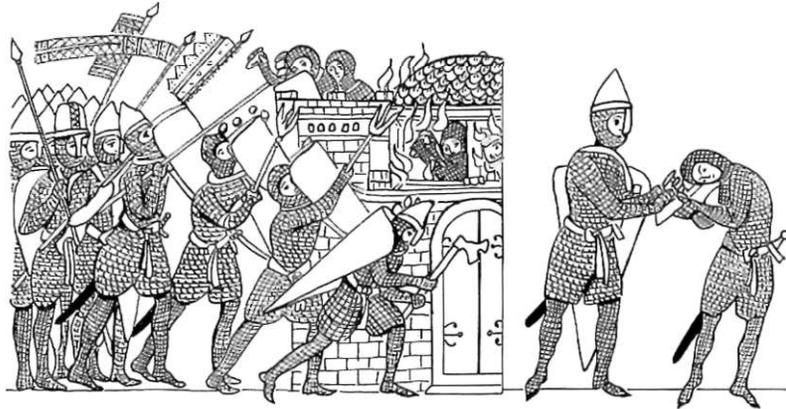
160

Копья, длинные мечи королевских воинов.
С миниатюры X в.

161

Боевое облачение (кольчуга, кольчужные чулки и рукавицы, шлем с наносником) и вооружение (массивный щит, лика, меч, боевой топор, меч с полукруглым набалдашником и крестовиной) рыцарей, осаждающих крепость.
С миниатюры XII в.

янок обычаев, празднеств и игр, иные из которых восходили к языческим, дохристианским временам и которые уже, может быть, в силу одного этого встречали осуждение церкви и феодальных властей. Крестьянские пляски были предметом особого возмущения богословов, хотя до некоторой степени им приходилось считаться с тем, что Ветхий завет упоминает с большой терпимостью о танцах Давида или некоторых других библейских героев. Поэтому Фома Аквинский даже готов был допустить, что пляски — здоровое физическое упражнение, однако духовная сторона крестьянских празднеств смущала его, как и других моралис-

тов. С негодованием описывает Жак де Витри (1180—1244), французский историк и богослов, крестьянские пляски: в колокольчике, который несла женщина, руководившая танцем, чудится ему дьявольский звон. Его младший современник Этьен Бурбон рассказывает, как французские крестьяне во время таких же игр скакали на деревянных лошадах: когда один из них попытался въехать на ней в церковь, „дьявольская игрушка" вспыхнула и огонь охватил нечестивого всадника.

Церковь осуждала не только пляски, языческие по своему происхождению, но и иные формы крестьянского развлечения.

Легкий шлем с гербом, короткий меч в нарядных ножнах, легкий шлем знатного сеньора, изображенного в домашней обстановке за составлением письма.
Миниатюра. XII о.

Атсха ворот.
Миниатюра. XII е.

АНГЛИЙСКИЙ монах XV века осуждает игру, которую „некоторые называют футболом” и которая состоит в том, что „молодежь передает большой мяч не по воздуху, а толкая его ногами по земле”. Он называет футбол скверной и недостойной игрой, приводящей к увечьям и междоусобиям. Именно в крестьянском быту всего прочнее сохранялись архаичные, дохристианские верования и обычаи и сами христианские

представления и мифы переосмыслились и перекраивались на архаичный лад, получая новое содержание за счет фольклора, народных верований и социально-этических представлений. Деревенские священники звонили в церковные колокола, чтобы отогнать ураган, и обрызгивали местность святой водой в уверенности, что это обеспечит хорошую погоду. Церковное отлучение животных и гадов считалось эффективным средством. Языческие церемонии нередко сливались с обрядами церковных празднеств. Колдовские обряды пронизывали крестьянскую жизнь, причем к ним обращались женщины охотнее, чем мужчины. Бертольд Регенсбургский писал в середине XIII века: „Многие сельские жители попали бы на небеса, если бы только они не занимались колдовством”. По его словам, у деревенских женщин есть приворотные средства, чтобы заполучить мужа, и средства, которые они принимают перед рождением ребенка, и вообще средства на все случаи жизни. „Бед-

ные мужчины, — восклицает он, — чудо, что вы еще не лишены рассудка от всей той магии, которую применяют к вам женщины".

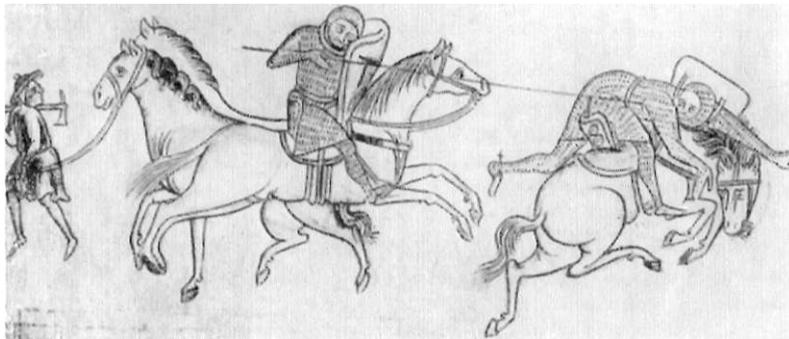
На другом полюсе средневекового общества находился класс феодалов. Это была очень сложная социальная категория, охватывавшая самые разные общественные слои — от королей и князей, на одной стороне, до неимущих нобилей, которые вели крестьянский образ жизни и сами ходили за плугом. Отличительными чертами класса феодалов (во всяком случае в XII веке) являются происхождение от знатных предков, обладание сеньориальными правами по отношению к зависимым лицам и специфическая общественная функция — несение военной службы. Если крестьянство объединялось и сплачивалось благо-

даря сельской общине, то индивид в классе феодалов включался в общественные связи иным образом — через феодальную иерархию. Крестьянские связи были, если так можно сказать, горизонтальными: не будучи равными, крестьяне в пределах общины мыслились, во всяком случае, равноправными, феодальная иерархия, напротив, строилась прежде всего по вертикали, и каждый феодал включался в нее (в принципе) как вассал какого-то сеньора и как сеньор каких-то вассалов.

Начиная с XII века в Европе складывается монополия господствующего класса на военное дело. Крестьянское ополчение сходит со сцены, и армии становятся отрядами профессиональных рыцарей — тяжело вооруженных и сражающихся верхом. Основным оборонительным вооружением рыцаря

164

Сплошная кольчуга с разрезом, круглый шлем без забрало, легкий щит, длинное копье рыцаря одержавшего верх в поединке. Миниатюра. XIII в.

165

Доспехи из лат. Миниатюра. XIV в.

166

Рыцарский турнир
в честь Дамы.

Резьба по кости.

1280. Лувр

167

Кольчуга, кольчужные перчатки и чулки, котта поверх кольчуги, копье, меч и легкий треугольный щит.

Статуя (св. Теодор в облачении крестоносца).

1224. Южный портал собора в Шартре.

Рыцарь в полном боевом облачении (поверх кольчуги котта).

Статуя. Середина XIII в. Собор в Реймсе

была кольчуга, сплетенная из стальных колец, иногда в два или три слоя. Она имела разрез спереди и сзади (для удобства при верховой езде) и свисала до колен. Несколько позднее входят в употребление кольчужные чулки и рукавицы, так что все тело оказывалось закрытым, кроме лица. Под кольчугой носили стеганую рубаху. Достоинством кольчуги была ее подвижность, соединенная с прочностью. Постепенно подвижность начали приносить в жертву прочности, защищая наиболее ранимые части тела металлическими пластинками. С XIV века доспехи стали делать сплошными, состоящими не из кольчуги, а из лат. Это было вызвано, с одной стороны, усовершенствованием оружейного мастерства, а с другой — зарождением огнестрельного оружия, против которого кольчуга не давала надежной защиты.

Голову воина закрывал капюшон, подбитый мягкой материей, поверх которого надевали шлем. Первоначально он представлял собой куполовидный железный головной убор с наносником и нащечниками. С конца XII века развиваются более массивные горшковидные шлемы, которые покрывали голову целиком и опирались на плечи. Они были слишком тяжелы, чтобы носить их во

168
Левая латная рукавица
Черного Принца (ум. 1376).
Кснтрсберийский собор.
Англия

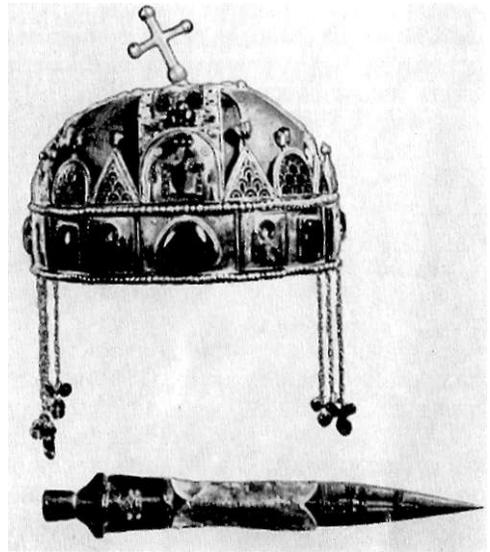
169
Рыцарский шлем.
Конец XI — начало XII в.
Рисунок. Музей армии.
Париж

170
Рыцарский шлем. XIII в.
Рисунок. Музей армии.
Париж

время похода, поэтому их приторачивали к седлу, заменяя легкими шлемами с острым гребнем. В XIV веке шлемы часто украшали нашлемниками из дерева с геральдическими фигурами. Их формы становятся разнообразными, варьируются в разных странах. Совершенной формой считали остроконечную, которая смягчала силу удара, заставляя оружие соскальзывать со шлема.

Рыцарские щиты первоначально были очень громоздкими, прикрывавшими все тело, но по мере развития доспеха их размеры сокращались: щиты стали делать треугольными и легкими, чтобы ими можно было манипулировать. На щите (а иногда и на сюрко, надевавшемся поверх кольчуги) был изображен герб рыцаря. Главнейшая часть герба — так называемый щит, который мог иметь разнообразную форму: треугольную, овальную и т. п. Щит герба расписывался разными красками (червленой, лазурной, зеленой) и украшался символическими изображениями (горностаевый или беличий мех) и геральдическими фигурами (лев, леопард, волк, орел). Из военного обихода гербы очень быстро проникают в повседневную жизнь, ими украшают мебель. Костюмы носят в соответствии с цветом герба, а помимо того покрывают одежду аппликациями и вышивками, изобража-

ющими свой герб. Если щит герба состоял из двух или четырех частей разного цвета, сюрко знатного человека также составлялось из двух или четырех кусков разных материй.

Основным наступательным оружием рыцаря было длинное копьё (в XIV веке оно достигало 4,5 м). Оно состояло из ясеневоего древка и железного наконечника; под нако-

171

Корона.
Меч св. Морица — один
из символов императорской
власти.

XI в. Музей истории ис-
кусств. Йена

172

Рыцарские доспехи начала
XIV в. (французского коро-
ля Филиппа Красивого,
слева, и его сына Карла
Балуа).

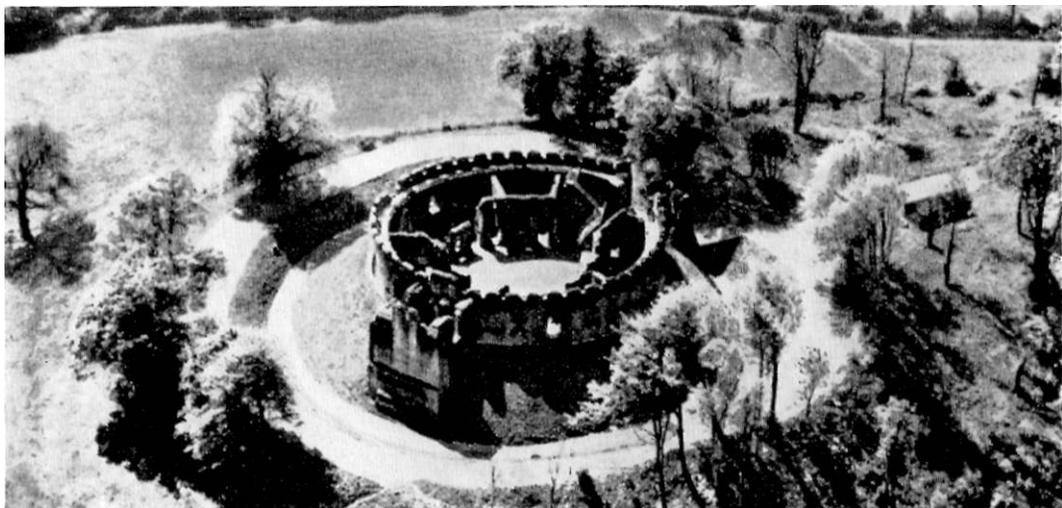
Собор. Шартр

нечник прикрепляли флажок, который имел и практическое назначение — мешал копью войти слишком глубоко в тело невооруженного человека. Применение такого копья стало возможным лишь после внедрения стремя: они давали всаднику опору, без которой он не мог бы действовать огромной пикой. Копье редко переживало одно сражение. В походе копьё держали на правом плече, перед началом боя их приводили в вертикальное положение, опирая нижний конец на правую шпору, во время сражения его держали горизонтально. В конном сражении задача рыцаря — выбить противника из седла, а в тяжелом вооружении воин, как правило, уже не мог подняться без посторонней помощи.

Помимо недолговечного копья рыцарь был вооружен железным мечом. Раннесред-

невековые мечи сравнительно коротки: в IX—X веках распространяются массивные и длинные (до метра) мечи с полукруглыми набалдашниками и прямой крестовиной. Мечи украшали (по рукояти) драгоценными камнями, им давали личные прозвища, они переходили от отца к сыну, о мечах складывались легенды. Христианские представления также влились в культ этого грозного оружия: ведь меч с крестовиной (с IX века она становится все длиннее и тоньше) напоминал крест, символ Христа, и когда рыцари клялись на мече, было не ясно, чего больше в этой клятве — язычески-варварского или христианского.

Военная служба в рядах тяжеловооруженной кавалерии предполагала природные качества, длительную подготовку и постоянные тренировки. Надо было обладать

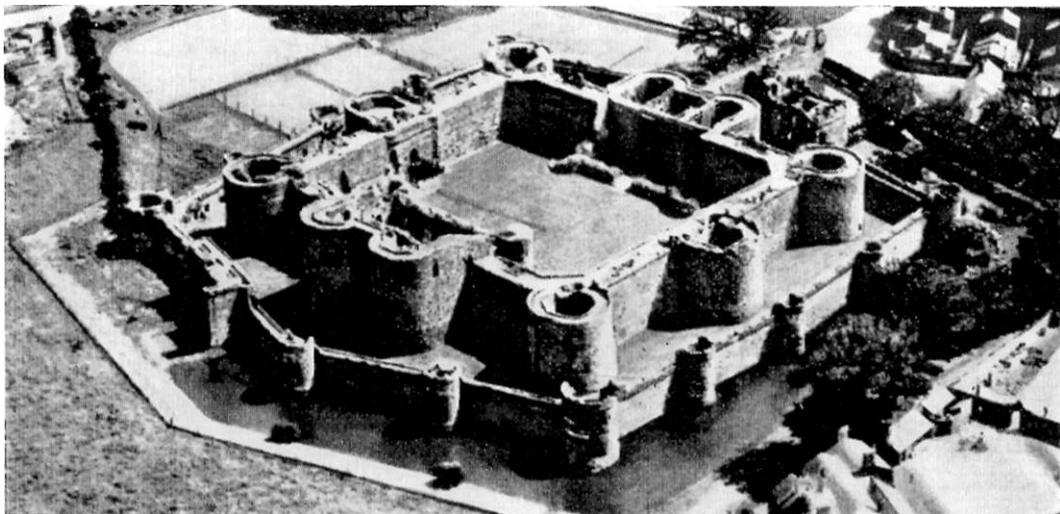
176
Круглый донжон
на насыпном холме.
XII в. Нормандия

177
Донжон. 1105—1137 гг.
Департамент Сена и Уаза.
Франция

178
Кастель дель Монте.
1240 г. Южная Италия

179
Крепость Бомари
XIII в. Северная Франция

кие удары копьем (в грудь или в центр щита), но в других случаях требовалось выбить противника из седла. Рыцари, прикрывшись щитом и наклонив голову, разгоняли коней и стремились точным ударом сразу же достичь победы. Таких поединков могло быть сто и даже двести, и они продолжались несколько дней. Затем устраивали главное состязание — имитацию сражения двух отрядов, формировавшихся часто по „нациям” или по областям. Такие сражения были особенно опасными, потому что сброшенные на землю воины подчас оказывались растоптанными разгоряченными конями. Победители брали противников в плен, отнимали коней и оружие, заставляли платить выкуп. По окончании турнира дамы раздавали награды. Некоторые рыцари сделали себе из турниров средство наживы, и довольно прибыльное. Хотя со временем

мечи и копья для турниров стали притуплять, жертв бывало много и подчас раненых увозили в повозках.

В централизованных государствах, в Англии например, предпринимались попытки поставить предел этой растрате человеческого материала, а церковь осуждала турниры и даже лишала погребения павших во время таких игр. Но обычай оказался неискоренимым.

Война была профессией рыцарей, установление мира казалось им обременительным. Война воспринималась не только как развлечение, но как источник доходов, ибо средневековая война была непрерывным грабежом, а грабеж подчас перерастал в феодальную распрю, когда весь линияж поднимался, чтобы отомстить за нападение. В Европе складывается к концу XI века широкий слой бродячих рыцарей, готовых оставить свой дом и скудные земли, чтобы отправиться на край ойкумены — в Испанию или Малую Азию — в поисках славы и добычи.

Профессиональные воины из поколения в поколение феодалы выработали особую форму социальной психологии, особое от-

ношение к окружающему миру. Для христианского сострадания там не было места: средневековье было не просто безжалостным, но и вводило расправу в ранг достоинств. „Нет войны без пожаров и крови“, — откровенно возглашал провансальский трубадур XII века рыцарь Бертран де Борн.

Презрение к смерти сочеталось с пренебрежением к чужой жизни, с неуважением к чужой смерти. Сицилийские норманны, взявшие в 1185 году Солунь, развлекались тем, что раскладывали на улицах трупы убитых в обнимку с мертвыми ослами и собаками. Рыцарь готов был отдать жизнь за сеньора, но у него не было угрызений совести, когда он забирал чужое имущество и отнимал чужую жизнь. Воспитанный в огне и крови, характер рыцаря был, более импульсивным, нежели расчетливым: планомерное построение жизни не привлекало феодала-рыцаря, который предпочитал повседневному труду быстрое обогащение и щедрые траты. Трубадур Альбер де Маласпина гордо заявлял, что он брал чужое, чтобы раздавать, а не копить.

Европейские феодалы (за исключением, пожалуй, Италии и Южной Франции) сели-

лись вне городов. Те, кто имел возможность, укрепляли свои дома, возводили замки. Со временем замок становится таким же символом средневековья, как и ветряная мельница. Постоянные войны, набеги норманнов, страх перед угнетенным крестьянством — все это стимулировало возведение замков, которые превращаются в мощные каменные фортификации.

В X веке замок — это деревянная прямоугольная в плане башня (донжон), возведенная на естественном или насыпном холме. Она окружена валом, палисадом и рвом. Донжон разделялся деревянными перекрытиями на несколько ярусов-этажей, сообщение между которыми поддерживалось по приставным лестницам, которые убирались во время опасности через люки, прорезан-

ные в перекрытиях. Нижний ярус мог быть забит балластом, и вход (также по приставной лестнице) вел сразу на второй этаж, плохо освещенный и служивший складом. Жилище феодала и его семьи находилось на третьем этаже, здесь помещался очаг с козырьком. Слуги размещались выше. В нижнем этаже иногда устраивали колодец.

Постепенно строительство замков усложняется. Их возводят из камня, хотя перекрытия (например, в Нормандии) долго оставались деревянными, что создавало угрозу пожара во время осады. Каменные своды начинают строить на юге. Палисад сменяет стена, нередко тройная, укрепленная угловыми башнями и увенчанная зубцами с бойницами. Принцип средневековой фортификации состоял в создании системы последовательных препятствий. Осажденным предстояло прежде всего преодолеть ров, сухой или же наполнявшийся водой из соседней реки. Через ров перекидывался съёмный мост, по обе стороны которого воздвигались башни, превращавшие мост в самостоятельную небольшую крепость. Перед мостом, на наружной стороне рва, воз-

водили деревянные укрепления. За рвом лежало широкое открытое пространство, проникнув на которое осаждавшие оказывались под обстрелом со стен и башен крепости. Главная стена поднималась отвесно над открытым пространством и благодаря своей высоте оставалась практически недоступной для штурма с помощью приставных лестниц. Ворота фланкировались башнями. Стены и башни имели талус — скошенное утолщение у основания. Внутри главной стены шла другая, а еще глубже располагался донжон.

Замок усложнялся не только как фортификационное сооружение. Он включал в себя теперь, помимо донжона двор, на котором сосредоточивалась общественная жизнь: там располагались (обычно между двумя стенами) дом владельца, замковая капелла, колодец, „банальная" печь (как символ феодального господства) и дома ремесленников — эмбрион растущего города. Замок был символом феодальной независимости и вместе с тем средством господства над окружающим районом. Недаром подземелье, где содержались пленники во тьме и

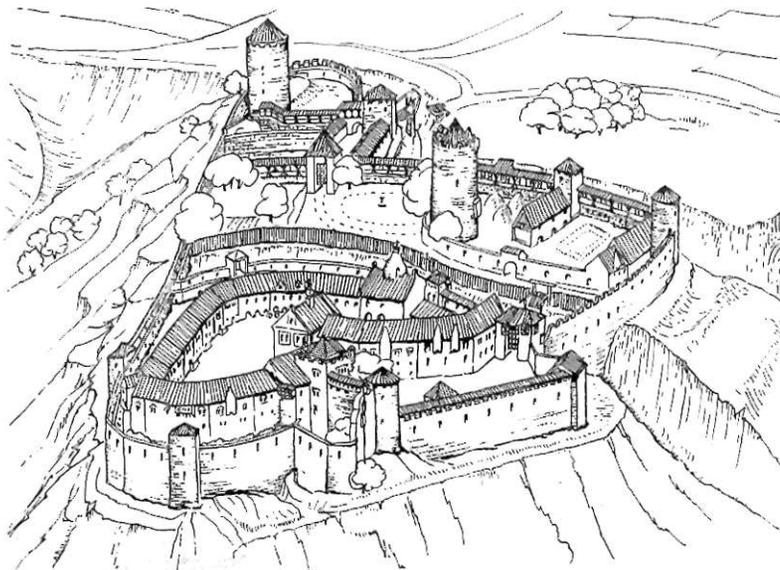
Б голоде, становится столь же обязательным элементом замковой архитектуры, как и возносящийся к небу донжон.

Классическая страна замков — Франция. В Германии, если не считать королевских дворцов (пфальцев), замки по своим архитектурным и стратегическим качествам уступают французским. Обычно это донжоны, высшие на неприступной скале, оборона которых в большей степени обеспечивалась естественными условиями, нежели инженерным искусством строителей.

Система замков вызвала к жизни и систему осадных орудий. Часть из них была заимствована из античной военной техники: передвижной дом на колесах, который поддвигали к самым стенам осажденной крепости, и таран. К началу XIII века в осадной технике появляются два важных нововведения, заимствованные с Востока. Во-первых, петрария — стенобитная машина, работавшая на принципе противовеса; она состояла из длинного бруса, закрепленного на оси, один конец которого был короче и толще и на который прикреплялся груз; ког-

да ремень, сдерживавший длинное плечо петрарии, отпускали, груз ударял по стене, ломая камни. Во-вторых, был применен так называемый греческий огонь — горячая смесь, состоящая из нефти, серы и смолы, которую направляли на крепость из специальных сифонов.

Далеко не все феодалы владели замками. Низший слой господствующего класса составляли простые рыцари, рыцарская беднота, не имевшая своих крепостей. Некоторые из этих рыцарей были по происхождению министралями — домашними слугами короля или баронов, подчас даже несвободными людьми, получившими по тем или иным причинам доступ в ряды феодалов. Высший слой знати распадался на шатлэнов (обладателей замка), баронов (крупных сеньоров) и территориальных князей, включая короля. Но при всем своем различии все они (с середины XI века) рассматривались как единая категория рыцарей, вступление в которую было сопряжено с особой символической церемонией — посвящением. Посвящение знаменовало переход к зрелости и самостоятель-

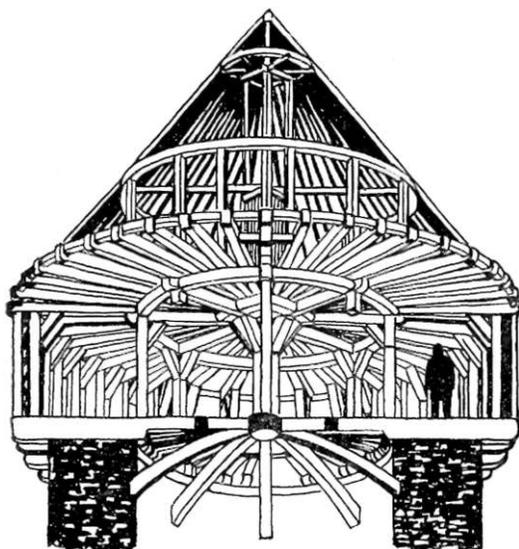
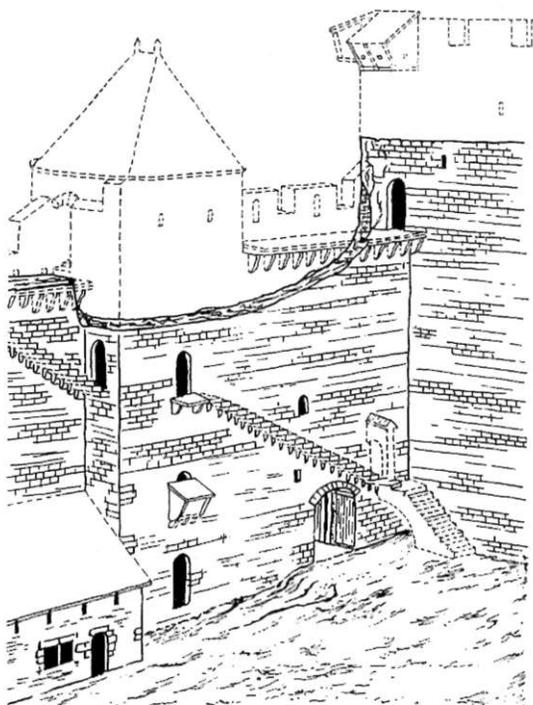
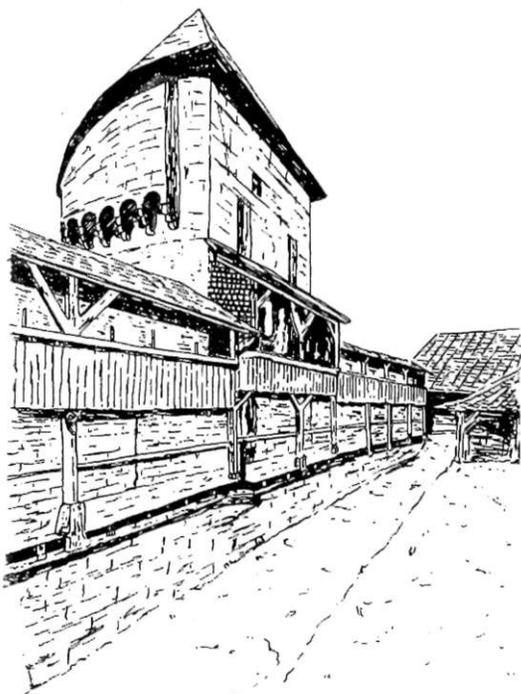

182
Немецкий замок Нойенбург.
XII—XIII со.
Реконструкция

183
Замок Шийон.
Франция.
Рисунок

184
Замок Найяк.
Франция. Рисунок

185
Внутренний план донжона.
Рисунок.
Конец XII — начало XIII в.
Архив замка Лаваль.
Франция

ности — подобно ремесленному шедевру, оно завершало длительный (семилетний) искус, когда юноша в качестве дамуазо (damoiseau), слуги и оруженосца, проходил обучение у опытного рыцаря, прислуживая ему за столом, чистя его коня и разделяя с несвободными слугами все заботы о своем наставнике. И вместе с тем посвящение подчеркивало еще раз существование грани, не всегда непроходимой, но всегда отчетливой, между профессиональными воинами-феодалами и всеми остальными слоями населения. Сама церемония состояла из нескольких этапов. Прежде всего дамуазо надевали шпоры и один из старейших рыцарей препоясывал его мечом — самым почетным оружием. Затем посвящающий наносил юноше удар ладонью по затылку или по щеке — единственную в жизни пощечину, которую, по словам хрониста Ламберта Ардрского, рыцарь может

136
Замок Эльц.
Мозель. 1240 г.

187
Замок.
1283—1290 гг.

получить, не возвращая. Весь ритуал завершился показом ловкости нового рыцаря: вскочив на коня, он должен был пронзить копьем установленную мишень.

Церемония посвящения носила первоначально совершенно мирской и, более того, языческий характер. Только постепенно церковь включает ее в религиозные рамки: накануне посвящения юноша должен был бодрствовать всю ночь в часовне, затем, на рассвете, ему надлежало возложить свое оружие на алтарь и посвятить его богу, выстоять мессу и получить причастие. В некоторых случаях уже не рыцар, а епископ совершал основной элемент посвящения — препоясывание мечом. В ритуале посвящения

огромную роль играла символика цвета и предметов. На юношу надевали белую рубашу из полотна или шелка — символ его чистоты, а сверху алое сюрко — знак крови, которую он прольет во имя церкви. Его шосс были коричневого цвета, ибо человеку суждено вернуться в землю, а пояс — белого, знаменуя „незапятнанность чресел“. Навершие меча было украшено крестом, а двулезвийный клинок считался символом стойкости и верности в защите слабого против сильного и бедняка против богатого.

Как рыцарь посвященный принадлежит классу феодалов и вместе с тем он включается внутри этого класса в гораздо более конкретные — личные и имущественные — связи. Он становится вассалом. Личный договор между вассалом и сеньором носил название оммаж: принося оммаж сеньору, рыцарь просил его покровительства (коммен-

или его символ — палочку (*festuca*), знаменующую принятие человека в его новую семью. Передача оружия или фестуки — языческий обряд, но и в этом случае церковь стремится поставить его под свой контроль, дополняя церемонию омжа клятвой, которую вассал должен был приносить на мощах святых.

Центральным моментом вассальных отношений является обязанность верности и любви вассала по отношению к сеньору. В идеале вассал служит не во имя денег, но во имя любви к сеньору; тот, кто нарушает любовь и верность, ставит себя вне закона. Показательно, что терминология вассальных отношений та же, что характеризует отношения рыцаря к идеальной даме и мистика к богу. Но хотя в идеале вассальные отношения должны были строиться на чувстве, а не на расчете, феодальное право довольно четко определило обязанности вассала, которые покрывались двумя латински-

188

Оборона крепости.

Миниатюра. XIV в.

189

Доюр на сторожевой башне.

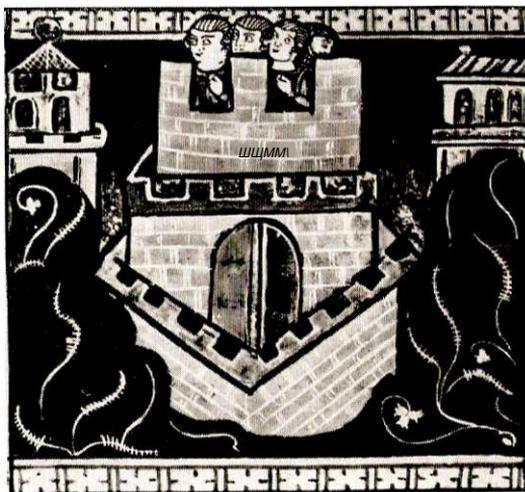
Миниатюра. XIII в.

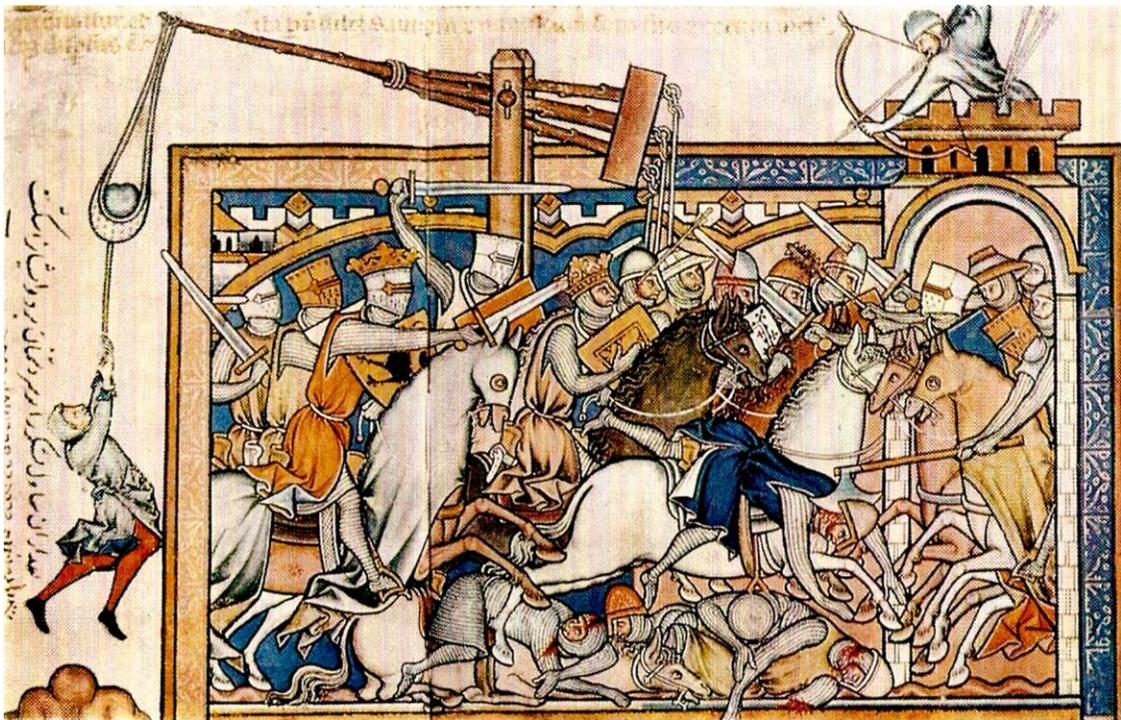
190

Осадное приспособление — петрария.

Миниатюра. 1240 г.

дировался) и как бы признавал себя его „человеком“ (*homo*), что и дало происхождение термину „*homagium*“ — омж. Этот институт известен в графстве Барселона с начала XI века. В первой половине XI столетия он распространяется в Южной Франции, затем охватывает северные области; в Германии он засвидетельствован впервые в 1077 году. Как и посвящение, омж — символическая церемония. Вассал клал соединенные руки в ладони сеньора и произносил формулу: „Сир, я становлюсь вашим человеком“; за этим следовала присяга на верность и поцелуй, так что вассала описательно именовали „человеком уст и рук“, ибо руками и губами он совершал обряд омжа. Со своей стороны сеньор передает вассалу оружие

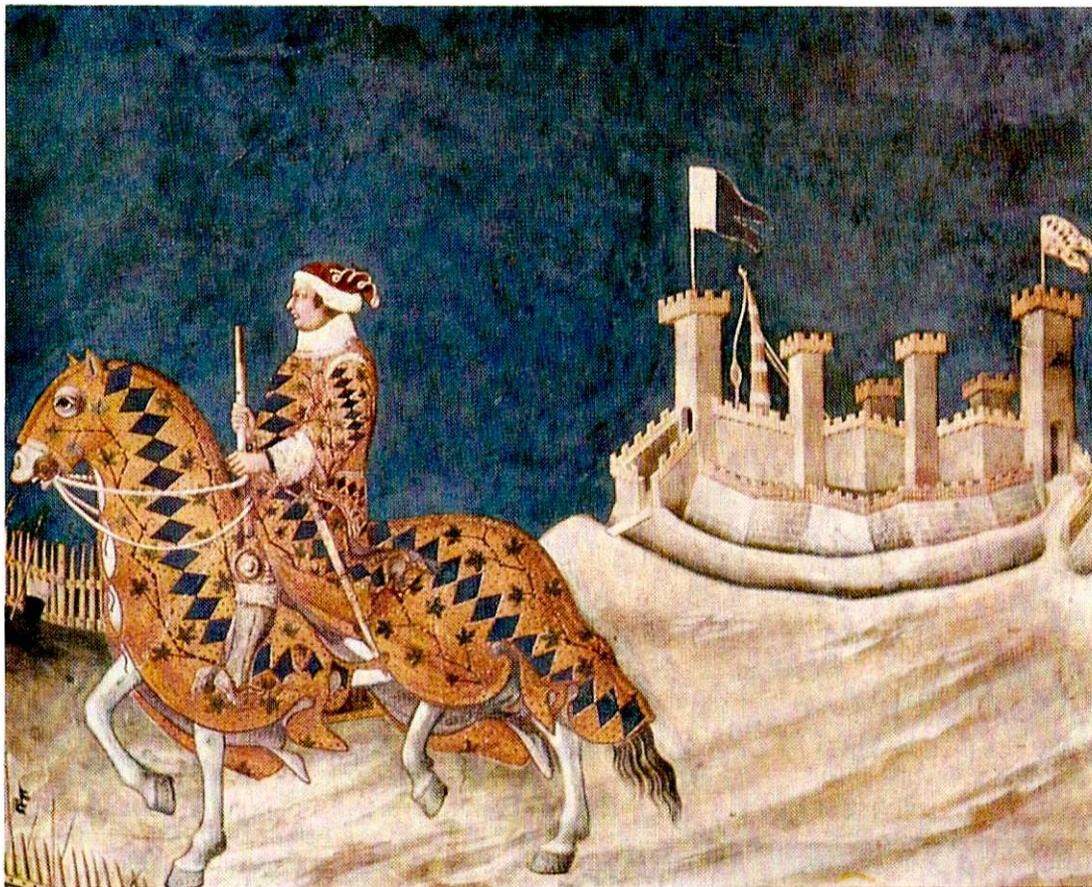

ми терминами: *consilium* (совет) и *auxilium* (помощь). Совет заключался прежде всего в том, что вассал должен был участвовать к курии сеньора, которая была своего рода его судебнно-административным советом. Без курии сеньор не мог отправлять юрисдикцию, решать имущественные вопросы (отчуждение земли), судьбы своих детей. Решение курии должно было быть единогласным.

Помощь состояла из двух элементов — военного и финансового. Вассал был обязан прежде всего нести военную службу—участвовать в походах сеньора, в защите его замка. Срок этой службы иногда исчислялся сорока днями в году. Финансовую помощь вассал должен был оказывать в трудный или торжественный момент жизни сеньора: для выкупа его из плена, при выдаче дочери замуж, при посвящении сына в рыцари. Со своей

стороны сеньор принимал обязательства по отношению к вассалу — защищать и поддерживать его. Конечно, на практике система не была столь безупречной, как в идеале: вассалы могли предавать своих сеньоров, и мифологические фигуры Дьявола и Иуды сливаются в средневековом сознании с образом вассала-предателя. С другой стороны, сеньоры нередко злоупотребляли своими правами, взыскивая чрезмерные поборы или заставляя вассалов слишком долго служить в войске. Противоречия между сеньорами и вассалами нередко выливались в столкновения, и все-таки вассальная система, придавая социальной солидарности семейно-клановый облик, скрепляла единство господствующего класса.

Одним из существенных элементов, определявших прочность и эффективность вассальных связей, было пожалование вас-

салу фьефа, или феода. Фьеф, как правило, представлял собой земельное владение, хотя со временем развиваются и так называемые невещные фьефы — феодальные доходы от пошлин, баналитетов и т. п. Передача фьефа проходила в форме символического акта, так называемой инвеституры, которая осуществлялась через вручение вассалу предмета (кольцо, посох, перчатки, даже пучок соломы), который символизировал недвижимое имущество или право. Наделение фьефом, инфеодация, до XIII века лишь крайне редко закреплялась составлением документа: средневековье было эпохой ритуального жеста,

а не письменного акта; слово и жест, совершаемые публично, были не менее значимы, чем грамота. Своеобразие феода заключалось в том, что он являлся, так сказать, расщепленной собственностью, на которую оба контрагента имели права. Хотя термин „собственность“ (dominium) прилагался обычно к правам сеньора, а права вассала обозначались термином „владение“ или даже „держание“, в действительности же именно держание приближалось к собственности в римском понимании слова, тогда как верховная собственность сеньора реализовалась лишь в получении символической

Итальянский замок на холме;
справа — вражеский лагерь.
Деталь фрески. 1328 г.
Палаццо Публице. Сиена

ренты (пара шпор, к примеру). Однако в случае неверности вассала его фьеф подлежал конфискации. Первоначально владение фьефом (его называли также бенефицием) было личным, оно прерывалось смертью любого из контрагентов. Постепенно этот обычай исчезает, и фьефы становятся наследственными. Оммаж и пожалование фьефа знаменовали включение рыцаря в вассально-ленную систему. В каждом королевстве король имел своих держателей, среди которых были как бароны (в свою очередь разделявшиеся на несколько рангов: виконты, графы, герцоги и т. п.), так и

рядовые рыцари. От баронов держали фьефы их вассалы — шатлэны, а вассалами шатлэнов были рыцари.

Принадлежность к классу профессиональных воинов, внутренне сплоченному вассально-ленной системой налагала на человека определенные (идеальные) обязанности и в очень большой степени определяла его образ жизни. Одна из основных доблестей феодала — щедрость. Сеньор живет в замке, окруженный челядью, рыцарями, оруженосцами, и расходует на них богатства, полученные в форме крестьянской ренты. Если средств не хватало, он мог нарушить обычай и потребовать с крестьян больше хлеба, поросят, птицы или попытаться восполнить недостаток грабежом и военной добычей. Богатство — не самоцель в рыцарской жизни. Оно приобретает для того, чтобы быть розданным, растраченным, но непременно публично. Публичное расточительство — во время пиров, празднеств, турниров, — приобретающее подчас экзотические формы (вплоть до засеивания полей серебром), имело определенную социальную задачу феодального самоутверждения. Оно рассматривалось как внешнее выражение доблести и удачи. Трубадуры на все лады прославляли щедрость сеньоров. В рыцарских романах щедрость выступает как истинно королевское свойство. Напротив, корыстолюбие, скупость, расчетливость в глазах рыцарского общества XII—XIII веков оказывается одним из самых позорных пороков.

Но наряду с культом щедрости рыцари (как социальная категория) чрезвычайно заботливо относились к сохранению целостности своих земельных владений — основного источника существования. В феодальной практике с конца XI века утверждается система, отдававшая предпочтение стар-

192
Омм аж.
Из манускрипта конца X
начала XI в.

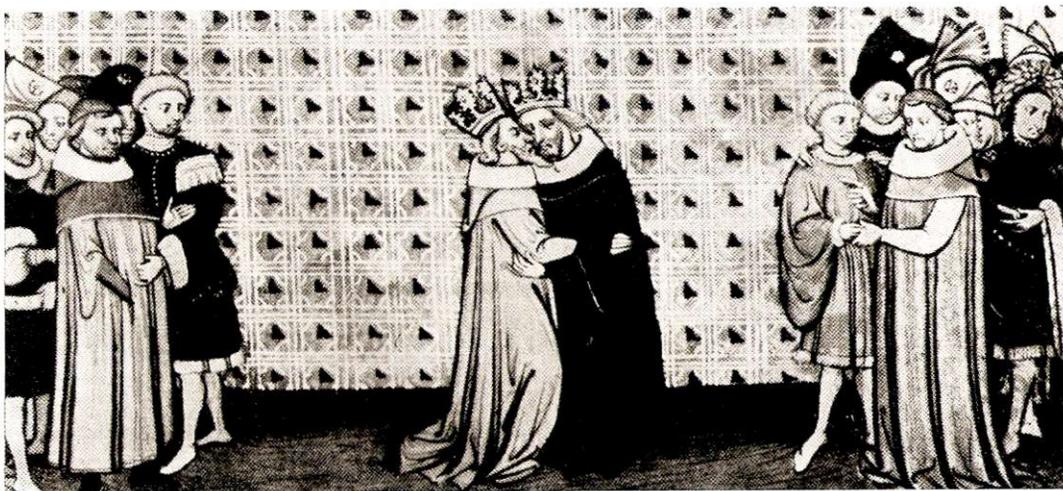
193
Герцог Вильгельм вручает
оружие рыцарю Харольду,
своему вассалу.
С гобелена XII в.

тому сыну, — именно он получает львиную долю отцовского феода. Более того, многие рыцарские роды ограничивают браки младших сыновей, которые либо становятся духовными лицами, либо живут холостыми в замке старшего брата, не имея никакой надежды (если не придет на помощь счастливый случай) получить экономическую независимость. Именно эти так называемые молодые (*les jeunes*) — благородные, но бедные, не получившие земельных пожалований и обеспеченного места в феодальной иерархии рыцари — обусловили „подвижность, кипение и агрессивность“, по выражению французского историка Ж. Дюби, — свойства, столь характерные для рыцарской аристократии средневековья.

Другое важнейшее понятие рыцарской морали — служение. Откуда бы ни вывести идею рыцарского служения — из варварской верности вождю или из христианского учения о небесной иерархии (развитого еще около 500 года Псевдо-Дионисием, ставшим известным на Западе благодаря латинской переработке ирландского монаха Эригена), — к XII веку она охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности и самые представления о космосе. Отношения

с богом мыслятся как служение человека, предполагающее (хотя бы в загробном мире) щедрое вознаграждение. Верность — характернейший предикат вассальных отношений — распространяется и на понятие связей человека и бога, причем верность предполагается не только со стороны человека, но и со стороны господина: он мыслится не только богом верных, но и верным богом (как

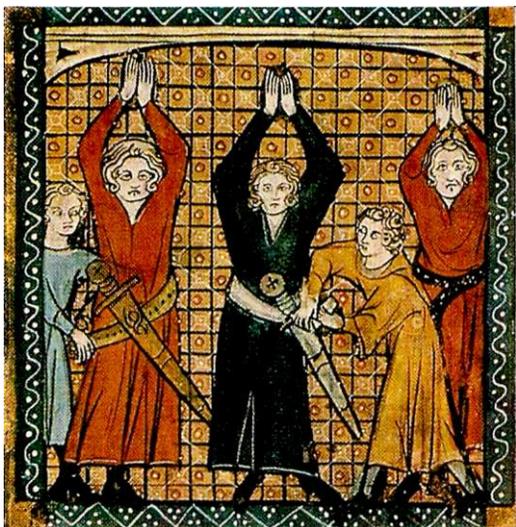

195
Ритуальный поцелуй, скрепляющий вассальный договор английского короля Эдуарда III и Филиппа VI Аквитанского.
Миниатюра. XIV в.

194
Вассальный договор: рыцарь получает меч от своего сеньора — короля.
Миниатюра. Начало XIV в.

196
Опясывание мечом — элемент посвящения в рыцари. Символика цвета.
Миниатюра. Начало XIV в.

верным должен быть и сеньор вассалу). Молитва осмыслялась как коммендация сеньору, в результате которой господин брал на себя защиту человека, а тот получал „правовую“ надежду на получение фьефа на небесах. При этом иерархизирующее сознание средневекового человека конструирует, помимо верховного защитника — бога, еще и под ним стоящего специального заступника — святого. В образах феодального быта рисуется и день Страшного суда, когда господин со своими „лучшими людьми“ соберет свой двор, свою курию и будет судить правых и виноватых, как это делает феодальный сеньор. В рыцарских образах формулируется и космическая борьба, „справедливого короля“ (то есть бога) против отпавшего тирана-Диавола. Оба они окружены своей свитой, рыцарями и слугами-министериалами. Христос в миниатюрах псалтырей XII века представлен полководцем с мечом и щитом, в кольчуге, со шлемом на голове. И как мы уже видели, в рыцарских образах и терминах формулируют поэты XII века свое служение даме.

Высокие принципы щедрости и служения подчас превратно реализовались в действительной жизни. В XII веке, в эпоху рас-

Музыкант и танцовщица.
Миниатюра XII в.
Сокровищница собора
о г. Ванн

198
Флейтист и жонглер.
Миниатюра XII в.

199
Музыкант, играющий на ре-
беке (предшественнике
скрипки).

С латинского манускрипта
начала XIV в.

200
Вольнщик.
Деталь миниатюры
начала XIV в.

цвета рыцарства, Этьен де Фужер упрекал французских дворян в том, что они только и заботятся, что о танцах и развлечениях, об охоте и турнирах. Они приносили клятву защищать слабых — вдов, сирот, а на деле крестьянам оставалось лишь одно — надеяться на эгоистическую мудрость сеньоров, согласно французской средневековой поговорке: „С кого раз сдерешь шкуру, того не пострижешь дважды". Характерно, что критика рыцарства в XII—XIII веках осуществлялась преимущественно с рыцарских позиций: ему ставили в вину несоответствие рыцарскому идеалу, недостаток доблести и верности, нежелание подвергать себя опасностям и забвение таких образцов истинного рыцарства, как Александр Македонский и король Артур.

Когда не было войны, жизнь рыцаря ограничивалась охотой, обедом и долгим сном. Ведением хозяйства он не занимался — это

противоречило сословной этике. Хозяйство своего поместья и даже суд над своими крестьянами сеньор, как правило, перепоручал старосте и приказчикам, хотя и участвовал в соответствии с принципами вассалитета в заседании судебной курии, разбиравшей дела его „равных", или возглавлял курию, судившую его вассалов. Вечерами обитатели замка собирались вокруг очага, играл и в кости и в шахматы. Особенно скучным временем были долгие зимние вечера, когда трудно было удержать рыцарей — холостую молодежь, нередко голодную (зимний рацион был ограниченным) и еще чаще пьяную — от взаимных оскорблений и драк. Утомительно-однообразный распорядок дня нарушался приездом гостей (редких в условиях средневековой привязанности к месту), турнирами или празднествами, когда в замок приходили жонглеры. Словом „жонглер" обозначали людей самых разных специальностей, вы-

полнявших единую функцию — развлечения. Это были дрессировщики медведей и обезьян, акробаты, умевшие танцевать на канате и ходить на руках, музыканты и певцы, рассказчики фаблю и романов, наконец, трубадуры. В замках они появлялись обычно в дни турниров, свадеб или посвящения в рыцари, и подчас их представление принимало характер состязания певцов и акробатов. Противоречивой и сложной была судьба жонглеров. Как правило, выходцы из городских низов, они связали свою судьбу с феодальными замками, где они были всего лишь приятным развлечением. Отсюда их стремление быть более рыцарственными (в своем творчестве), чем рыцари, и вместе с тем их принижал непроходящий страх за свое существование, постоянное „интеллигентное" нищенство, просьбы о милостыне. Они принадлежат этому миру замков с его грубостью, они поносят друг друга последними словами; их буффонада сродни тем вкусам, где острое слово связывалось с низким дурачеством, шутство — с физическим уродством, и недаром карлики и горбуны особенно ценились в челяди могущест-

венных сеньоров. А вместе с тем именно жонглеры находили силы и мужество для стихов, осмеивавших пороки феодального общества.

Из рутины повседневности рыцаря вырывала война. Но и на войне и в мирных условиях феодал всегда выступал членом сплоченной социальной группы или даже нескольких групп — линьяжа, основанного на кровных связях, сообщества совместно живущих в замке рыцарей и дамуазо, сотрудничества „равных" (пэров) — вассалов одного сеньора. По английской поговорке XIII века „сеньор не садится за стол один" — длинные столы и длинные скамьи поэтому характерная мебель феодального замка. Корпоративность феодального быта отвечала корпоративной организации сословия феодалов.

Третьим сословием средневекового общества было духовенство. В теории оно представляло собой единую социальную категорию, обладавшую общим главой — папой римским, который как бы занимал вершину иерархии, подобной вассальной иерархии, объединявшей рыцарство. Церковная иерархия состояла из нескольких ступеней:

201
 Мистическая коронация
 императора Генриха II.
 Миниатюра. XI в.

епископов, священников, диаконов, за которыми следовали низшие клирики. Единство духовенства подчеркивалось общностью исполняемой ими функции—богослужения, которое должно было отправляться единообразно, на одном (латинском) языке, в одно и то же время и в соответствии с единым календарем во всех церквях Европы. Однако идеальное универалистское единство церкви, которое с такой энергией насаждали и поддерживали многие папы с середины XI века, стояло в противоречии с тенденцией к партикуляризму, естественной в средневековых условиях. В одних случаях церковь той или иной страны становилась

„королевской“ церковью, поддерживая короля против папы, в других — епископы превращались в территориальных князей, стремившихся к упрочению своего самостоятельного государства. Локальные традиции приводили к различным формам богослужения, что служило постоянным основанием для конфликтов между „национальными“ церквями. Наконец, единство церкви подрывалось монашеством, которое (в идеале) должно было быть инструментом папского влияния по всей Европе, но которое в действительности распадалось на ряд орденов, руководствующихся собственными уставами и заботившихся о процветании ордена больше, нежели о процветании церкви. Духовенство не было единым и по другой — социальной — причине: оно включало в себя в социальном смысле весьма разнородные элементы от князей церкви (прелатов), происходивших из баронских, а то и королевских семей, до приходских священников, подчас вышедших из крестьянства и мало отличавшихся по своему быту от крестьян соседей.

Основной функцией духовенства было богослужение. Церковь должна была быть постоянно открытой, огонь в светильниках постоянно поддерживаться. Священники совершали обычное и более торжественное праздничное богослужение, важнейшим элементом которого являлась месса, в ходе которой магически осуществлялось превращение хлеба и вина в тело и кровь Христова, после чего верующие причащались — миряне хлебом, клирики хлебом и вином, подчеркивая тем самым свое особое место в социальной иерархии. Кроме того, в обязанности священников входило крестить детей, причащать умирающих, благословлять странников, принимать исповедь кающихся, раздавать святую воду. Но они выходили за пределы божественного, становясь организаторами общественной жизни прихода: церковные колокола возвещали опасность, в засуху священник молил о дожде.

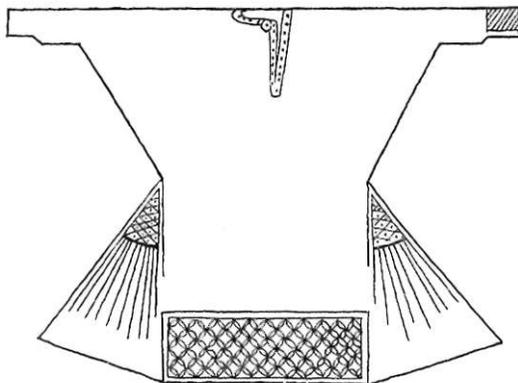
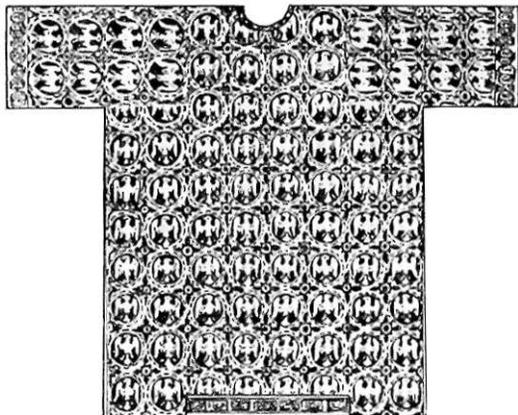
де, в период эпидемии — о прекращении болезней. Он был самым ощутимым посредником между земным и небесным миром. Этой тенденции средневековой церкви — вынести свое действие на площадь, выйти за пределы храмового пространства и соответственно освободиться от униформизма, накладываемого традиционностью богослужебного обряда, — во многом содействовала религиозная драма. Она предстает перед нами внутренне противоречивым явлением: с одной стороны, церковь враждебно относится ко всяким играм и пляскам, представлениям жонглеров, языческому театру, с другой — в самом богослужении заключен элемент театральности, и церковь понимает силу воздействия процессий и наглядных образов театрального действия. Вот почему духовенство начинает использовать драматические эффекты для пропаганды Библии: сперва инсценировка отдельных библейских эпизодов — волхвы въезжают верхом в церковь, ангел и жены-мироносицы разыскивают гробницу Христа; затем действие усложняется, воспроизводя то рассказ о грехопадении Адама и Евы, то историю распятия Христа. Европейская религиозная драма представлена тремя основными типами: литургическая драма, полулитургическая драма и мистерия. Литургическая драма, по сути дела, часть праздничной литургии (на рождество и на пасху) и разыгрывается она перед алтарем на языке богослужения, то есть на латинском языке. Ее актерами являются духовные лица, облаченные в соответствующие одеяния — альбу и рясу. Полулитургическая драма перемещается от алтаря в церковный неф (корабль) и даже к portalу храма. Текст в основном остается латинским, но в него вкрапливаются партии на народных наречиях. Костюм несколько приближается к одеждем эпохи. Актерами остаются в основном священники и клирики, но иногда привлекаются и миряне. Женские роли по-прежнему исполняются мужчинами. Воздвигают-

202

*Заупокойная служба.
Из манускрипта XI с.*

ся подмостки, на которых находятся все актеры, причем говорящий выдвигается немного вперед, чтобы после окончания реплики занять прежнее место. Наконец мистерия покидает храмовое здание и оставляет латинский язык. Ее действие переносится на площадь перед церковью, актерами становятся горожане — ремесленники и торговцы, а также низшая знать и клир. Язык — разговорный, а платье — богатые одежды того времени. Сюжеты мистерии черпались из христианской мифологии, но переосмысливались и перекраивались относительно свободно, что было бы невозможным в ходе церковного богослужения. Мистерия вместе с языком утрачивает универсалистские черты и приобретает национальную окраску.

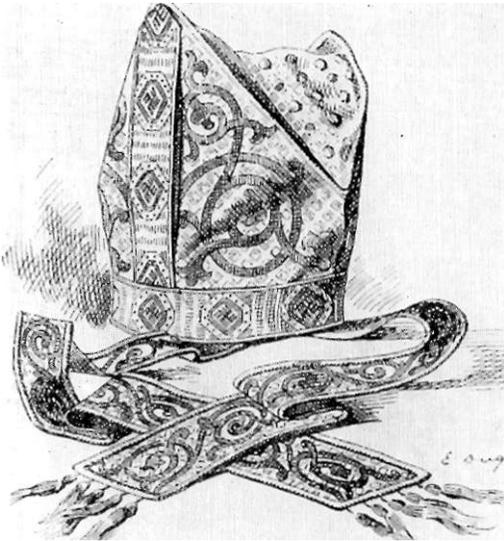

По самой своей природе духовенство было открытым сословием. Правда, до середины XI столетия приходские священники нередко были женатыми, но после установления celibата клир мог пополняться только за счет выходцев из других сословий. Сюда вливались младшие сыновья сеньоров, которых система сохранения неделимых держаний выталкивала из пределов рыцарства. Но доступ в ряды клира был возможен и для других общественных разрядов, хотя лично зависимый крестьянин должен был платить выкуп, если его сын становился клириком, но в принципе подобная карьера не исключалась. Низшая ступень духовенства — это клирик или диакон приходской церкви, который помогал священнику отправлять службу, а в его отсутствие мог читать молитвы во время утрени или вечерни. Английский историк Г. Каултон называет эту ступень „естественной формой ученичества“, и в самом деле такой клирик в течение нескольких лет практики овладевал всеми секретами ремесла священника, как ученик — ремеслом сапожника или дамуазо — воинским искусством. Низшие клирики (как исключение) могли быть женатыми людьми. Они знали грамоту и помимо своих церковных обязанностей выполняли некоторые другие: обучали детей читать и писать, составляли купчие и дарственные документы, вели приказчицы отчеты в крупных (церковных и монастырских) хозяйствах. Окончание ученичества завершалось поставлением священником. Обряд выполнял епископ, которому надлежало прежде всего проверить грамотность и моральный уровень посвящаемого, понимаемый, впрочем, довольно формально: так, доступ в ряды

203
Облачение аббата Муассака.
Из латинского манускрипта
1070 г.

205
Альба, приписываемая св.
Томасу Кентерберийскому.
XIII в. Рисунок

204
Далматика, приписываемая
со. Этьсн. XIII в.
Собор в Амбацке

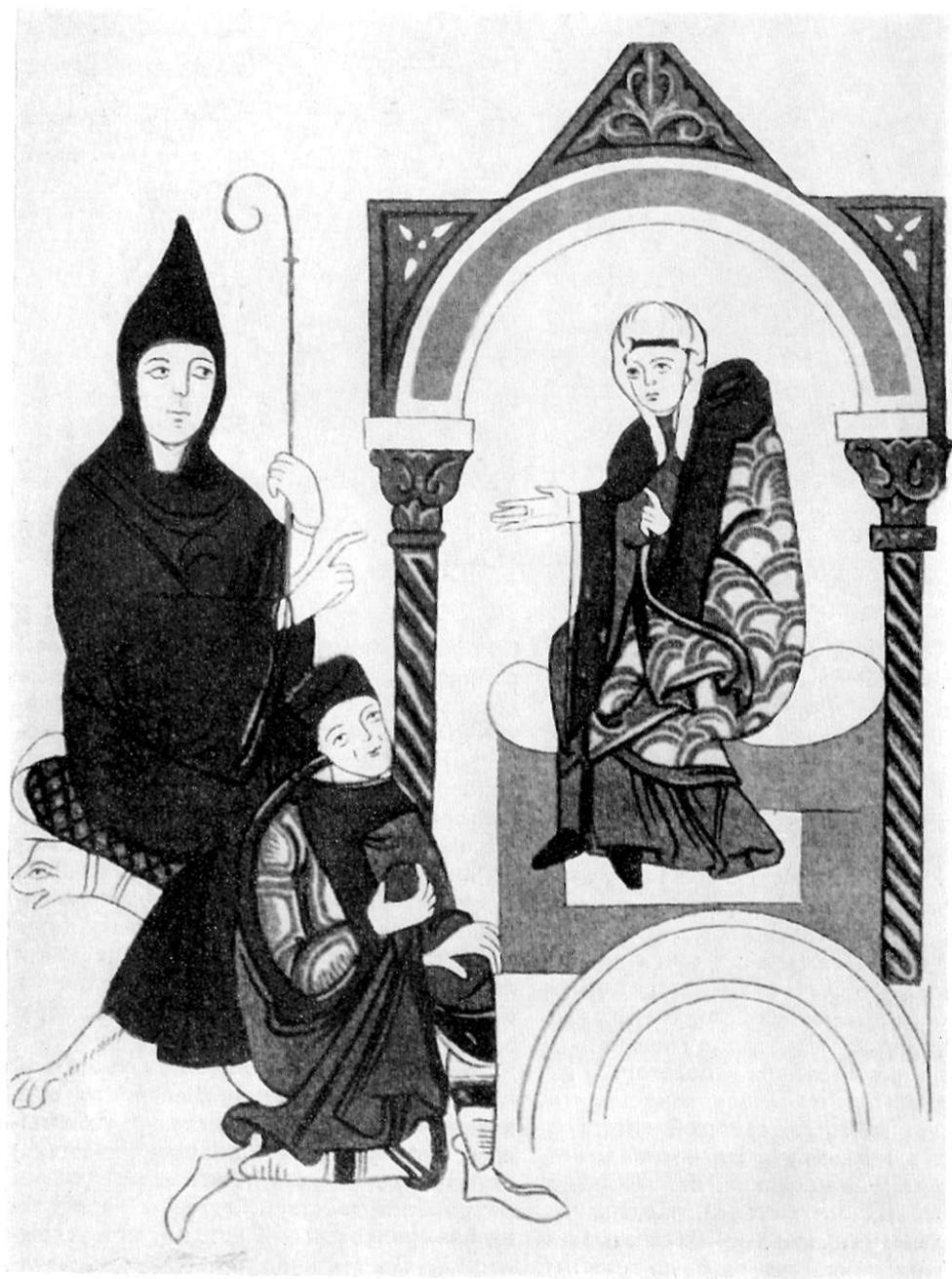

священников был закрыт для незаконных сыновей. Проверка эта проводилась обычно поспешно и спустя рукава. Более серьезно епископы относились к проверке имущественного состояния будущего священника: им надлежало выяснить, есть ли у него „титул“, то есть гарантированный доход, — дело в том, что епископ брал на себя обязательство „не дать умереть с голода“ тому, кого он посвятил в священники. Если у клирика не было „титула“, он мог получить его от какого-нибудь лица или от монастыря. Поставление священником в очень большой степени зависело от местного сеньора. Священник как бы держал от него землю и в некотором смысле оказывался его вассалом, его человеком. С XI века усиливается тенденция высвободить клир из-под контроля светской власти и подчинить духовным учреждениям.

Приходские священники, низшее звено в среде священнослужителей, разделялись на два разряда: в Англии их называли ректорами и викариями. Ректоры были самосто-

ятельными людьми, имевшими церковный бенефиций (земельное держание) в своем распоряжении, равно как и все церковные доходы. Викарий находился под патронажем какого-нибудь учреждения (обычно монастыря), присваивавшего себе две трети доходов его церкви. Самостоятельными ректорами могли быть в тех условиях, как правило, люди, принадлежавшие к местной знати; крестьянин, пробившийся в ряды духовенства, лишенный поддержки влиятельного линияжа, мог рассчитывать лишь на положение викария с его нищенскими доходами; он, по сути дела, продолжал и в церковном сане вести крестьянский образ жизни.

В средневековом обществе с его тягой к жесту посвящение (ordnatio, то есть включение в ordo, „сословие, — как называли духовенство —, по преимуществу“) осуществлялось в результате определенных ритуальных действий, которые на протяжении средневековой истории все усложнялись. Поставление священником пред-

Облачение аббата /Спюни
Хуго (слева).
Миниатюра. XII в.

Облачение дьякона: амикт,
альбе, далматика.
Статуя св. Стефана. XIII в.
Собор в Сансе

Облачение еп/скопа: амикт,
альба, далматика, план/
митра.

Скульптура (св. Пул). Пор-
тал собора Сен Луп-дс-Нод.
Начало XII в.

полагало наложение рук епископом на посвящаемого, помазание, передачу вина и хлеба — символов его действий, ибо превращение вина и хлеба в кровь и плоть Христовы во время мессы было важнейшим моментом богослужения — и поцелуй как знак верности (напомним, что поцелуй играл огромную роль и в рыцарском ритуале). Еще более торжественным было посвящение (consecratio) в епископы, когда происходило помазание головы посвящаемого миром и передача ему посоха и кольца.

По всей видимости, до VI века специальной литургической одежды духовенства, то есть такой, в которой совершалось богослужение, не было: клирики отличались от мирян лишь преимущественным употреблением белых одеяний и тем, что они выстри-

гали на голове тонзуру. В быту клирики одевались как миряне, но литургическая одежда была парадной и изготовлялась из лучших льняных, шерстяных и шелковых тканей, часто ярких цветов, украшенных вышивкой. При этом церковь отчетливее сохраняла традиции античного (то есть языческого) костюма, нежели мирская мода. На нижнюю рубаху и брэ клирик надевал стихарь — своего рода тунику, сшитую из белого полотна (отсюда его латинское название «alba» — „белая”), длинную, убранныю в пояс, узкими рукавами. Подол стихаря иногда украшался аппликациями из цветного шелка и вышивкой. Поверх стихаря надевали другую тунику, более короткую и прямую — далматику — типичное одеяние диаконов, которое носили, однако, и епископы. Ру-

жу
Риза, приписываемая
св. Томасу Бекешу
(ум. 1170).
Собор в Турно

212
Риза св. Бсрнара.
Середина XII в.
Сокровищница Экс-ла-Шапель
213
Риза из сокровищницы
Бсварского музея.
Мюнхен

кава далматики были широкими, а по бокам иногда делались разрезы, открывавшие украшение стихаря. Ранние далматики были белыми, подчас с пурпурными аппликациями, после X века встречаются желтые, синие, фиолетовые, красные, зеленые. Вокруг шеи клирики носили прямоугольный льняной плат — амикт (наплечник) со шнурами по углам, которые закреплялись под мышками. По-видимому, амикт первоначально служил покрывалом, которое все верующие набрасывали на голову и плечи во время молитвы, но в XI веке его уже носят под стихарем, а с середины XII века закраину амикта, которая виднелась сквозь вырез туники, украшают воротом или обшивкой. Поверх далматики надевали столу (епитрахиль) — длинную льняную ленту, украшенную вышивкой — шелком и золотой нитью. Стола отличала разные разряды клира: диаконы носили ее через плечо, так что лента проходила через грудь по диагонали; священники перекрещивали концы столы на груди, а епископы, обернув столу вокруг шеи, отпускали концы так, что они ниспадали прямо (епископы к тому же подчас носили столу под далматикой). Священнический плащ *casula* (фелонь или риза) был круглым цельным одеянием с отверстием в центре для головы. Будучи надетой, казула как бы углом спускалась примерно до колен (плащи могли быть и более и менее длинными), оставляя свободными руки и открывая полы стихаря и далматики. Сохранились фелони XII века из темно-синего или красного шелка с орнаментальными полосами; их украшали также изображениями фантастических животных. Архиепископы и некоторые епископы (атакже аббаты круп-

ных монастырей) имели привилегию носить паллий (омофор) — белый шерстяной круг, к которому подшивались две вертикально спадавшие ленты; паллий украшали пятью изображениями креста, вышитыми красным или черным. Его шили в Риме и освящали специальным обрядом, возлагая на гробницу, которую предание приписывало апостолу Петру. Прелаты получали паллий от папы в знак его верховенства. Помимо паллия, посоха и кольца инсигний прелатов была митра. Первые митры — это низкие шапочки, украшенные вышивкой, с середины XII века они становятся все более высокими и заостренными.

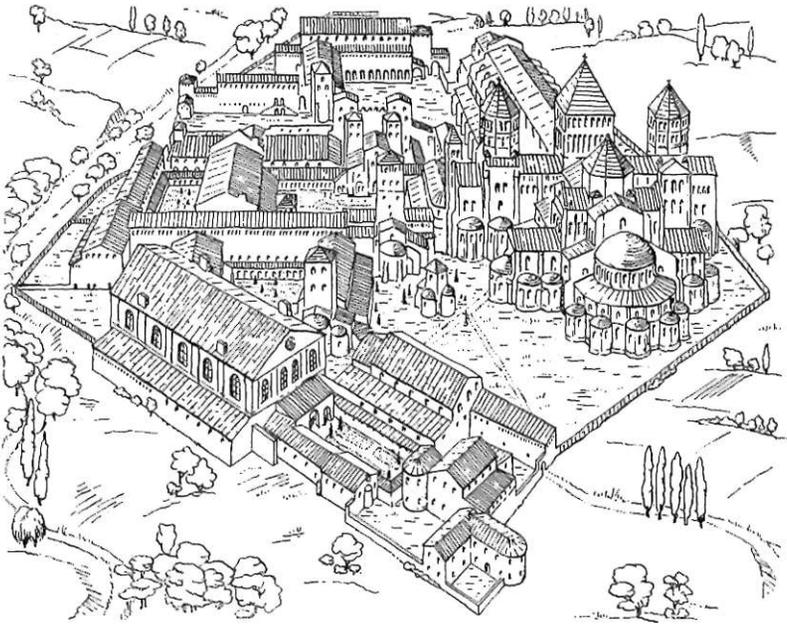
Епископы — подлинные князья церкви — по своему происхождению принадле-

жали к феодальной знати. Церковное право предполагало избрание епископа духовенством его области, фактически же епископ ставился крупным феодальным сеньором или королем, осуществлявшим инвеституру — передачу посоха и кольца, символов епископской власти. В соответствии с этим епископы в понятии феодального общества оказывались вассалами короля или территориального князя (герцога, графа) со всеми вытекающими отсюда обязательствами. В XI веке вопрос об инвеституре епископов приобрел чрезвычайную остроту и породил бурные споры между римским папой и „римским" императором (германским королем): стремясь превратить епископов из вассалов германского государя в вассалов папской

курии, папы видели в этом могущественное средство сплочения христианской церкви. Однако при всех успехах папства ему не удалось осуществить эту тенденцию повсеместно, и церковь во Франции и Англии с XII века становится опорой национальной королевской власти.

Епископы управляли церковью при помощи капитула, члены которого (они назывались канониками) были в своем большинстве выходцами из рыцарских семей. Сама организация капитула (первоначально каноники должны были жить сообща в церковных помещениях) напоминала замок барона с его рыцарями. Каноники принимали участие в управлении церковью, ведали ею в отсутствие епископа, выбирали епископа

(после чего он должен был получить папскую или императорскую инвеституру). Очень важную роль в управлении диоцезом (епископией) играл архидиакон, которого иногда называли „епископским оком“ и который осуществлял контроль за функционированием приходских церквей и за моральным состоянием диоцеза.

Более крупные территориальные объединения, включавшие несколько церквей, — архиепископии, были построены потому же принципу, что и епископии. Епископы и архиепископы были носителями сеньориального принципа в средневековой церкви.

Позиция римского папы оказывалась более сложной и противоречивой. С одной стороны, он выступал как территориальный князь Рима и его непосредственной округи — и эту роль по преимуществу папство выполняло до середины XI века. С другой стороны, папство было воплощением идеи средневекового универсализма, расцветшей с особой силой со второй половины XI века,

когда папы возглавляют движение за реформу церкви, стремясь превратить духовенство в обособленную и сплоченную организацию, и одновременно участвуют в таких „общеевропейских“ предприятиях, как крестовые походы. Папа имел свой капитул — курию, члены которой именовались кардиналами. Они избирали нового римского епископа, они же выполняли административные функции и, в частности, в качестве легатов-посланцев осуществляли папский контроль над отдельными епископами и архиепископами.

Духовенство, хотя и скованное принципами celibата, жило в миру и соблюдало мирские нормы поведения. Епископы подчас командовали военными отрядами, а каноники охотились с собаками и соколами. Средневековые моралисты постоянно осуждают непристойное поведение каноников во время службы — шум, хихиканье, а то и невинные развлечения, вроде бросания огарков свечей с галереи на головы сидящих

внизу. Они скорбят и о более серьезных пороках: о прелатах, которые даже и не пытаются скрыть свои богатства; о канониках, разодетых в шелка и не думающих о милостыне; о приходских священниках, неграмотных и сребролюбивых, пьянствующих в харчевнях и нанимающих себе служанок, а не слуг. Несмотря на свою внешнюю обособленность (костюм и принцип целибата играли в этом обособлении первостепенную роль), духовенство не стало строго отделенным социальным разрядом средневекового общества — во всяком случае, до контрреформации XVI века. Иное дело монашество, которое по своему статусу должно было противостоять миру, служить его живым отрицанием, являя наземле (разумеется, в идеале) прообраз божественного общежития.

Уже формой своего обитания монах противопоставлял себя миру. В Западной Европе — в отличие от Византии с ее отшельниками, затворниками и семейными лаврами — утвердился общежительный тип монастыря, где монахи жили не в кельях, а в общих спальнях, подобно баронской челяди в замке. Монастырь был отделен стеной от внешнего мира, доступ внутрь для мирян был закрыт, а пребывание монахов вне монастырских стен ограничивалось временем

215

Монахи-цистерцианцы.
Миниатюра

216

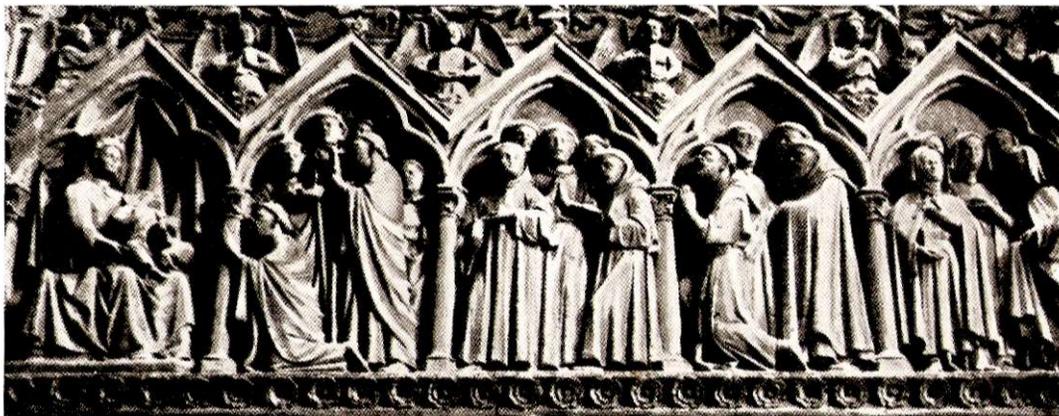
Кельярь.

Миниатюра. XIII е.

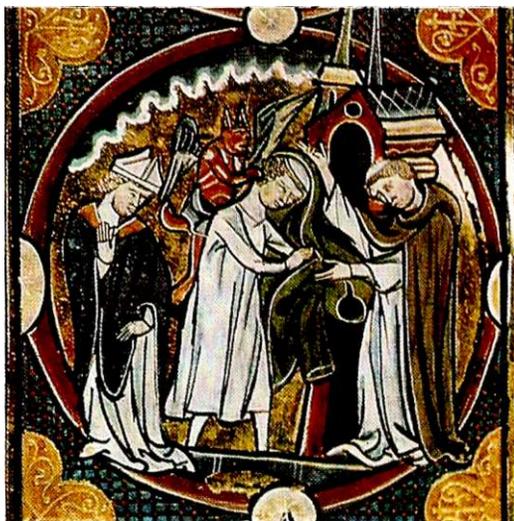
217

Монахи-цистерцианцы
на полевых работах.
Миниатюра. 1111 г.

218
 Облачение цистерцианцев
 (слева направо): аббаты,
 монахи, конверсы,
 монахини.
 Г орельеф
 (надгробие св. Этьена),
 1260 г. Обазин. Франция
 2)9
 Новаций получает монашеское
 облачение и отрекается
 от соблазнов светской
 жизни.
 Миниатюра.
 Вторая половина XIII в.

и регламентировалось монастырскими нуждами. Монастырь XI—XII веков представлял собой устойчивый и хорошо организованный архитектурный комплекс, расположенный в сельской местности. Его центром служил так называемый клуатр — прямоугольный открытый дворик с фонтаном (или крестом) посредине, окруженный с четырех сторон галереями с колоннадой. Клуатр примыкал к церковному зданию, из него также был вход в трапезную (рефекторий), в dormitorio (на втором этаже), в зал заседаний монастырской администрации. Вблизи от клуатра размещались скрипторий и хранилище рукописей. За пределами внутреннего ограждения находился монастырский двор, окруженный внешней стеной. Здесь размещались хозяйственные постройки: мастерские, амбары, конюшни, мельницы. Неподдалеку были больница, странноприимный дом и помещение для раздачи милостыни.

Монастырские стены были зримым воплощением того принципа, который сформулирован в XII веке „Монашеским зеркалом“: идеальный монах должен, подобно Мельхиседеку, безродному герою средневековой легенды, отказаться от отца, матери и родни. Как рыцарь, принося оммаж, включался в новую семью, которую

он (в теории) ставил выше кровного родства, так и в еще большей степени монах разрывал земные связи и включался в монашескую общину, заменявшую ему родных и соседей. Принятию монашества (как и посвящению в рыцари) предшествовал сравнительно недолгий (до полугода) искус, период ученичества, или новициат. Новиций (послушник) мог, согласно церковному праву, в любой момент покинуть обитель и вернуться в мир, но социальная мораль расценивала такой поступок как предательство и прилагала к новициям-изменникам библейский образ псов, возвращающихся на блевотину свою, их именовали „апостатами" и „погибшими душами". Новиций носил особую одежду, отличную от мирской, но только после торжественной церемонии вручения монашеского одеяния и пострижения он становился полноправным иноком — на всю жизнь, ибо выход из монашеского состояния был полностью запрещен. Особую форму пострижения в монашество представляло собой так называемое *ad succurrendum*. К нему прибегали люди тяжело заболевшие и ожидавшие близкой смерти — они рассчитывали, что пострижение увеличит их шансы на спасение души.

Монах брал на себя определенные этические обязательства, которые определялись тремя принципами: повиновением, нестяжательством и безбрачием. Эти три принципа знаменовали отход от земных интересов — семейных и имущественных — и включение в новую организацию, пронизанную суровой дисциплиной. Конкретное выражение трех монашеских принципов составляли „четыре столпа" устава, сформулированного Бенедиктом Нурсийским в VI веке: отсутствие собственности, труд, замыкание отмира и пищевые ограничения. По уставу Бенедикта Нурсийского монахи должны были составлять самодовлеющую и замкнутую трудовую общину, в которой все принадлежало коллективу и где не приходилось рассчитывать на щедрое довольствие

220

Облачение кармелитов
(вверху) и францисканцев.
Миниатора. XV в.

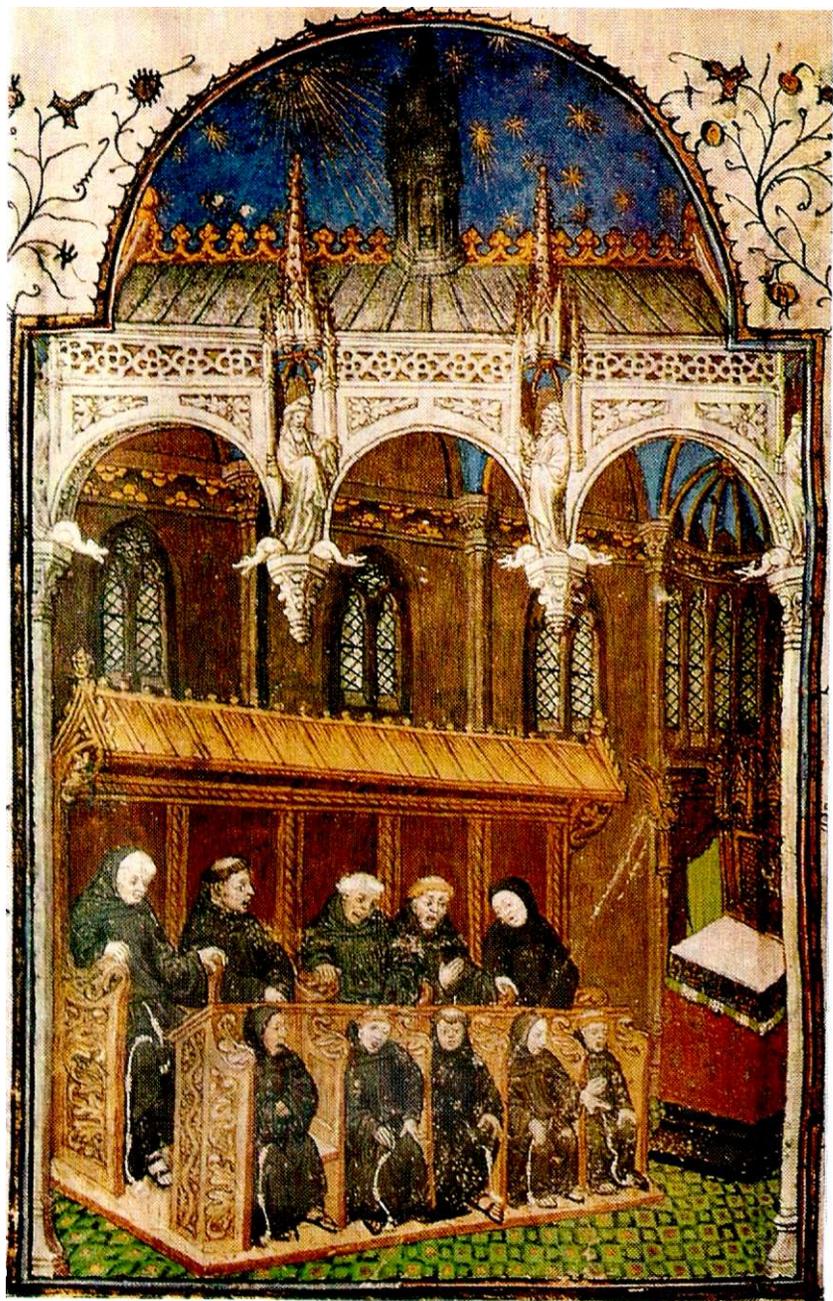
(монахи должны были соблюдать вегетарианскую диету — мясо разрешалось только больным). К XI—XII векам бенедиктинские „столпы" практически не соблюдались: физический труд на полях и на кухне и даже уборка клуатра были переложены на зависимых крестьян и на наемных работников; монахи имели личные деньги, которые даже отдавали в рост; монашество стало со временем настолько подвижным, что пребывание во внутреннем ограждении из нормы превратилось в наказание за бранное слово или за драку. И так как потомки рыцарей, постригавшиеся в монахи, не могли обойтись без плотной еды, то они отправлялись в монастырскую больницу за мясными блюдами; когда же папы запретили этот обычай, в монастырях стали появляться особые комнаты, где братия благополучно поглощала мясо, не оскверняя ни трапезную, ни больницу. Таким образом, монашеский идеал — как все средневековые идеалы — оставался в сознании людей, далеко не воплощаясь на практике, наоборот, мы встречаем постоянные жалобы не просто на обмирщение монахов, но и на то, что их поведение расходилось с нормами не только „ангельской", но и человеческой морали.

И все-таки средневековое монашество представляло собой серьезную силу. В какой-то мере оно поддерживало и подкрепляло класс феодалов. Монастыри были основаны главным образом королями и баронами; их настоятели (аббаты), причисляемые к князьям церкви, к прелатам, принадлежали к аристократическим фамилиям; короли, бароны и рыцари были наиболее щедрыми дарителями монастырей, но зато короли и бароны фактически назначали аббатов и считали их своими вассалами. Монастыри становились крупными земельными собственниками, эксплуатировавшими крестьянство, и наряду с епископами и баронами — объектом крестьянской ненависти.

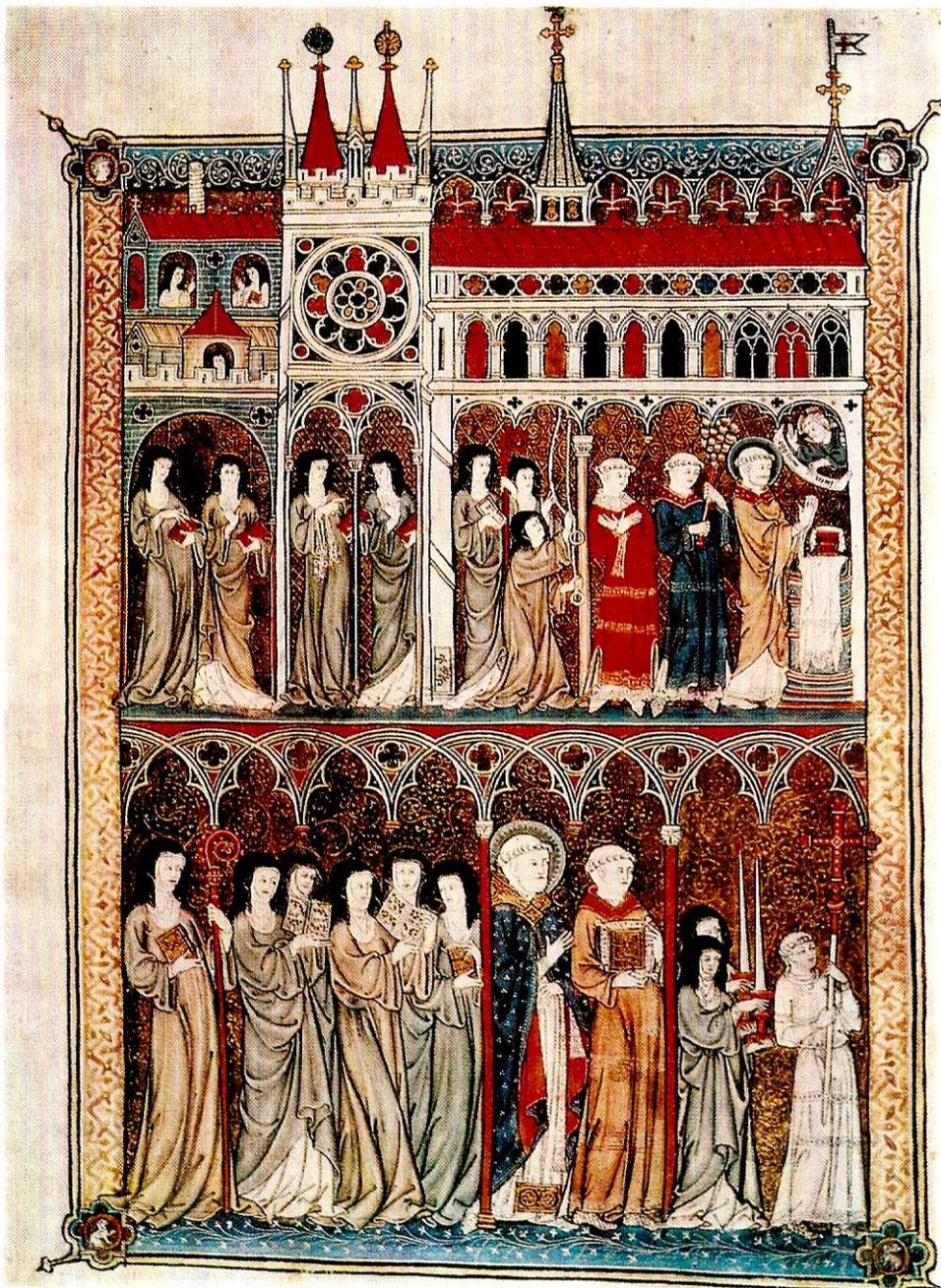
А вместе с тем монашество было своего рода отрицанием если не феодального

порядка, то рыцарского образа жизни. Та благородная нерасчетливость, та бездумная щедрость, которые возводились в идеал идеологами рыцарства, были отвергнуты монастырями. „Нестяжатели" знали цену деньгам и в нарушение церковного права давали ссуды под процент, умели наладить хозяйство, расчищали леса и применяли передовые приемы средневековой агротехники; они составили инструкции по управлению крестьянами, описи земельных владений, ввели письменную отчетность приказчиков. Монахи использовали панический страх человека средневековья перед загробным наказанием, чтобы принудить крестьян к земельным дарениям, округляя таким образом свои владения. Монастырские урбарии (сборники дарственных и купчих грамот) — документы, отражающие трагедии крестьянских семей: постепенное втягивание в зависимость от аббатства, передачу монахам наделов, разорение детей „благочестивыми отцами", обман и прямые угрозы. Рыцарство было воинственно неграмотным — монастыри, напротив, оставались долгое время чуть не единственными рассадниками образованности средневековья: школы, скриптории, библиотеки функционировали почти исключительно при монастырях. Рыцарство жило войной и для войны, напротив, монастыри — носители раннего хозяйственного рационализма — проводили принцип внутреннего („божьего") мира, выдвинутый церковью в конце XII века в условиях полной неспособности пришедшей в упадок королевской власти ограничить феодальный разбой и анархию, препятствовавшие нормальному функционированию экономики; были установлены периоды, когда военные действия воспрещались и определенные категории населения (женщины, дети, купцы и прежде всего клирики), а также рабочий скот были поставлены под защиту церкви.

Монастыри обладали хозяйственной мощью и, несмотря на все нарушения бене-

221
Монахи-бенедиктинцы,
распевающие псалмы.
Миниатюра. Начало XV в.

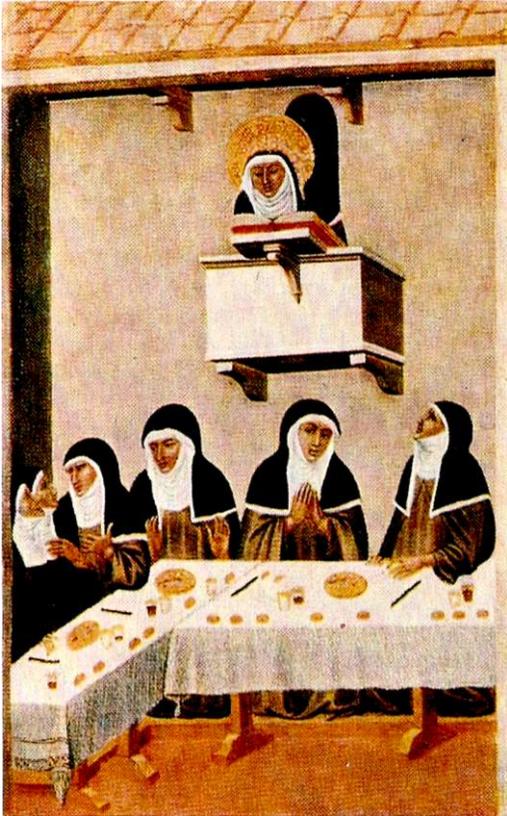
диктинского устава, высоким моральным авторитетом. Они поддерживали папство в его стремлении реформировать церковь и осуществить универсалистские принципы. Однако при всей монашеской дисциплине, расчётливости и тенденции к универсализму монашество, как уже отмечалось выше, не стало единой организацией. Оно распалось на ряд орденов. Первоначально в Европе доминировал бенедиктинский устав, преобразованный Бенедиктом Анианским и в 817 году объявленный обязательным для всех монастырей. Именно Бенедикт Анианский отверг старый принцип физического труда и стал рассматривать монаха исключительно как рыцаря божьего, подчиненного своему аббату и выполняющего особую службу — молитвы и богослужение. Обмирщение бенедиктинцев и падение авторитета „черных монахов“, как их называли, приводят к ряду попыток реформы монашества, в том числе предпринятой в бенедиктинском аббатстве Клюни (Бургундия) в конце X и XI веках. Внешне она выразилась в большей строгости устава (пост, молчание) и в большей торжественности богослужения, в сущности же, клюнийцы осуществили дальнейшую аристократизацию монашества. Клюнийские монастыри (монастыри, входившие в могущественную конгрегацию под главенством Клюни) были тесно связаны с крупными сеньорами, обладали огромными богатствами и стремились — вопреки заявлениям аббатов — не к восстановлению первоначального бенедиктинского устава, а к созданию такого монашества, которое отвечало бы потребностям класса феодалов. Поддерживая папство, клюнийцы в XI—XII веках были одной из самых значительных сил, отстаивавших универсализм, и Адальберон, епископ Панский, сатирически изобразил их рыцарями, штурмующими Францию и весь мир.

222

Аббатиса (с посохом),
монахини, новации,
Миниатора. 1300 г.

В XI—XII веках стали появляться нот.и-монашеские ордена (камальдулы, иалпомброзианцы, картезианцы, премонстранты, кармелиты и др.). Особенно важную роль играл орден цистерцианцев, основанный в 1098 году. В отличие от бенедиктинцев, „черных“ монахов, „белые“ монахи, цистерцианцы, подчеркивали аскетизм своего быта, затронувший даже богослужение; облачение из холста, кадьильницы из меди и железа, отсутствие драгоценной утвари (кроме чаши для „крови Христовой“), отказ применять витражи и церковную живопись — все это резко отличало их от клюнийцев. Другой особенностью ордена было разделение монахов на полноправных иноков и так называемых конверсов — братьев, происходивших из трудовых слоев общества и продолжавших трудиться в монашеском одеянии. Особое место среди орденов этого времени заняли военно-рыцарские ордена, видевшие свое назначение не в созерцательной жизни и молитвословии, а в активной деятельности, направленной против врагов христианства. Таковы госпитальеры, тамплиеры, тевтонские рыцари, ряд испанских орденов. Первоначально они участвовали в борьбе крестоносцев в Сирии и в отвоевании Испании у арабов, а потом потеряли прежнее значение, и тамплиеры, в частности, превратились в хорошо налаженную торговую и банкирскую компанию. Наконец, в начале XIII века появились так называемые нищенствующие ордена — доминиканцы и францисканцы (минориты). Всем своим обликом (босые, перепоясанные простой веревкой) монахи подчеркивали соблюдение принципа бедности. Но, осуждая богатство и наживу, нищенствующие ордена вскоре стали обладателями огромных богатств. Они переносят свою деятельность в город, их монастыри строятся в предместьях.

Возникновение доминиканцев и францисканцев представляется совершенно различным. Доминик де Гусман (1170—1221),

223
 Рефекторий о женском
 аббатстве,
 Миниатора,
 1341 г.

224
 Монахини-францисканки,
 Миниатора. Начало XV в.

знатный испанский каноник, создал новый орден откровенно для борьбы с еретическим движением в Южной Франции, напротив, Франциск (1181/82—1226), сын богатого купца в Ассизи, выступил почти как еретик — с критикой церковной практики и с проповедью бедности. Для Доминика нищенство было явной маской, для Франциска — социальным поиском. Но независимо от их субъективных устремлений оба ордена стали в XIII веке институтами, осуществлявшими идеологическое воздействие церкви прежде всего на новый общественный феномен — на город, центр растущих богатств и очаг ересей, причем особое внимание доминиканцы и минориты уделяли

университетам. Фома Аквинский (1225/26—1274), один из крупнейших богословов средневековья, был доминиканцем. Так вместо клюнийского монаха-воина в XIII веке вырабатывается новый идеал монаха-проповедника.

Монашеское одеяние состояло (помимо обычной нижней одежды) из длинной тунники с узкими рукавами, нарамника, рясы с разрезом по бокам и капюшона. Ряса должна была быть черной (по бенедиктинскому уставу), изготовленной из местной шерсти. Зимой бенедиктинцы надевали овчину, чтобы выстаивать длинные службы в холодных церквях. Цистерцианцы считали бенедиктинское одеяние (особенно овчину) чрезмерной роскошью. Бенедиктинскую черную рясу они заменили белым плащом с широкими рукавами и капюшоном, но на работу цистерцианские конверсы выходили без плаща, в наплечнике. Доминиканцы приблизили свой наряд к светскому костюму: поверх рясы они носили плащ с капюшоном, типичный для трудящегося люда XIII века.

Город вошел в средневековое общество двойственно: и как его составной элемент и как его отрицание. Его экономика (во всяком случае, на первых порах) оставалась средневековому ограниченной задачей простого воспроизводства; его архитектура развивала принципы, выработанные при строительстве сельских жилищ, и замковое фортификационное искусство (что нашло отражение в названии города: *castrum*, *castellum* — по-латыни, *Burg* — по-немецки); быт и костюм горожан соответствовали феодальной моде, и именно на городских площадях получило наивысшее развитие средневековое храмовое зодчество. Городская верхушка, патрициат, равнялась на фео-

*rt ШШШ:rn. ШШШ • ' Н И Р
^ « М *

дальнюю аристократию, стремясь к созданию собственных ливеньей, кичащихся знатностью, и вкладывая свои состояния в земельную собственность. И все-таки город не мог не стать антитезой феодализма. Хотя горожане разводили скот, возделывали нивы и виноградники, город был прежде всего центром торговли, промыслов (горное дело, рыбная ловля) и специализированных ремесел, с которыми была связана основная часть жителей. Городское хозяйство в несравнимо большей степени, чем деревенское, ориентировалось на денежный обмен, и именно в мастерских ремесленников и торговых предприятиях использовался наемный труд — намного раньше и систематичнее, чем в крестьянском и сеньориальном хозяйстве. На протяжении XI—XIV веков

города — экономическое и культурное бродило средневековой жизни, двигатели экономики и распространители новых знаний. Именно здесь рождался технологический поиск, стремление к совершенствованию транспортных средств и потребность в надежной информации. Это в сфере хозяйственной деятельности, а в области социальной город провозгласил свободу. В результате так называемого коммунального движения XI—XII веков города сумели высвободиться из-под власти светских и церковных сеньоров и как бы стать вне феодального права, получив привилегию руководствоваться городским правом на территории города и примыкающей к нему узкой полосе. Городское право не только обособляло коммуну, изымая ее из-под сеньориальной

юрисдикции, но и — шире — противопоставляло феодальной системе; хорошо известный принцип: „городской воздух делает свободным“ — позволял феодально-зависимому крестьянину, прожившему год и день внутри городских стен, расстаться с прежней зависимостью и приобрести свободу. Многие города изгнали проживавших в них феодалов или ограничили их права, создав тем самым новую городскую привилегированность. Города, наконец, установили свои формы административной организации: территориальные братства, группировавшиеся обычно вокруг приходских церквей; торгово-ремесленные корпорации (цехи и гильдии), объединяющие полноправных мастеров — собственников мастерских и лавок, братства подмастерьев и, разумеется, прежде всего органы коммунального самоуправления — городские советы.

Город создал вооружение нового типа, противопоставив рыцарскому копью простонародный лук со стрелами, а в XIV веке применив огнестрельное оружие — пушку, годившуюся первоначально главным образом для разрушения замков. Город стал местом деятельности новой науки — университетской и средоточием религиозных и социальных исканий — ересей. Поэтому естественно, что город, манящий своим богатством и отвращающий своей чужеродностью, оказался враждебным феодальному миру — рыцарству, церкви и монастырям.

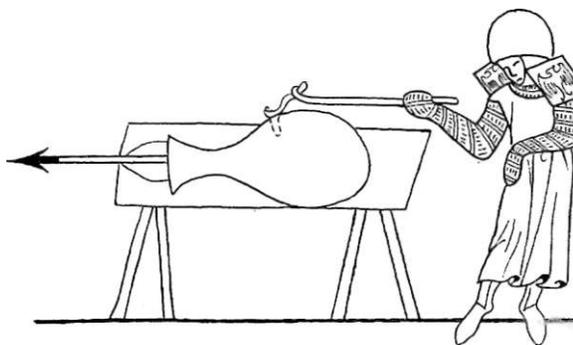
Античная городская традиция в Европе была прервана германскими вторжениями, а затем арабским завоеванием значительной части Средиземноморья. Старые города повсюду лежали в развалинах. Правда, городская жизнь не исчезла совсем. Отдельные очаги ее довольно устойчиво теплились в Италии, Южной Франции. Раннее средневековье знало несколько робких волн

225

Крестьянин (вверху)
 и монах-цистерцианец
 Миниатора. 1111 г.

возрождения городской или, скорее, пред-городской жизни: в VII—VIII веках в бассейне Мааса и на британском побережье Ламанша, в IX веке — на широкой территории от Южной Галлии до Центральной Германии, а также и в Аквитании. Кое-где (в Византии и Италии) развитие новых городов начинается уже в X веке. Но лишь к XI веку новая полоса урбанизации охватывает подавляющее большинство областей Западной и Центральной Европы. Город высокого, или классического, средневековья, обособленный от окружающей территории в экономическом, правовом, топографическом и бытовом плане, обладающий устойчиво стабильным населением, был новым феноменом, принципиально отличным как от греческого полиса и римского муниципия, так и от эмбриональных городских форм раннего средневековья. Некоторое время городские коммуны существуют в рамках феодальной системы. Они осознают свою особенность в XIV веке, когда бюргерские воззрения и вкусы приходят в открытый конфликт с феодальными. До этого противоречия остаются латентными, и нищенствующие ордена еще не теряют надежду путем несложных уступок сохранить в городах свое идейное верховенство.

Горожанин, как и рыцарь, не выступает на первых порах независимым индивидом, но включается в общество через систему разнообразных корпоративных связей. Прежде всего он член коммуны, сочлен городского целого. Городское население образовалось из разных социальных слоев: из купцов, первоначально живших в обособленных поселениях, которые в Германии именовались *Wick*, из ремесленников, свободных и зависимых, из свободных землевладельцев, из сеньориальных слуг-министерялов (главным образом из епископских министерялов). Все это были люди разного правового статуса, но в процессе формирования города правовые различия стерлись и создалось экономически разношерстное, но по-своему

226

Первое изображение пушки.
Воин одет в кольчугу и котцу
поверх се. плечи зашилены

наплечниками с гербами.
голова — круглым шлемом,
С миниатюры 1326 г.

единое население, связанное общими правами и обязанностью взаимопомощи, подобно членам сельской общины. Однако, в отличие от сельской общины, сохранявшей внутри себя различные формы зависимости и правового статуса, городская коммуна стремится к правовой унификации. В XI веке во Франции, а столетие спустя в Германии, прежде всего в епископских городах на Рейне и Дунае, складывается понятие *burgenses* — бюргеров, охватывающее совокупность полноправных членов коммуны. И все-таки не каждый житель города был бюргером. Чтобы быть полноправным гражданином города, нужно было первоначально владеть земельным наделом, позднее — хотя бы частью дома (во Фрейбурге, например, в XIII веке достаточно было иметь восьмую часть дома определенной стоимости) и, наконец, нужно было уплатить специальную пошлину. Внебюргерства стояли „бедняки“, или гости, куда относились лица, находящиеся в услужении у бюргеров, а также подмастерья и поденщики. Они выполняли повинности для города, могли приобретать недвижимость, но не имели права заводить свой очаг. Вне бюргерства стояли также клирики и евреи; евреи жили в особом квартале и составляли автономную общину.

227

Миниатюра из сборника песен парижских шансонье (конец XIII — начало XIV в.) иллюстрирует религиозные песни (монахи тринитари слева), куртуазные (фигуры в центре), крестьянские.

228

Карнавал. Миниатюра. Начало XIV о.

Само бюргерство не было единым, оно распалось на две основные группы: патрициат и мастеров. Патрициат держал в своих руках городские советы (со времени их возникновения до конца XII века) и осуществлял власть над городом и его ближайшей округой, а также дипломатическое представительство городской общины по отношению к другим городам, светской и духовной знати, к королевской власти. Основное место среди городских патрициев занимали купцы и земельные собственники. Патрициат представлял собой открытую социальную группировку, пополнявшуюся за счет разбогатевших семей ремесленников и в своем быту и поведении имитировавшую рыцарство. Они создавали обширные линии и поддерживали родовую солидарность, роскошно одевались, заводили гербы, носили шпоры, сражались верхом и посещали турниры. Они стремились породниться с феодальной знатью и пройти посвящение в рыцари.

Стремление патрицианских линий к уравниванию с феодальными сеньорами оказалось успешным на индивидуальном уровне, но на социальном уровне — безрезультатным. Выбитые с прежних позиций, они не были приняты в ряды знати, для которой оставались людьми второго порядка, несмотря на свое богатство, и мы уже видели, что французские короли законодательным порядком установили грань между костюмом знатного человека и горожанина.

Городской патрициат, хотя и тяготел к аноблированию, принципиально отличался от подлинных баронов и шатлэнов. И дело не только в открытости этой социальной группировки. Важнее то, что эксплуатация земли не составляла основной функции городских нобилей; их земельные владения были сравнительно невелики и имели прежде всего престижное назначение, тогда как богатство патрициата XIII—XIV веков складывалось в иной — торгово-ростовщической — сфере, в эксплуатации город-

ских доходных статей (откуп пошлин), в аренде городских имуществ. Деятельность нобилей исходила из монополии на городские привилегии и имущества, но она же предполагала известную энергию и предприимчивость в области, как правило, чуждой настоящим рыцарям. Не случайно, видимо в XIII веке можно наблюдать интенсификацию сельского хозяйства в непосредственной близости от таких патрицианских центров, как Кельн или Гент. В городах с высокоразвитыми экспортными ремеслами (в первую очередь сукноделием), возникающими с середины XII века на северо-западе Европы и в Северной Италии, часть городского патрициата предпочла организацию ремесла ростовщичеству и откупу городских монополий. Характерный пример такого патриция — организатора ремесла — Йехан Боинброк из Дуэ, который девять раз был эшевенном (советником) в родном городе. Он умер в 1285 году, оставив огромное состояние, значительной частью которого бы-

229

Ручной мяч и шахматы.
Миниатюра

230

Игра в кости.
Миниатюра. Середина XIII о.

ла недвижимость. Боинброк покупал шерсть в Англии, привозил ее в Дуэ в мешках и раздавал на прядение крестьянам в деревнях. Затем пряжа поступала ткачам, которые номинально были свободными, но стояли в хозяйственной зависимости от Боинброка. У него была собственная красильня. Перед смертью он приказал приказчикам оплатить его долги и загладить его проступки: собрались жалобщики, и с их слов был составлен пергамен длиной в пять с половиной метров, перечислявший злоупотребления эшевена из Дуэ.

Различие между патрициатом и мастерами-ремесленниками было очень резким. Правда, до XIV века это различие, имущественное и политическое, не приводило к открытым противоречиям, и мастера поддерживали патрициат в его борьбе со светскими и духовными сеньорами городов. Со всей остротой антагонизм обнаружился в XIV веке и вылился в ряд столкновений, содержанием которых была борьба за политическое равноправие бюргеров. Сложность состава бюргерства приводила к тому, что коммунальные связи оказывались недоста-

точно прочными, и внутри городов возникали объединения иного рода, важнейшими среди которых были цехи. Цехи — это торгово-ремесленные корпорации, объединявшие мастеров одной профессии. Цехи, как правило, не занимались организацией производства, и цеховой мастер работал индивидуально в собственной мастерской и со своими подмастерьями и учениками. Задачей цеха было, во-первых, обеспечить привилегии мастеров, оградить от притязаний нецеховых ремесленников и, во-вторых, системой контроля поддерживать эгалитарные тенденции внутри цеха. Цеховые уставы регламентировали цены, качество продукции, размеры мастерских, численность подмастерьев, рабочее время. За соблюдением цеховых интересов следили старейшины. Вместе с тем цех объединял мастеров и в их внехозяйственной деятельности. Цех имел общего святого-покровителя, и цеховое объединение нередко совпадало с религиозным братством, осуществлявшим функции благотворительности. Цехи имели в собственности или арендовали общинные дома, где могли быть склады и помещения для выполнения технически сложных операций, но где в основном сосредоточивалась внехозяйственная жизнь мастеров: здесь устраивались пирушки и танцевальные вечера, проводилась регистрация учеников и экзамены на звание мастера.

Однако, как и все учреждения средневекового общества, цех был двойственным и противоречивым институтом. Противостоя нецеховым ремесленникам и эксплуатируя их труд, многие цехи замыкались и постепенно приобретали привилегированный характер. Доступ в цех был открыт прежде всего для сыновей мастеров, тогда как перед посторонними возникали всевозможные преграды — имущественные (требовалось роскошное угощение мастерам) и моральные (разумеется, в средневековом смысле: человек, родившийся от незакон-

ного брака или женившийся на женщине, рожденной вне законного брака, не допускался в некоторые привилегированные цехи). Внутри цеха установилась иерархия, обычно трехчленная: мастер — подмастерье — ученик. Если ученик, как правило, платил мастеру за обучение ремеслу, то подмастерье — это уже квалифицированный платный работник.

В положении ранних подмастерьев XII—XIII веков сильны черты семейной эксплуатации: статус подмастерья был временным, он питался и жил в доме мастера и женитьба на хозяйской дочери нередко завершала его карьеру. Но семейные черты — это второстепенное; главное, что определяло его отношение с хозяином, — заработная плата. Именно эта сторона статуса подмастерья, его бытие в качестве наемного работника имели за собой будущее. Постепенно переход подмастерьев в ряды полноправных мастеров начинает испытывать серьезные сдвиги — помимо выполнения шедевра ему предъявляют ряд социальных и имущественных требований: подмастерье должен быть бюргером, происходить от законного брака, от него требуется взнос в пользу цеха и обильный обед для мастеров и их жен. С XIV века в западноевропейских городах начинают складываться особый слой постоянных, „вечных" подмастерьев: цеховые уставы говорят о подмастерьях женатых и живущих отдельным домом (раньше всего в строительных специальностях), что противоречило принципам цеховых порядков, но сделалось к этому времени необходимостью. Цех регламентировал и ограничивал поведение подмастерьев, их одежду, посещение ими таверн и танцевальных вечеров; в немецких городах, например, подмастерьям запрещено было посещать танцы, на которых могли присутствовать бюргерши, а также бюргерские свадьбы; возвращаться позже девяти часов вечера зимой и десяти — летом, носить одинаковые шляпы и рубахи, серебряные украшения и т.п. Обособление

подмастерьев как социальной категории привело к образованию ими особых организаций — братств подмастерьев, фактически противостоявших цехам, в которых наемные работники были административно бесправными или, во всяком случае, неполноправными. Подмастерья платили вступительный взнос братству и затем уплачивали регулярные взносы в определенные сроки. Собранные таким образом средства расходовались на похороны или благотворительные цели, поскольку средневековые цехи не знали обязанности мастеров оплачивать болезнь или увечье подмастерья. Помимо взаимопомощи братства выполняли еще одну функцию, характерную для средневековой хозяйственной системы: как цехи запрещали работать в городе ремесленникам, не принадлежавшим к городским цехам, так и братства подмастерьев препятствовали найму работников, не желавших примкнуть к их организации и подчиниться ее требованиям.

В городах особенно остро чувствовалось имущественное неравенство, здесь скапливались огромные состояния и вместе с тем жили люди, не имевшие ничего, ни клочка земли, ни плодового дерева, ни хижины — нищие в полном смысле слова. Нищенство, по выражению западногерманского историка Э. Машке, — „социальная константа средневекового города“. Уже на раннем этапе европейской городской истории — в IX веке — источники упоминают о „массе не имеющих средств к существованию“ во фризском городе Дурстедде. На многочисленность этого слоя городского населения в период классического средневековья указывают мероприятия городских властей по оказанию помощи неимущим. Феодальное насилие и стихийные бедствия выбрасывали огромное количество людей из привычного жизненного уклада. Особенно много нищих появляется (не только в городах, но и в сельской местности) с XIV века, когда средневековая экономика начинает перестраиваться на новых основах и когда в ряде

мест феодалы сгоняют крестьян с земли, предпочитая зависимому барщиннику наемного батрака. В отдельных районах Франции и Нидерландов неимущие составляли до тридцати и более процентов населения. А в городах, особенно бурно развивающихся в этот период, ниже прожиточного минимума находилось, по данным французского исследователя М. Молла, от четверти до половины жителей. С этого времени и именно в городах бедность начинает восприниматься как проблема социальная. Дело в том, что средневековью в целом было присуще своеобразное представление о бедности и нищенстве. В соответствии с христианской традицией бедность осмысливалась как состояние, угодное богу (отсюда выражение: „христовы бедняки“), а сами бедные — как избранники божьи, которые пренебрегли земными благами ради благ небесных. Средневековые моралисты, восхваляя бедность, обычно осуждали не богатства, но алчность как один из безусловных смертных грехов. Бедность и богатство нередко трактовались как взаимодополняющие понятия: богатые — „казначей бедняков“, — раздавая избытки имущества нищим, там самым служат „самому Христу“. Наряду с этим возникло и течение, представители которого требовали полного отказа от богатства и собственности как условия спасения души — это еретики (типа вальденсов) и упоминавшиеся выше нищенствующие ордена доминиканцев и францисканцев. Христианское учение о том, что милостыня способствует спасению души дарителя (особенно милостыня, творимая через церковь), чрезвычайно способствовало развитию нищенства; нищие становились необходимой категорией средневекового социального устройства: они кормились при дворах королей и баронов, соборах и монастырях. Бедность считали естественным и неизбежным злом, подобно стихийным бедствиям, и никто не задумывался о мерах для ее ликвидации. Напротив, нищих по-своему пестовали, включая

милостыню, угощение, лечение или умывание нищих в ритуал королевских и церковных празднеств. При этом в центре внимания находились не сами обездоленные, а скорее, податели благ: бедняки, по выражению М. Молла, служили не более, чем предлогом для подвига милосердия. В „Житии святой Маргариты“, королевы Шотландской (конец XI века), подробно изображены подобные ритуальные процедуры: мытье ею ног шестерым нищим, заранее подготовленным ее слугами, кормление сирот, обслуживание ею приглашенных во дворец бедняков. Пищу давали строго определенному числу бедняков (обычно двенадцать или двадцать четыре), а не всем нуждавшимся. Но если до XIII века бедность воспринималась преимущественно как проблема моральная и религиозная, то постепенно ее начинают ощущать как тревожную болезнь, как угрозу существующему устройству. К XIV веку бедняки образуют уже широкую беспокойную массу, и постепенно понятие „бедность“ сливается и перекрывается новым понятием „низшие слои“.

Итак, человек средневековья меньше всего мыслил себя индивидом, он включался в общество через линьяжи, общины, цехи, монашеские ордена, духовную и рыцарскую иерархию. Все эти институты были строго определены: вступление в них, как правило, предполагало специфические церемонии, завершавшиеся особыми празднествами. Все эти институты имели целью поддерживать социальную солидарность, сплачивая своих сочленов против внешнего и враждебного мира, и всем им была присуща внутренняя противоречивость. „Враги“ ожидали человека не только вне его корпорации, но и внутри ее: враждебному миру природы, пронизанному „силами Дьявола“, соответствовал и враждебный человеку социальный мир: попытка преодолеть эту враждебность с помощью эгалитарности оказывалась безуспешной. Человеку сред-

невековья было свойственно стремление замкнуться в узком мире семьи, точнее — домашней общины. И все-таки он не замыкался в ней — корпорации создавали новые (вне-семейные) связи, и в принципе вассальная верность сеньору становилась выше сыновней любви, а куртуазная любовь к даме — выше семейной преданности. Семейная замкнутость нарушалась еще и системой неформальных социальных групп, то есть таких объединений, участие в которых не предполагало ни искуса, ни посвящения.

Помимо приходской церкви ремесленные мастерские в городах стягивали к себе постоянных посетителей. Особенно часто посещаемыми были лавки цирюльников и мастерские кузнецов. Цирюльни рано сделались местами обмена новостями — считалось, что брадобрей по самому роду своей деятельности знает все новости. Кузнечная мастерская привлекала по другой причине: в эпоху преобладания дерева кузнец сохранил ту таинственность, которую наложил на эту профессию еще первобытность. Средневековому сознанию он казался волшебником, связанным с природными силами. Он производил оружие, столь высоко ценившееся в ту эпоху. Огонь, пылающий в горне, постоянно манил к себе человека. В сельской местности аналогичную роль играла мельница, где крестьяне делились новостями, и подчас мельница становилась центром тайных сборищ крестьян. Монашеские ордена отметили важность подобных встреч „у мельницы“, и в XII веке уставы предписывают направлять туда монахов. Бернар Клервоский (1090—1153), один из наиболее воинствующих церковных и политических деятелей Западной Европы, настолько был возмущен безнравственностью, царившей на мельницах, что требовал даже разрушить их в интересах спасения души. Столь же существенной общественной ячейкой была и харчевня, где можно было не только выпить, но и послушать заезжего человека (ведь харчевня служила и посто-

ялым двором) или одолжить деньги. Отсюда расходилась информация, подчас легендарная, здесь слагались и рассказывались сказки.

Человек средневековья принадлежал и семье и вне семейным социальным группам, и его мораль строилась на преодолении противоречия между „личным“ и „корпоративным“. В своем полутемном доме, обставленном тяжелой мебелью, обособившемся от остального мира, человек ощущал страх перед бесконечным пространством — космосом и перед бесконечным временем — смертью. Здесь не было места для смеха, вечность казалась слишком серьезной, божественной. А выходя из своего одиночества (с самим собой и христианским богом) в корпоративный мир „равных“, он стремился сконструировать иллюзорную действительность, где все оказывалось перевернутым, отчаянно веселым и озорным. Во внешнем своем поведении человек средневековья стремился не столько „быть“, сколько „казаться“. Самая его одежда не так прикрывала от холода и удовлетворяла эстетические потребности, как отвечала притязаниям на известный социальный ранг. Его подчеркнутая небрежность (в условиях всеобщей нехватки средств существования) была своеобразной игрой, но игрой, стоившей многим семьям состояния. Все его поведение больше определялось

жестом, чем словом, и соответственно больше эмоцией, нежели трезвым рассуждением. Карнавал — раскованный праздник накануне великого поста, знаменовавший освобождение от социальных, этических, сексуальных табу, превращавший жизнь в продолжительный праздник — игру с шествиями, огнями, переодеваниями, — характернейшее выражение средневекового стремления в игре, в иллюзии вырваться из нищеты, страха и социального неравенства. И как карнавалу, средневековье со страстью отдавалось игре в кости и шахматам. Шахматам потому, что усматривало в этой игре овладение социальным порядком, возможность распоряжаться королевскими судьбами (шахматным фигурам была придана политическая символика); костями потому, что в этой игре противостояние человека и слепой судьбы открывалось особенно обнаженно.

Религия и игра создавали два противоположных и причудливо связанных, одинаково иллюзорных дубликата мира в сознании средневекового человека: религия — небесный мир, трагически-серьезный, пронизанный страхом и ожиданием смерти; игра — мир слепой судьбы, полный сверхземных устремлений и чуждый расчета.

Развитие бюргерской идеологии, в конечном счете, разрушило и ту и другую иллюзию.

Оглавление

Глава 1
р в котором жили
7

Глава 2
У себя дома
43

Глава 3
Враги и друзья
115

Библиография
172